

02.7(421)
P-49:

М.Ш. Ризаханова

02.7(421)
P-49
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ
НАУК

Институт истории, археологии и этнографии

М.Ш. Ризаханова

**ЛЕЗГИНЫ.
XIX-НАЧАЛО XX В.
ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ**

**ЛЕЗГИНЫ. XIX –
НАЧАЛО XX В.
ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ**

Издательский дом "Эпоха"
Махачкала
2005

ББК · 63.5 (2 Рос-Дар)
Р-49

Ответственный редактор: доктор исторических наук
М. О. Османов

Рецензенты:

Доктор исторических наук А.Г. Булатова,
Доктор исторических наук С.А. Лугуев

Рекомендовано к изданию ученым советом Института истории,
археологии и этнографии ДНЦ РАН

166120

Ризаханова М.Ш.

Лезгины. XIX - нач. XX в. Историко-этнографическое
исследование, «Издательский дом “Эпоха”», Махачкала, 314 с.

В монографии на основе этнографического материала, архивных данных и литературных источников исследуются вопросы истории, традиционной материальной и духовной культуры, семьи, семейного и общественного быта одного из относительно крупных по численности народов Дагестана – лезгин.

Работа предназначена для этнологов, историков и широкого круга читателей, интересующихся историей и культурой народов Дагестана.

© Ризаханова М.Ш.
© Изд. дом “Эпоха”, 2005

ВВЕДЕНИЕ

Всестороннее исследование истории и культуры каждого народа является одной из актуальных проблем этнографической науки. Особую актуальность это приобретает на современном этапе, в период, когда самые малочисленные народы стараются выделиться, самоутвердиться.

История и культура каждого народа имеют свои индивидуальные, специфически самобытные черты, и изучение их помогает выявить тот вклад, который он вносит в сокровищницу мировой культуры.

Знакомство с каждым народом, с его происхождением, развитием, особенностями быта, традиционными формами материальной и духовной культуры, общественных отношений и т. д. имеет большое значение для решения задач по совершенствованию национальных отношений, воспитанию интернационализма. Знакомство с инонациональной культурой и историей воспитывает уважение к ним и формирует у представителей всех социальных категорий страны определенное отношение к самобытным культурам всех народов как к общенародному богатству. Не менее важной стороной является воспитательная направленность на пропаганду народных культурных традиций. Изучение традиционной культуры народов приобретает особую актуальность в наше время, в период грандиозных преобразований в общественной и культурной жизни страны.

В этом плане предпринимается попытка исследования истории, культуры и быта одного из значительных по численности народов Дагестана – лезгин.

Актуальность исследования обусловлена и тем фактом, что до настоящего времени цельного монографического исследования, всесторонне характеризующего народ, не имеется.

Лезгины – самоназвание лезги (лезгияр – мн.) – издревле живут в Юго-восточной части Дагестана и сопредельных

районах Северной части Азербайджана. В Дагестане они населяют Докузпаринский, Ахтынский, Магарамкентский, Курахский, Сулейман–Стальский (бывш. Касумкентский) районы, а также частично Рутульский и Хивский районы. В пределах Азербайджана лезгины компактно проживают в Кубинском, Кусарском, Худатском, Куткашенском, Кунахкентском и Хачмасском районах.

Численность лезгин согласно учету населения 1873 – 1874 гг. составляла 120301 человек.¹ Согласно переписи населения 1926 года численность лезгин составляла 134536 чел., из которых 40709 чел. проживали на территории Азербайджана.²

По состоянию на 1979 год численность лезгин составляла: в Ахтынском районе – 31711 чел., в Курахском районе – 14477, в Магарамкентском районе 29327 чел., в Сулейман–Стальском районе – 35993 чел., всего – 111508 чел. Значительное число лезгин проживает в городах и рабочих поселках Дагестана. Распределение лезгин по городам и поселкам Дагестана по состоянию на 1979 год выглядит так: в Махачкале – 18703 чел., в Буйнакске – 362 чел., в Дербенте – 11013 чел., в Избербаше – 1730, Каспийске – 5368, Кизляре – 378, Кизилюрте – 226, Хасавюрте – 634. Всего 38414 чел. Таким образом, количество лезгин в Дагестане на 1979 год составляло 149922 чел.³

По переписи населения 1989 года общая численность лезгин составляла 466,5 тыс. чел., в том числе в пределах Дагестана – 205 тыс. чел., в Азербайджане – 175 тыс. чел. Кроме того, более 50 тыс. человек дисперсно проживали в других районах Российской Федерации (Россия, Казахстане, Туркменистане, Узбекистане, на Украине). Определенное число лезгин проживало в Грузии, Белоруссии, Таджикистане, Киргизии. Следует отметить, что в последние годы число лезгин в Казахстане значительно сократилось за счет оттока их в пределы Дагестана, в основном в Магарамкентский и Сулейман–Стальский районы.⁴

Согласно сведениям Дагестанского республиканского управления статистики численность лезгин в Дагестане на 1995 год составляла 250666 человек.⁵

В 40 – 50–е годы XX в. в географическом размещении лезгин произошли существенные изменения, связанные с переселением значительной части лезгин из высокогорных

районов в низменные районы, в города и поселки городского типа Республики Дагестан. Переселение было продиктовано рядом причин: малоземельем, усугубившимся сложностью рельефа, низким плодородием почвы, бездорожьем, аграрным перенаселением и рядом других факторов.

Согласно плану переселения только с малоземельных районов Ахтынского района на земли Азербайджана в 40–е годы переселилось около 792 хозяйства с количеством населения 3960 человек. В последующий период (50–е годы) переселение осуществляется в основном внутри республики – на территорию Хасавюртовского, Бабаюртовского, Магарамкентского, Дарбентского, Кизлярского, Кизилюртовского районов. Начало широкому этапу переселения на земли Прикаспийской низменности положили в 1952 году жители высокогорных лезгинских селений Гапцах и Куруш. Начиная с этого времени до 70–х годов миграционное движение в Дагестане получает невиданный ранее размах. За период с 1927 по январь 1979 г. из высокогорных районов на низменность переселилось 4235 хозяйств с населением 21175 человек⁶. Переселенцы из селений Ахтынского, Курахского, Касумкентского (ныне Сулейман–Стальского) районов образовали новые селения Советское, Гапцах, Филя, Усур Магарамкентского района, Цициг, Мака, Ала–Мише Сулейман–Стальского района, Куруш Хасавюртовского района, Аглаби Дербентского района, Сар–Сар Кизлярского района.

Кроме того, большое число жителей лезгинских селений переселилось в уже существующие на низменности селения (поселок Герейханова совхоза им. Герейханова, сел. Орта–Стал совхоза “Комсомольский”, Юхари Картац совхоза Айдинбековский” Сулейман–Стальского района. Больше всего лезгин переселилось на земли Магарамкентского района. Значительное число лезгин–переселенцев проживает в поселке Мамедкала Дербентского района. В 80–90–е годы лезгины усиленно переселялись в города Дагестана, особенно Дербент, Каспийск и др.

В результате осуществления переселения ареал расселения лезгин значительно изменился. Так, в 1970 г. в стране насчитывалось 324 тыс. лезгин, в том числе в Дагестане – 162721 чел. (50 %), в 1979 году общее количество лезгин

составляло 383 тыс., в том числе в Дагестане – 18884 чел. (49,3 %).⁷ В 1970 году в Дагестане из 162721 лезгин 129047 (79,3 %) проживало в сельской местности, а 33674 (20,7%) – в городах и поселках городского типа. В 1979 г. из 188804 лезгин 134744 (71,4%) проживало в сельской местности и 54060 (28,6 %) – в городах и поселках городского типа. Таким образом за 9 лет резко возрос удельный вес городского населения лезгин в Дагестане. Соответственно уменьшилось количество лезгин лезгинских районов Дагестана – Ахтынского, Сулейман–Стальского, Магарамкентского, Курахского с 64,6 % в 1970 году до 59,1 % в 1976 году в общей численности лезгин в Дагестане.⁸

Поскольку нам не придется возвращаться к этому вопросу в последующих главах работы, здесь же кратко скажем о последствиях переселения лезгин с горных районов на низменность.

Переселение на низменность с ее плодородными землями, значительным водным потенциалом, транспортными удобствами, близостью городских центров и другими важными факторами обусловило ускорение экономического, культурного и социального развития населения. В то же время переселение в некоторых случаях имело отрицательные последствия. Обезлюдели многие горные селения с их прекрасными альпийскими лугами и в некоторых случаях – земельными угодьями. Так, была переселена с гор часть жителей селения Фий Ахтынского района, которые имели в горах значительные земельные и лесные угодья и, следовательно, все возможности развивать свое хозяйство на месте, жители селения Куруш, которые имели прекрасные возможности содержать (и содержали) огромное количество скота, жители селения Мака, владеющие значительными земельными и пастбищными угодьями и др.

В связи с непривычными природно–географическими условиями, трудностями хозяйственной адаптации и др. с первых лет переселения имел место частичный отток их обратно в места выхода. В настоящее время процесс возвращения в горные селения имеет тенденцию роста. Так, большая часть населения Нового Куруша вернулась в горное селение Куруш, возвращаются жители селений Гапцах, Мака, Фий и др.

Язык лезгин входит в дагестанскую подгруппу нахско–дагестанской группы восточной ветви северо–кавказской семьи языков. Лезгинское население, проживающее на территории Азербайджана, пользуется азербайджанским языком и письменностью. Лезгинский язык отличается мозаикой диалектов, основными из которых являются ахтынский, гюнейский, яркинский, докузпаринский, курахский и кубинский.

По антропологическому типу лезгины относятся к балкано–кавказской расе большой европеоидной расы. Антропологические данные свидетельствуют, что современные лезгины сформировались путем смешения кавкасионного типа местного населения с каспийским типом южных народов, с которыми они имели давние и долговременные контакты. Касаясь идеи этногенеза народов Дагестана, антропологи, в частности А.М. Гаджиев, В. Алексеев и др., отмечают, что антропологические данные настоятельно требуют учета южных связей при рассмотрении их этнической истории и содержат веские доказательства того, что эти связи играли большую роль в этногенезе кумыков, лезгин, табасаранцев, даргинцев, кайтагов, чем представителей кавкасионного типа.⁹ В большей степени это касается народностей лезгинской группы (собственно лезгин, табасаранцев, агулов, рутулов, цахуров, крызов, будухцев, хиналугов, удинов, арчинцев). Антропологические исследования свидетельствуют об общности, даже тождественности основных антропологических черт народов лезгинской группы.¹⁰ Основными их признаками являются рост выше среднего, резко выраженная брахицефальность, прямая и выпуклая спинка носа, относительно сильная пигментация, выраженный третичный волосяной покров. Хотя лезгины и относятся к рубрике брюнетов, среди них большое число людей с беспигментными (серыми, голубыми, зелеными) глазами и светлыми волосами. Интересны выводы антропологов в отношении специфических признаков отдельных народностей в пределах лезгинской группы. Так, по наблюдениям А. Гаджиева, две собственно лезгинские группы (лезгины–кюринцы, лезгины–самурцы), отличаясь развитием третичного волосяного покрова, пигментацией и горизонтальной профилировкой лица, по всем остальным признакам ближе друг к другу, чем к любой другой группе.

Из всех лезгиноязычных групп более резкие отличия имеют цахуры: относительно низкий рост, лицо ниже и уже, нос шире и ниже, более выраженная пигментация. По пигментации к цахурам ближе табасаранцы. Рутульцы и арчинцы по этому признаку занимают промежуточное положение между южным (в пределах Южного Дагестана) и западным (Нагорный Дагестан) антропологическими вариантами.¹¹

Вопрос о происхождении (этногенезе) лезгин, как и других народов Дагестана, до нашего времени остается дискуссионным. До недавнего времени считалось не подлежащим сомнению, что народы Дагестана и Кавказа являются потомками тех народов, которые проходили через Кавказ, передвигаясь из Азии в Европу. Вот что пишет Аббас-Кули Бакиханов по этому поводу: «С незапамятных времен самой глубокой древности различные племена переходили с юга на север и обратно, селились на Кавказе, племена же, гонимые и побежденные, находили убежище на неприступных вершинах и ущельях этих гор... Многие племена основали здесь города и селения».¹² Существует версия, что некогда лезгины обитали на просторах степей между рекой Волга и Азовским морем под названием ясов и считаются остатками племен йафетов и руссов. В последующем, под натиском более воинственных и сильных племен, лезгины ушли в труднодоступные горы Къаф (Кавказ) и таким образом избежали ассимиляции с другими племенами. По мнению Аббас-Кули Бакиханова, жители селения Мискинджа (Микидже) переселены хаганом Тахмасабом 1-м из Астрабада, а жители Микраха (Микраг) принадлежат к остаткам племени руссов (славян), переселившихся сюда во времена владычества хазар. Жители Самурского округа и Кюринского владения большей частью состоят из древних народов, смешавшихся с позднейшими пришельцами.¹³ К.М. Курдов высказывал мнение, что кюринцы подверглись метисации со стороны представителей семитического семейства, главным образом евреев.¹⁴

Между тем, материалы археологических раскопок свидетельствуют, что народы Дагестана, в том числе лезгины, издревле живут на современной территории их расселения.

Так, при раскопках на территории Дагестана обнаружены орудия, относящиеся к ранней стадии палеолита (100–40

тыс. лет тому назад), а также к последующей эпохе – мелезиту.¹⁵ На современной территории лезгин обнаружено значительное число памятников меднокаменного века (Мамраш, Гильяр, Магарамкент, Касумкент, Хаджалкала и др.). Здесь найдены также памятники последующих эпох (бронзы, железа). На основе этих памятников прослеживается, как культура ранней бронзы формировалась на базе предшествующей энеолитической культуры. Это прослеживается на территории всего Дагестана.¹⁶ Памятники энеолита (поселения), обнаруженные на территории лезгин (Мамрашское, Гильярское, Хаджалкалинское, Нютюгское и Касумкентское в Касумкентском (ныне Сулейман–Стальском) районе составляют локальную группу Куро–аракской культуры).¹⁷ Эпоха бронзы (II тыс. до н. э.) представлена в Дагестане многочисленными памятниками и изучена довольно основательно. Хотя на территории современного расселения лезгин такие памятники еще не обнаружены, однако общность культуры эпохи бронзы на всей территории Дагестана дает возможность использовать в этом отношении данные раскопок, проведенных в других районах Дагестана. На всех этапах эпохи бронзы (ранней, средней, поздней) прослеживается этнокультурная общность дагестанских племен. Культура поздней бронзы в Дагестане, названная каякентско–хорочовской, как отмечают исследователи, почти однородна по всей территории Дагестана, что свидетельствует об этнической общности ее носителей и одинаковом уровне их общественно–экономического развития.¹⁸ Памятники эпохи железа на различных его этапах довольно широко представлены на территории лезгин (Мугерганский могильник, характеризующий местную культуру периода перехода от поздней бронзы к раннему железу (рубеж III тысячелетия до н. э.), Макинские поселения и могильник, Шаракунский курганный могильник, относящиеся к периоду раннего железа (VII–IV вв. до н. э. и др.) указывают как на преемственность местной культуры, так и на неразрывные связи ее с культурой народов Кавказа, особенно Азербайджана.¹⁹ Анализ археологического материала различных районов Дагестана и Азербайджана обнаруживает много схожего и общего в культурах двух соседних и родственных народов. Так, разнообразны кувшины, женские украшения и т. д., обнаруженные в 1959 г.

Южным отрядом дагестанской археологической экспедиции в лезгинских селениях Мака, Хлют, Ньютог, Сардаркент и др., имеют прямую аналогию с культурой Азербайджана времен Кавказской Албании.²⁰ Находки Руставского могильника (Кубинский район Азербайджана) – разнообразные украшения из серебра, бронзы, железа и стекла – не оставляют сомнений в том, что Руставский могильник является одним из звеньев археологической цепи, связывающей памятники на территории Азербайджана и Дагестана, и что на территории Азербайджана и Южного Дагестана некогда существовала единая культура, которая составляла один из локальных вариантов общей албанской культуры.²¹

Археологические памятники, дополненные антропологическими, допографическими, лингвистическими и другими данными, позволяют говорить о том, что лезгины, как и другие народы Дагестана, издревле живут на современной территории их расселения. При этом, на наш взгляд, нельзя отбросить и фактор смещения местного населения с позднейшими пришельцами (хазарами, русами, арабами, римлянами, греками и др.).

Природные условия территории, заселенной лезгинами, были благоприятны для расселения людей. Благоприятное географическое расположение области, обширные зимние и летние пастбища, наличие полезных ископаемых, обилие источников вод и ряд других факторов способствовали развитию здесь довольно высокой экономики и культуры.

В климатическом отношении территория лезгин делится на три природно-климатические зоны: низменность (восточная часть Магарамкентского района, а также лезгинские селения Кусарского, Худатского и Хачмасского районов Азербайджана), предгорье (Сулейман–Стальский, часть Магарамкентского, Ахтынского и Докузпаринского районов Дагестана, а также Хивский, Кусарский районы Азербайджана), горы и высокогорье (Курахский район, часть Ахтынского, Докузпаринского районов Дагестана и Кусарского района Азербайджана).

В низменной зоне основная территория лезгин расположена на широкой плоской низине, прорезанной рукавами дельты реки Самур, а также устьем реки Гюльгеричай. Климат здесь относительно теплый и сухой. Лето жаркое и

сухое. Почвы иловые на речных и морских отложениях, глинистые, местами известковые и неглубокого слоя чернозем. Растительность по берегам устьев рек – густые лиановые широколиственные леса; по сухим местам – пустынные травы, полукустарники – приморокая полынь, верблюжья колючка и т. д. Здесь растут фруктовые деревья: персиковые, абрикосовые, вишневые, черешневые, инжировые, сливовые, грушевые, яблоня и т. д.

Предгорная зона характеризуется сильно размытыми предгорными хребтами, широкими речными долинами, обширными котловинами. Климат в нижних предгорьях теплый и сухой, в верхних – более прохладный. Теплое время здесь короче, а весна и осень обильны дождями и туманами. Почвы светлокаштановые. Растительность преобладающе пустынного типа, а по долинам рек и на отдельных северных склонах хребтов – небольшие участки лиановых лесов. Фруктовые сады попадают только в ущельях, защищенных от ветров (Ахты, Усуччай, Мискинджа и др.). Наибольшее распространение из хлебных культур имеют просо, ячмень, пшеница (последняя в прошлом в незначительном количестве).

Горная зона характеризуется рядами горных хребтов, образованных из глинистых сланцев, и большими речными долинами (Самур, Курах–чай, Чирах–чай). Климат сухой и умеренно-прохладный. Зима здесь продолжительная, суровая и обильная снегами. Лето короткое, прохладное и отличается частыми проливными дождями. В этом районе выпадение снега в мае и даже в июне не редкость. Лето в этой полосе до того непродолжительно, что исключает возможность созревания многих сельскохозяйственных культур, в том числе пшеницы. Растительность скудная. Преобладают кустарниковые заросли, пустынно–степные травы.

Определенная часть лезгин проживает в зоне труднодоступных горных хребтов, сложенных из темных глинистых сланцев, с выходами крепких песчаников с гребнями и вершинами, иногда покрытыми вечными снегами (Базар–Дюзи). Вершины сложены из известковой доломитовой толщи (гора Шалбуз–Даг). Климат холодный, маловлажный. Растительность – субальпийские луга и альпийские лужайки, покрытые пышным покровом цветов и трав в короткий летний период.

Примером может служить селение Куруш, расположенное у отрогов Шалбуз-дага, на высоте 2415 м над уровнем моря, высший обитаемый пункт на Кавказе.

По территории лезгин протекают реки: Самур (длина 203 км, площадь бассейна 4429 кв. км), Гюльгеричай (длина 128 км, площадь бассейна 2247 кв. км), Курах-чай (длина 79 км, площадь бассейна 1110 кв. км). Они отличаются быстротой течения и резкими изменениями в уровне в зависимости от количества выпадающих в горах осадков. На территории лезгин много родников, ручейков, серных источников.

Животный мир богат и разнообразен. Преобладание тех или иных видов животных зависит от климатических поясов, рельефа и растительности. В приморской зоне, дельте Самура водятся шакалы, полосатые гиены, дикие кабаны, волки. Встречаются сухопутные черепахи. В кустарниках водятся фазаны, дикие косули – джейраны, олени, барсуки, куницы, лисицы, зайцы. В предгорной зоне наряду с указанными животными водятся куропатки, перепела, дикие голуби, грачи, скворцы, дрозды. В горной зоне помимо указанных водятся хомяки, ящерицы, ядовитые и неядовитые змеи, тетерева, альпийские галки. Основными животными высокогорной зоны являются медведь, барс, олень, дикие козы, дагестанские туры, косули, лисицы, куницы, рыси, волки, зайцы, грифы, громадные горные орлы и др.

* * *

Как отмечалось, комплексное изучение истории, культуры и быта лезгин до настоящего времени не являлось предметом специального исследования ученых. Но, поскольку исследование охватывает разнообразные вопросы истории, культуры и быта довольно значительного по численности народа, естественно, отдельные стороны его жизни нашли освещение в зарубежной и отечественной литературе разных периодов.

Самые ранние сведения о лезгинах мы находим у древнегреческих и римских авторов – Страбона, Плиния Старшего, Птолемея, Валерия Флакка и др. Должны отметить, что сведения эти можно почерпнуть из описаний народов, объединенных под общим названием албаны. Албаны – одно из крупных и сильных племен, в состав которого входили и

родственные лезгинам племена – хурриты, касситы, луллубей, кутии, маннеи, леги, нахи, кахи, лпины и др. История и культура албанов были довольно широко освещены в античных, арабских, армянских, грузинских, азербайджанских и сирийских источниках, а также в более поздней зарубежной и отечественной литературе.²²

Обобщающая работа по истории Кавказской Албании с IV в. до н. э. по VII в. н. э. принадлежит перу К.В. Тревер. В ее работе использованы письменные источники и вещественные памятники, на основании которых показана роль албанских племен в борьбе за независимость народов Кавказа и дается очерк истории культуры народностей Кавказской Албании.²³

История и культура Кавказской Албании нашли отражение в ряде исследований дагестанских ученых.

Вопрос о территории Албании до настоящего времени остается предметом острых дискуссий ученых.²⁴

По свидетельству Страбона, албаны объединяли вокруг себя большинство местных племен и занимали территорию между иберами (грузинами) и Каспийским морем. На севере Албания защищена Кавказскими горами (они возвышаются над низменностью и называются, приближаясь к морю, Керраунскими горами; южная сторона граничит с Арменией).²⁵ Именно на этих землях и поныне пребывают как собственно лезгины, так и другие родственные лезгинам по языку и культуре народы – цахуры, рутулы, будухи, хиналуги, крызы. Точки зрения поздних авторов в основном сводятся к следующему: территория Албании включала Ширван и Дагестан (А. Бакиханов и др.); Албания охватывала территорию от Дербента до реки Арака (Б. Дорн и др.); территория Албании простиралась на север не далее реки Сумгаит и занимала районы Шеки, Ширвана и Апшерона (А. Яновский); Албания занимала территорию Азербайджана и Южного Дагестана (С.Б. Юшков, К.В. Тревер, Е.И. Крупнов, К.Ф. Смирнов, К.Г. Алиев и др.); большая часть Ширвана и Дагестана не входила в состав Албании, и ее территория ограничивалась центральными районами Азербайджана (С.Т. Еремян) и т. д.²⁶ Г.А. Абдурагимов высказывает мнение о локализации Албании на территории нынешнего Азербайджана и Южного Дагестана.²⁷

Различия во мнениях о границах Албании, по всей вероятности, объясняются тем, что Албания, как и многие древние государства, не имела постоянных границ во все периоды своего существования. Говорить о границах расселения древних албанов и их этнической принадлежности, на наш взгляд, можно лишь после комплексного исследования, учитывающего данные исторических, археологических, антропологических, лингвистических и других наук. Но по уже имеющимся сведениям можно с уверенностью сказать, что лезгины в числе других племен, населяющих Кавказскую Албанию (гелы, леги, утии, гаргары, чилбы, сильвы, каспиане и др.) являются прямыми потомками древних албанов. Об этом свидетельствуют как источники, так и дошедшие до наших дней этнографические, топографические и другие сведения.*

Для нашего исследования особенно ценны работы, в которых содержатся сведения, относящиеся непосредственно к лезгинам. В этом плане следует особо отметить кавказские хроники – “Дербенд-наме”, “Ахты-наме”, “Тарихи Дагестан”, “Гюлистан-Ирам”, “Асари Дагестан” и др., в которых содержатся разносторонние сведения, позволяющие проследить разные периоды истории народов Дагестана, в том числе лезгин. Так, в “Ахты-наме” содержатся сведения о периоде борьбы народов лезгинской группы против хазар, в частности о том, что хазары, будучи в Ширване, поселили своего военачальника – Самсама в Микрахе, о неоднократных безуспешных попытках хазар захватить Шахбани (Ахты), о возникновении некоторых лезгинских поселений и т. д. Интересны сведения, относящиеся к возникновению знаменитых Ахтынских серных источников.²⁸

Трудно переоценить значение для историков работы Гасана-эфенди Алкадари “Асари-Дагестан”, в которой содержатся сведения о расселении народов Дагестана, в том числе лезгин, о народных нравах и обычаях, распространении ислама в Дагестане, о борьбе дагестанских народов с иноземными завоевателями и др.²⁹

Важным источником истории XVII в. является много томное сочинение турецкого путешественника XVII в. Эвлия Челеби “Книга путешествия” (“Сийахет-наме”). Работу Э. Челеби, охватывающую широкий круг вопросов по исто-

рии и этнографии, можно отнести к наиболее ценным зарубежным источникам для изучения прошлого народов Дагестана, в том числе лезгин.³⁰ Автор XII в. Йакут со ссылкой на сведения X века пишет о “...стране Лакз, жители которой отличаются тем, что они многочисленны племена, приятной наружности, крепкого телосложения, у них селения густонаселенные...”³¹

Сведения о периоде правления ильханов (ханов Золотой Орды) приводятся в ценнейшем историческом своде “Джамиат-таварих” (“Сборник летописей”) крупнейшего персидского историка и политического деятеля Рашид ад-дина (1247–1318). В нем приводятся сведения о первых шагах монгольских войск в Дагестане:³² “Они (монголы) направились к Дербенту Ширванскому, по пути они захватили осадой город Шемаху, учинили там поголовное избиение и увели с собою множество пленных. Так как пройти через Дербент было невозможно, они послали ширваншаху сказать: “Ты пришли несколько человек, чтобы мы заключили мир!” Он прислал 10 человек из вельмож (акабир) своего народа; одного из них монголы убили, а другим сказали: “Если вы покажете нам путь через Дербент, мы вас пощадим, в противном случае мы вас тоже уьем!” Они из страха за свою жизнь указали путь, и те прошли”.³³

Наиболее достоверные историко-этнографические сведения о лезгинах относятся ко второй половине XIX в. (работы Симоновича Ф.Ф., Дренякина И.Т., Пастухова А.В., Гербера И.Г., Тихонова Л.И., Буткова И.Г. и др.).

В книге Пастухова А.В. “Поездка по высочайшим селениям Кавказа и восхождение на вершину Шах-даг” приводится предание об образовании селения Куруш, в частности о том, что селение Куруш было основано жителями Закавказья, прибывшими сюда на летние пастбища.³⁴ Интересные сведения о поселениях лезгин, об их расположении, строительных материалах и т. д. приводит Ф.Ф. Симонович. Так, об Ахтынском владении он пишет, что “...оное управляется народом, состоя под наследным начальником и разделяется на три округа, заключающие в себе до 30 деревень, как-то: 1-е – Ахтыпара. В нем Ахты – главное владение. Место лежит по обеим сторонам реки Ахтычая, соединяющейся тут с рекою Рутулчай, посредством моста через Ахтычай имеет сие место

взаимное сообщение; в нем 600 дворов. 2-е Докуспара. В нем уездное место Мискинджи лежит на правом берегу Самура, имеет дворов до 250. 3-е Алтыпара. В оном уездное место Келегуре (Каракюре – М.Р.) на правом берегу Самура, дворов до 150³⁵. В этой же работе содержатся сведения о хозяйстве и занятиях лезгин.³⁶ И.Г. Гербер довольно подробно описывает Алтыпаринский уезд. В частности, он пишет, что уезд находится "...подле реки Самура по Зюйдевой стороне между низких гор, подле Рутул и на высокой горе Шалбрус"³⁷. И далее о том, что каждый из уездов "Дагестана нижнего" состоит из нескольких деревень, которые все между собой, несколько вместе, а несколько между долинами разсыпно лежат. Дороги между оными узкие и каменистые, и проходы к оным уездам весьма трудные. Все сии пять уездов изо всех сторон высокими каменными и непроходимыми горами объаты, которые зимою и летом снегами покрыты..."³⁸ Здесь же ряд сведений о народных промыслах, языковой принадлежности, управлении, доходах населения и т. д.³⁹

В исследованиях И.Т. Дренякина, П.Г. Буткова и др. мы находим данные о количестве населения, управлении, доходах, материальной культуре (поселениях, жилищах, одежде), кустарных промыслах и других занятиях лезгин.⁴⁰

Ценные сведения о взаимоотношениях народов Южного Дагестана с народами Закавказья (Арменией, Грузией, Азербайджаном) содержатся в "Истории Егише Вардапета", "Истории Ширвана и Дербента" В.Ф. Минорского и др.⁴¹ Сведения о Кубе – о месторасположении, населении, природных условиях, управлении и др. содержатся в "Журнале путешествия через Дагестан" Лопухина А.И.⁴² В нем упоминается и о лезгинах как ближайших соседях кубинцев.⁴³

Ряд сведений о Кубинской провинции – количестве населения, религиозной принадлежности народа, занятиях населения, торговых связях с соседними народами и др. содержатся в работе А.Г. Сереброва "Историко-этнографические описание Дагестана".⁴⁴ Заслуживают внимания материалы о лезгинских обществах, приводимые Ф.Н. Ртищевым. В частности, он пишет: "Кюринское владение с крепостью Курах, покоренное в исходе 1811 г., по выгнанию из оног вероломного Сурхай-хана Казикумухокого. В нем по Забратным сведениям числится примерно до 500 дворов... В Верхнем Да-

гестане общества: Ахтынское, Алты-Паральское, Докус-Паральское и Мескинджиалинское. Сии общества покорились совершенно по покорении Кюринского владения и в верности Российскому правительству дали присягу, обязавшись в знак своей преданности вносить в Казенный доход... с каждой сотни по одному барану..."⁴⁵

В работе Ф.А. Шнитникова "Описание Кубинской провинции" дается подробное описание лезгинских селений в Кубинской провинции, а также Ахтынского общества с указанием селений и числа семейств в них. Здесь можно найти также сведения о занятиях населения, о водных источниках и т. д.⁴⁶ Сведения о Докузпаринском и Ахтынском обществах, относящиеся к первой половине XIX в., мы находим у Краббе К.К.: "1. Сел. Мискинжи (состоящее из 350 семейств) принадлежит к малому Докузпаринскому, имеющему 10 деревень, населенных примерно 960 семействами. 2. Общество Ахты включает в себе 15 деревень и до 1500 жителей, в самом селении Ахты до 800 семейств... Местоположение магалов, Докузпаринского и Ахтынского более гористое... Силы их состоят из народного ополчения, и всякий из них в случае надобности готов вооружиться".⁴⁷

Немало ценных сообщений об образе жизни и хозяйственной деятельности населения, вероисповедании, языках, путях сообщения и т. д. мы находим у Ф.И. Гене.⁴⁸ Не меньший интерес представляют материалы, приводимые А.Ф. Десимоном, участником военных действий в Дагестане в 1839 г.: "Многолюднейшие селения горных обществ лежат по правому берегу Самура, – пишет он. – Главное из этих селений, Ахты, весьма многолюдно и расположено в живописной долине при слиянии речки Ахтычая с Самуром... По преданиям народным, первым владельцем страны, где ныне Ахтынский округ, и основателем самого селения был Шах Баны, племянник персидского падишаха Кубада..."⁴⁹ Далее приводятся весьма интересные сведения о селениях Кара-Кюре, Микрах и др.⁵⁰

Историко-этнографическое изучение народов Дагестана, в том числе лезгин, получило дальнейшее развитие в 50-х годах XIX в. В отдельных публикациях этого периода приводятся важные для нашего исследования сводки, составленные большей частью офицерами русской армии и чиновни-

ками. Эти сведения впоследствии были проанализированы и обобщены в монографии Н. Дубровина “История войны и владычества русских на Кавказе”. В 1, 5, 6 томах монографии содержится разносторонний материал об экономическом и политическом положении Дагестана, материальной и духовной культуре горцев, общественном быте, о борьбе народа с царскими войсками и т. д.⁵¹

После окончания Кавказской войны материалы о горских народах появляются в “Сборнике сведений о Кавказе” (ССК, 1871–1885 гг.) и сменившем его многотомном (46 томов) “Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа” (СМОМПК, 1881–1929). В сборниках опубликован ряд статей, содержащих исторические и этнографические сведения о лезгинах. В числе авторов особо следует отметить А.И. Фон-Плотто, Леонидзе, Б. Султанова, Д. Бабаева.⁵²

Новым этапом в истории этнографической науки Дагестана, как и кавказоведения в целом, явилась последняя четверть XIX в. В этот период появляется ряд этнографических исследований о народах Дагестана, в том числе о лезгинах. Наиболее значительными из них являются работы О.В. Маргграфа, Ф.И. Леонтовича, Е. Вейденбаума и др.⁵³ Исследования этих авторов служат ценным материалом для изучения культуры и социальных отношений народов Дагестана, в том числе лезгин.

К наиболее ценным исследованиям этого периода относятся работы М.М. Ковалевского по общественному быту народов Кавказа, в том числе лезгин.⁵⁴

Следует упомянуть работы Услара П.К., Козубского Е.Я., Маркова В., Загурского Л., Неверовского А.А. и др., которые внесли большой вклад в изучение лингвистики, письменности и фольклора лезгин.⁵⁵ Так, П.К. Услар составил алфавит лезгинского языка, состоящий из 49 букв, из которых 23 взяты из русского языка без изменения, 13 букв из латинского и других алфавитов, остальные 13 созданы путем добавления к буквам алфавита русского языка крючочков, палочек и других над- и подбуквенных знаков. В его работах содержатся сведения о первых светских школах на территории лезгин, анализируются разные жанры фольклора, приводятся целые тексты сказок, поговорок, песен и т. д.

Большой материал по народной медицине горцев, в том числе лезгин, содержат работы Руновского А.И., Дубровина Н., Пантюхова И.И., Пирогова Н.И., Вирсаладзе С.С. и др.⁵⁶ В работах приводятся различные рецепты по лечению той или иной болезни, сведения о рациональных и иррациональных способах лечения, применяемых местными целителями (джаррахами). В работах Пантюхова И.И. и Вирсаладзе С.С. (последний 9 месяцев прослужил окружным врачом в Кюринском округе) освещаются такие серьезные вопросы медицинской науки, как трепанация черепа, ампутация, лечение огнестрельных ран, иммобилизация больных конечностей, применение сна во время операции и т. д.

Немалое значение для исследуемой темы имеют сведения, содержащиеся в Кавказских календарях (1848–1916 гг.). На их страницах опубликовано немало разнообразных материалов о лезгинах. Так, в Кавказском календаре за 1851 г., в частности в “Таблице географического положения некоторых городов и мест Закавказского края и Ставропольской губернии,” мы находим упоминание о многих местах, населенных лезгинами.⁵⁷ В Календаре 1858 г. приводятся сведения о количестве душ по Кюринскому и Самурскому округам, о границах Кюринского владения и Самарского округа и некоторые сведения исторического характера. Цитирую: “Они (Ахтыпаринское, Докузпаринское, Алты-Паринское вольные общества – М.Р.) были покорены в 1837 году, платили подать и управлялись по своим обычаям. В этом же году приняли деятельное участие в Кубинском возмущении, а в 1839 году, вследствие экспедиции генерала от инфантерии Головина, снова покорились. В земле их в 1839 году построены два укрепления: Тифлисское на р. Самур, в Аджихурской теснине и Ахтынское при сел. Ахты”.⁵⁸ В Календаре на 1885 год дается подробное описание населенных мест Кюринского и Самурского округов. Здесь приводятся сведения о языковой и религиозной принадлежности обществ, входящих в названные округа,⁵⁹ в Календаре на 1890 г. приводятся сведения об административном управлении округов.⁶⁰ Разнообразные сведения о естественных и производительных силах области, экономической деятельности ее населения, судопроизводстве, народном здравоохранении, просвеще-

нии, административном управлении и т. д. приводятся в Календаре на 1893 год.⁶¹

Интересные сообщения о занятиях населения (скотоводстве, земледелии, отхожем промысле, торговле, кустарном промысле), народном просвещении, а также подробные данные о населенных местах лезгинской области, числе дымов и душ и т. д. содержатся в Кавказских календарях на 1896, 1900, 1909 и др.⁶²

Выпуски “Сборника сведений о Кавказских горцах” (ССКГ) содержат материалы о народной медицине, народном образовании и т. д.⁶³ В “Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК) большой интерес представляют выпуски 13, 14, 17, 19, 31, 42, в которых можно найти значительный материал о поверьях лезгин, тексты сказок, поговорок и пословиц, собранные в Кюринском округе еще в прошлом столетии, сведения о первых светских школах и санитарном состоянии аулов и др.⁶⁴

Сведения об общественно-политическом устройстве горских народов, в том числе лезгинах, источники описательного характера опубликованы в сборнике “История, география и этнография Дагестана в XVIII–XIX вв.” (ИГЭД), под редакцией М.О. Косвена и Х.–М. Хашаева.⁶⁵

Разнообразный материал о лезгинах мы находим в “Актах, собранных Кавказской Археологической комиссией (АКАК). В томах 4, 5, 6, 7, 8, 9 содержатся интересные сведения, касающиеся русско-лезгинских отношений, народонаселения, флоры и фауны, занятий населения, месторождений полезных ископаемых, официальные документы, копии отношений и т. д.⁶⁶

В послеоктябрьский период начинается систематическое и целенаправленное историческое и этнографическое изучение народов Дагестана, в том числе лезгин.

В 20-е годы в Дагестан было направлено несколько этнографических экспедиций, в которых приняли участие известные русские ученые Е.Ф. Чурсин, А.С. Башкиров, Е.М. Шиллинг, А.А. Миллер, Д. Фибих, И. Акулов и др. Их работы, составленные на основании материалов, собранных по разным районам Дагестана, в том числе и по лезгинам, являются весомым вкладом в изучение края.

С середины 40-х годов Институт этнографии АН СССР

при участии Академии архитектуры и Московского университета стал проводить специальные экспедиции, целью которых был сбор этнографического материала по отдельным народностям Дагестана.⁶⁷ Этнографическими работами в Южном Дагестане руководила Л.Б. Панек, которая написала ряд исследований по лезгинам.⁶⁸

Особым этапом в этнографическом и историческом изучении лезгин являются 60-е годы, когда выходит ряд работ, посвященных истории, материальной, духовной культуре и общественному быту лезгин. В этом ряду особо следует отметить работы Л.И. Лаврова, содержащие ряд важных сведений по истории и этнографии лезгин,⁶⁹ монографию М.М. Ихилова, посвященную народностям лезгинской группы.⁷⁰

В изучение истории лезгин неocenим вклад Рамазанова Х.Х. и Шихсаидова А.Р. В их совместной работе “Очерки истории Южного Дагестана” систематизирован и проанализирован значительный материал по истории, культуре и быту лезгин с древнейших времен до начала XX века.⁷¹

Неocenимую помощь в раскрытии нашей темы, особенно в плане теоретизирования разных аспектов исследования, а также анализа сравнительного материала, оказали многочисленные исследования по народам Дагестана, выполненные сотрудниками отдела этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук.⁷²

Особо следует отметить работы Г.А. Гаджиева, посвященные доисламским верованиям и обрядам лезгин. На основе богатого полевого материала автор разрабатывает различные вопросы, связанные с представлениями народа о духах, демонологии, анимизме, фетишизме и т. д.⁷³

В 70-е годы выходит в свет монография С.С. Агашириновой “Материальная культура лезгин”. Это первое крупное исследование, в котором с наибольшей полнотой рассматриваются главные компоненты материальной культуры лезгин – хозяйство, домашнее производство и ремесла, поселения, жилище, одежда, пища. Интересны данные, касающиеся форм землевладения – вопроса, еще недостаточно изученного для области. Характеризуя формы патронимической организации (при этом наряду с общими чертами, характерными патронимии народов горного Дагестана, приводятся видовые наименования патронимии, присущие лезгинам),

автор справедливо связывает особенности форм поселений с характером патронимических организаций. Наряду с традиционными формами материальной культуры автор на основании богатого полевого материала дает также характеристику современных культурных явлений, бытовых форм и условий жизни народа.⁷⁴

В 1995 году была опубликована работа Г.А. Абдурагимова “Кавказская Албания – Лезгистан”, вызвавшая много споров в научных кругах Дагестана, особенно в вопросах локализации границ Кавказской Албании в пределах нынешней территории лезгин и Ширвана, а также в вопросе о дешифровке письменности Кавказской Албании. В частности, автор на основе дешифровки письменных памятников с кавказско–албанской графикой, произведенной профессором Я. Яралиевым, приходит к выводу, что они написаны на древнем лезгинском языке. На наш взгляд, выводы автора нельзя считать окончательными. Для уточнения информации стоит провести специальное исследование. Что касается выводов автора о границах Кавказской Албании, как мы отметили выше, это область специального глубокого исследования. Тем не менее, следует отметить, что автором проделана большая работа в плане использования и систематизации разнохарактерного фактического материала, собранного самим автором, опубликованной литературы и источников.⁷⁵

Вопросам культуры и культурного строительства народов Дагестана, том числе лезгин, в послеоктябрьский период посвящен ряд работ профессора Г.Ш. Каймарова.⁷⁶

Большое значение для исследуемой темы имеют коллективные труды крупнейших ученых–кавказоведов Москвы, Санкт–Петербурга, Грузии, Северокавказских республик, краев и областей бывшего Союза “История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.” и “История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.).”⁷⁷ В них использованы многоязычные письменные источники и археологические материалы, позволяющие наглядно представить панораму сложнейших событий многовековой истории народов Северного Кавказа, в том числе лезгин. Немалое место в работе отведено вопросам

социально–экономического, политического и культурного развития народов региона.

Незаменимым источником для выявления статистики населения, территориального размещения лезгин в Дагестане, распределения населения по национальностям на основной территории расселения лезгин, распределения городского и сельского населения и др. послужили материалы Дагестанского республиканского управления статистики.⁷⁸

Материалы Центрального Государственного архива Республики Дагестан оказали значительную помощь в выявлении числа населения и хозяйств лезгинских селений, вопросов землевладения и землепользования, занятиях, религиозной принадлежности, структуры семьи и т. д.⁷⁹

Основным источником для написания работы послужил полевой этнографический материал: этногенетические предания, легенды, данные топонимики, материальной культуры и т. д.

Примечания

1. Кавказский календарь на 1887 г. – Тифлис, 1886. – С. 217.
2. Всесоюзная перепись населения. Т. V. – М., 1928.
3. Текущие сведения Управления Статистики Дагестана на 1994 год.
4. Там же.
5. Основные национальности республики Дагестан. Статистический сборник. – Махачкала, 1995. – С. 26.
6. Архив Совета Министров Дагестана за 1981 год.
7. Данные отдела переписи населения Управления статистики Дагестана.
8. Расчеты выполнены по данным переписи населения 1970 и 1979 гг. Материалы Управления статистики Дагестана.
9. См.: *Гаджиев А.М.* Происхождение народов Дагестана. – М., 1958. – С. 113. *Алексеев В.* Некоторые вопросы происхождения народов Дагестана в свете антропологии Северного Кавказа // Ученые записки Института истории, языка и литературы Даг. ФАН СССР. Т. XIII. – Махачкала, 1964. – С. 160.
10. См.: *Курдов К.М.* К антропологии лезгин // Русский антропологический журнал. № 3–4. 1901. – С. 176; *Ансеров Н.И.* Хиналуги и крызы в антропологическом отношении // Научный архив Института истории АН Азербайджанской ССР. № 390.
11. Подробно см.: *Гаджиев А.М.* Происхождение народов Дагестана. – М., 1958. – С. 113 и др.
12. Аббас-Кули Бакиханов. (Кудси) Гюлистан-Ирам. Вып. – 4. Баку, 1926. – С. 12.
13. Там же. – С. 12–14.
14. См.: *Курдов К.М.* К антропологии лезгин. Кюринцы. Русский антропологический журнал. 1903. №3–4. – С. 176.
15. См.: *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Очерки истории Южного Дагестана. Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX в. – Махачкала, 1964. – С. 14.
16. Там же.
17. Подробно об этом см.: *Мунчаев Р.М.* Древнейшая

культура Северо-Восточного Кавказа. – М., 1961; *Пикуль М.И.* Итоги археологических разведок в Южном Дагестане в 1959 г. // Рукописный фонд (РФ) Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук. Д. 2641; *Котович В.Г., Шейхов Н.Б.* Археологическое изучение Дагестана за 40 лет // Ученые записки Института истории, языка и литературы Даг. ФАН СССР. Т. IX., – Махачкала, 1961 и др.

18. См.: *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Указ. раб., – С. 9.

19. Подробно см.: *Пикуль М.И.* Указ. раб. – С. 23; *Котович В.Г.* Новые археологические памятники Южного Дагестана. МАД. I. – Махачкала, 1959. – С. 139–142 и др.

20. См.: *Пикуль М.И.* РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 2641. Итоги археологических разведок в Южном Дагестане в 1959 г. – Махачкала, 1959. – С. 21, 48, 63, 101 и др.

21. См.: *Халилов Д.А.* Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н. э. – III в. н. э.) Баку, 1965. – С. 68.

22. См.: *Страбон.* География в 17-ти кн. Кн. XI. Гл. 4.1.; *Крузе Ф.О.* важности южнокавказских областей России в отношении антикварном и о Птолемее, главном писателе в рассуждении Географии сей страны / Журнал Министерства народного образования (ЖМНП), 1835, Ч. V. – С. 423–438; *Яновский А.* О древней Кавказской Албании. ЖМНП. 1846, Ч. 52, – С. 97 – 203; *Дорн Б.* Каспий. О походах древних русских в Табаристан. Изд. в приложении к зап. Академии наук. Т. 26, 1875; Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК. 1897. Вып. 22; История Егише Вадапета. – Тифлис, 1853; *Моисей Каганкатвацц.* История агван. – СПб., 1861; История Армении Мовсеса Хоренци. – Тифлис, 1881; *Баладзори.* Кн. Завоевание стран. – Баку, 1927; *Латышев В.В.* Известия древних писателей (греческих и латинских) о Скифии и Кавказе. Т. 2. Вып. I. – СПб., 1904; *Бартольд В.В.* Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира. – Баку, 1925; *Крымский А.Е.* Страницы из истории Северного или Кавказского Азербайджана (Классической Албании). – Л., 1934; *Еремян С.Т.* Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу. Записки ИВ АН СССР. Т. VII, 1939. – С. 129–155; *Юшков С.В.* К вопросу о границах древней Албании. Исторические

записки АН СССР. Т. I. 1937; *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература. Избранные работы. Т. IV. – М. – Л., 1957; *Алиев Кемал.* Кавказская Албания, – Баку, 1974; *Мамедов Т.М.* Албания и Атропатена по древнеармянским источникам. – Баку, 1977; *Рзаев А.* Искусство Кавказской Албании. – Баку, 1976; *Ямпольский З.И.* Древняя Албания III–I вв. до н. э. – Баку, 1962 и др.

23. См.: *Тревер К.В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1959.

24. *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Очерки истории Южного Дагестана. – Махачкала, 1964; *Магомедов Р.М.* История Дагестана, – Махачкала, 1968; *Абдурагимов Г.А.* Кавказская Албания – Лезгистан. История и современность. – СПб., 1995 и др.

25. См.: *Страбон.* География в 17-ти кн. Кн. XI. Гл. 4.1.

26. По.: *Халилов Д.А.* Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н. э – III в. н. э.) Автореф. на соис. уч. ст. докт. историч. наук. – Баку, 1974, – С. 5.

27. См.: *Абдурагимов Г.А.* Указ. раб. – С. 17-18 64.

*До наших дней дошло имя языческого бога огня лезгин (“Цайлапан” – букв. “Огонь Алпана”); в Кубинском районе осталось селение “Алпан”; ряд селений с аналогичными названиями имеются и в других районах Азербайджана и Дагестана. На древних картах река Самур называлась Албаной. Албаны жили на побережье Каспийского моря от устья реки Самур до устья реки Кура. Поэтому некогда Каспийское море называлось Албанским (об этом см. также: *Аббас Кули-Ага Бакиханов.* Гюлистан–Ирам. – Баку, 1926. – С.10–11; *Тревер К.В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н. э. – VII в. н. э. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 25–26; *Забит и Ризван Ризвановы.* История лезгин. Краткий научно-популярный очерк. – Махачкала, 1990. – С. 5).

28. См.: *Бакиханов А.* Гюлистан–Ирам. – Баку, 1926. – С. 48–51.

29. См.: *Гасан-эфенди Алкадари.* Асари–Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. – Махачкала, 1929.

30. См.: *Эвлия Челеби.* Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья, – М., 1979.

31. Якут. 1. С. 437. По: *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Очерки истории Южного Дагестана. – Махачкала, 1964. – С. 26.

32. *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Указ. раб. – С. 74.

33. Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2, – М.–Л., 1952. – С. 228–229. По: *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Указ. раб. – С. 74.

34. См.: *Пастухов А.В.* Поездка по высочайшим селениям Кавказа и восхождение на вершину Шах-даг. Кавказ. №72. 1893.

35. *Симонович Ф.Ф.* Описание Южного Дагестана. 1796 // История, география, этнография Дагестана. – С. 150.

36. Там же. – С. 139.

37. *Гербер И.Г.* Описание стран и народов вдоль Западного берега Каспийского моря. 1728 г. ЦСА ДАССР. Д.Ф. *Ермолова. Д.* 315. лл. I–88. Копия. – С. 77.

38. Там же. – С. 77

39. Там же.

40. См.: *Дреникин И.Т.* Описание Ширвана. 1796 // ИГЭД. – С. 171; *Бутков П.Г.* Выдержки из “Проекта отчета о персидской экспедиции в виде писем”. 1796 // ИГЭД. – М., 1958. – С. 204.

41. См.: История Егише Вардапета Пер. с армянск. *П. Шахшиева.* – Тифлис. 1853; *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербента. – М., 1963.

42. См.: *Лопухин А.И.* Журнал путешествия через Дагестан. 1718. ИГАДА. Ф. 77. Сношения России с Персией. №I. – С. 8.

43. Там же.

44. См.: *Серебров А.Г.* Историко-этнографическое описание Дагестана. 1796 // ИГЭД. – М., 1958. – С. 173–195.

45. *Ртищев Ф.Н.* Сведения о Дагестане // ИГЭД. – С. 247.

46. См.: *Шнитнинов Ф.А.* Описание Кубинской провинции. 1832 // ИГЭД. – С. 329–334.

47. *Краббе К.К.* Замечания о Докузпаре, Ахтах и Рутуле до 1835 г. // ИГЭД. С.335.

48. *Гене Ф.И.* Сведения о горном Дагестане. 1835 /1836 // ИГЭД. – С. 337–352.

49. *Десимон А.Ф.* Исторические сведения о Самурском округе. 1839 г. // ИГЭД. – С. 362–367.

50. Там же.

51. *Дубровин Н.* Дагестанские горцы: История войны и владычества русских на Кавказе. – СПб., 1871. Кн. I. – С. 497–637; Т.5. 1886. – С.116–125; Т.VI. – СПб., 1888.

52. См.: *Фон-Плотто А.И.* Природа и люди Закатальского округа // ССКГ. 1870. Вып. IV. – С. 1–62; *Леонидзе и Султанов Б.* Кюринские тексты // СМОМПК. – Тифлис, 1892. Вып. XIV. – С. 136–202; *Бабаев Д.* Селение Ахты Самурского округа Дагестанской области // СМОМПК. – Тифлис, 1893. Вып. XVII. – С. 137–148.

53. См.: *Марграф О.В.* Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. – М., 1882; *Леонтович Ф.И.* Адамы Кавказских горцев // Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. – Одесса, 1883. Вып. 2; *Вейденбаум Е.* Путеводитель по Кавказу. – Тифлис, 1888.

54. См.: *Ковалевский М.М.* Родовое устройство Дагестана. Юридический вестник. 1882. 2; Он же. Закон и обычай на Кавказе. Т. I, II., – М., 1890 и др.

55. См.: *Услар П.К.* Распространение грамотности между горцами // ССКГ. – М., 1892. Вып. III; Он же. Этнография Кавказа. Языкознание. Кюринский язык. – Тифлис, 1896. Вып. VI; *Козубский Е.И.* Памятная книжка Дагестанской области. – Темир-Хан-Шура: “Русская типография”, 1895; *Марков Е.* Очерки Кавказа. – СПб.–М., 1887; *Загурский Л.* Поездка Беккера по Южному Дагестану // ССКГ. – Тифлис. 1876. Вып. IX; *Неверовский А.А.* Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. – СПб. 1847.

56. См.: *Руновский А.И.* Легенды, народная медицина, предрассудки и верования дагестанских горцев // Библиотека для чтения. – СПб., 1862. Т. 173. № IX; “Дневник полковника Руновского // АКАК. – Тифлис, 1904. Т. XII; *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. – СПб., 1871. Т. I. Кн. I; *Пантюхов И.И.* Лезгинские врачи // Русский медицинский вестник. 1864. № 39, 40; *Пирогов Н.И.* Отчет о путешествии по Кавказу. – М., 1952; *Вирсаладзе С.С.* К вопросу о народной медицине вообще

и в частности о трепанации черепа у горцев Дагестана // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины, издаваемый Медицинским Департаментом. – СПб., 1898. Июль.

57. См.: Кавказский календарь на 1851 г. – Тифлис: Типография канцелярии наместника Кавказского, 1850. – С. 12–45.

58. Кавказский календарь на 1858 г. – Тифлис, 1857. – С. 311.

59. Кавказский календарь на 1884 – С. 226.

60. Кавказский календарь на 1890 г. – Тифлис, 1889. Отд. П. – С. 162.

61. Кавказский календарь на 1893 г. – Тифлис, 1892 – С. 146–183.

62. См.: КК на 1896 г. – С. 200, 201, 202, 203; КК на 1900 г. – С. 71, 74, 75–76, 79; КК на 1909 г., – С. 438–439 и др.

63. ССКГ. Вып. 1–3, 7, 10. – Тифлис, 1868–1870, 1873, 1876, 1881.

64. См.: СМОМПК. Вып. XIII. – Тифлис, 1892; СМОМПК. Вып. 14. – Тифлис, 1892; СМОМПК. Вып. 17. – Тифлис, 1893; СМОМПК. Вып. 19. – Тифлис, 1894; СМОМПК. Вып. 31. – Тифлис, 1902; СМОМПК. Вып. 42. – Тифлис, 1912 и др.

65. История, география и этнография Дагестана. XVIII–XIX вв. Архивные материалы. Под ред. *М.О. Косвена* и *Х.–М. Хашаева*. – М.: Изд-во Восточной литературы. 1958.

66. См.: АКАК. Т. IV. Под ред. Ад. Берже. – Тифлис, 1970; АКАК. Т. V. – Тифлис, 1873; АКАК. Т. VI. – Тифлис, 1875; АКАК. Т. VII. – Тифлис, 1878; АКАК. Т. VIII. – Тифлис, 1881; АКАК. Т. IX. – Тифлис, 1884.

67. По: *Агаширинова С.С.* Материальная культура лезгин. XIX – нач. XX в. – С. 12.

68. См.: *Панек Л.Б.* Жилище лезгин // РФ ИИЯЛ. 1952. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 13; Её же. Пища лезгин // РФ ИИЯЛ. 1952. Ф. 3. Оп. 3. Д. 2 и др.

69. См.: *Лавров Л.И.* Лезгины // Народы Дагестана, – М.: Изд-во. АН СССР, 1955; Её же. Эпиграфические памятники

Северного Кавказа X – XVII вв. Ч. I. – М., 1966; Его же. Эпиграфические памятники Северного Кавказа XVIII–XIX вв. Ч. 2. – М., 1968.

70. *Ихиллов М.М.* Народности лезгинской группы. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1967.

71. *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Очерки истории Южного Дагестана. – Махачкала, 1964.

72. *Гаджиева С.Ш.* Кумыки. Историко-этнографическое исследование. – М., 1961; Ее же. Материальная культура ногайцев в XIX – нач. XX в. – М.: Наука, 1976; Ее же. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – нач. XX в. – М.: Наука, 1985 и др.; *Османов М.О.* Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX – нач. XX в. – М.: Наука, 1990; Его же. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана. – Махачкала, 1996; *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – нач. XIX в. – М.: Наука, 1988 и др.; *Исламмагомедов А. И.* Главы “Поселения”, “Жилище”. В кн.: “Материальная культура аварцев”. – Махачкала, 1967; Агулы. – Махачкала, 1975; *Булатова А.Г.* Лакцы (XIX – нач. XX в.). Историко-этнографические очерки. – Махачкала, 1971 и др.; *Алимова Б.М.* Табасаранцы. XIX – нач. XX в. Историко-этнографическое исследование. – Махачкала, 1992 и др.; *Лугуев С.А., Магомедов Д.М.* Бежтинцы. XIX – нач. XX в. Историко-этнографическое исследование. – Махачкала. 1994; *Мусаева М.К.* Хваршины. XIX – нач. XX в. Историко-этнографическое исследование. – Махачкала, 1995; *Сефербеков Р.И.* Аграрные культы табасаранцев. – Махачкала, 1995; *Ризаханова М.Ш.* Гунзибцы. XIX – нач. XX в. Историко-этнографическое исследование. – Махачкала, 2001 и др.

73. См.: *Гаджиев Г.А.* Культ природы и обряды, связанные с производственно-хозяйственной деятельностью у лезгин в прошлом // Хозяйство, материальная культура и быт у народов Дагестана. – Махачкала, 1977; Его же. Вераования лезгин, связанные с животными // СЭ, 1977, № 3; Его же. Пережитки древних представлений о похоронно-погребальных обрядах лезгин // Семейный быт народов Дагестана. – Махачкала, 1980; Его же. Мифические персонажи и их названия у лезгин // Отраслевая лексика дагестанских языков. – Махачкала, 1984 и др.

74. См.: *Агаширинова С.С.* Материальная культура лезгин. XIX – нач. XX в. – М.: Наука, 1978 и др.

75. См.: *Абдурагимов Г.А.* Кавказская Албания–Лезгистан. История и современность. – СПб., 1995.

76. *Каймаразов Г.Ш.* Культурное строительство в Дагестане (1920–1940 гг.). – М., 1971.

77. См.: История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М.: Наука, 1988; История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) – М.: Наука, 1988.

78. Материалы Дагестанского Республиканского Управления статистики. – Махачкала, 1970, 1979, 1991, 1995.

79. См.: ЦГА РД., Ф 21, Оп 5, .Ед.хр. 6. Л. 1–19; 55–187; 57–64; 66–74; Ф. 21. Оп. 5. Ед., хр. 10. 1873. Лл. 1–191; Лл. 409–418, 446–465, 577–596, 601–624, 639–648; Ф, 21. Оп. 5. Ех. хр. 15 лл. 1–24; Ф. 21. Оп. 5. Ед. хр. 9. Лл. 29–77, 81–94, 99–106, III– 138, 165–245, 251–283, 285–390, 400–426, 440–529, 533–609 и др.

КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Специфика географического расселения лезгин, через территорию которых на различных исторических этапах прокатывались волны иноземных завоевателей, оказала сильное влияние на этнические судьбы лезгинского народа.

История народов Дагестана, в том числе лезгин – это история бесконечных войн за независимость. На протяжении сотен лет народам Дагестана приходилось отражать натиск многочисленных врагов.

Так, еще в I в. до н. э. народам Закавказья, в том числе дагестанским народам (албанам), пришлось пережить первые столкновения с римлянами, положившие начало многовековой борьбе армян, иберов и албанов за свою независимость. Основной причиной этих столкновений было стремление Рима захватить и удержать мировые торговые пути и рынки в восточном Средиземноморье и Малой Азии, на которые посягал Понт в лице Митридата Евпатора.¹ В этой борьбе у Митридата появился могущественный союзник в лице армянского царя Тиграна II, "...объединившего все армянские земли, пытавшегося присоединить к ним Сирию и ряд областей Малой Азии, отторгнув их от Рима, и являвшегося создателем мощного, хотя и недолговременного государства Великой Армении".²

Весной 69 г. до н. э. римские легионы Лукулла без объявления войны неожиданно вторглись в пределы Армении. По сведениям Плутарха, на помощь армянскому царю пришли многие его союзники и среди них албаны и кочевники Приаракской равнины.³

Войска Тиграна с союзниками вынуждены были отступить перед хорошо вооруженными когортами Лукулла.

В 66 г. до н. э. римский сенат отозвал Лукулла и назначил на его место Помпея. Преследуя Митридата Евпатора, бежавшего через Армению и Иберию в Колхиду, Помпей вторгся в Армению и принудил Тиграна к соглашению, "...по которому

тот отказывался от Месопотамии, Софены, Малой Армении и ряда других завоеванных им областей, а также обязывался выплачивать Риму контрибуцию".⁴

По дороге в Колхиду Помпею пришлось столкнуться с албанами и иберами. Царь албан Оройс с 40-тысячным войском первым атаковал многочисленные легионы римлян, но потерпел поражение и был вынужден просить у римлян мира. Неудачен был для албан и исход битвы при реке Алазань в 65 г. до н. э. Однако, несмотря на победы, римлянам не удалось полностью покорить албан и включить Албанию в состав Римской империи.⁵

Источники указывают на беспримерное мужество албанов в борьбе за свою независимость⁶. По сведениям Плутарха в боях за Алазанью участвовали и амазонки⁷. Судя по всему, здесь речь идет о горских женщинах – умелых наездницах, "...которым предание могло присвоить наименование амазонок".⁸

Спротивление албанов вынудило Помпея заключить мир с Оройском и "...вернуть назад, не дойдя трех переходов до Каспия".⁹

В этот же период албанам приходилось отражать многочисленные набеги аланов – кочевников северо-восточных степей.

К III в. относится экспансия Сасанидского Ирана. Как известно, в 226 году Иран превращается в могущественное государство. Упрочив государственную власть в самом Иране, сасаниды начали обширные завоевания, образовав вскоре Сасанидскую империю, включавшую часть Средней Азии, Атропотену, Месопатамию, Сирию и Закавказье. В Закавказье сталкиваются интересы Римской империи и Сасанидского Ирана. Между ними развернулась длительная борьба за овладение Албанией, Арменией и Иберией, закончившаяся заключением мира в 390 г., согласно которому почти вся Албания и восточные области Армении и Грузии перешли под владычество Сасанидов.¹⁰

Сасанидов, как и других завоевателей, привлекали богатые природные условия и выгодное стратегическое расположение Албании, ибо территория Албании являлась мостом, соединяющим север и юг, запад и восток. Необходимость защиты от северокавказских кочевых племен (гуннов, севиров,

хазаров и др.), набеги которых доходили вплоть до глубинных районов Ирана, являясь еще одной из причин стремления сасанидов закрепиться в Албании и создать там оборонительный заслон от их набегов.

Для защиты от кочевых племен и для упрочения своих позиций на Восточном Кавказе сасаниды провели ряд мероприятий, в частности, приступили к строительству оборонительных сооружений на территории Албании. Особое значение в этом плане имели грандиозные оборонительные сооружения Дербента. Строительство первых дербентских укреплений связано с именем персидского паря Ездигерда II (438–457 гг.).¹¹ При царе Каваде I (488–531 гг.) и его сыне Хосрове I Ануширване (531–579 гг.) в VI веке в Дербенте начался второй этап строительства – возведение грандиозного каменного оборонительного комплекса, состоящего из двух параллельно идущих стен, запиравших Дербентский проход с запада на восток, цитадели и многокилометровой цепи оборонительных сооружений, составляющих вместе с дербентскими стенами единый комплекс и защищавших город со стороны гор.¹²

Вся тяжесть возведения этих сооружений легла на плечи местного населения. Сасаниды заставляли десятки тысяч крестьян и ремесленников работать на строительстве крепостей. Огромные материальные средства, требовавшиеся для этого строительства, выкачивались из населения Албании. Сасанидские правители безжалостно грабили и разоряли Албанию.

Население облагалось непосильными налогами и податями, которые взыскивались с необычайной жестокостью. Армянский летописец V в. Егише по этому поводу писал: “Это был настоящий грабеж..., до такой степени сильный, что сами персы удивлялись и спрашивали: откуда могло прибывать столько сокровищ и как еще могла существовать столь изнуренная страна?”¹³

Иранский шах Ездигерд насильно насаждал в Албании зороастризм, разрушал христианские церкви.

Все это переполнило чашу терпения народа. В 450 г. в Закавказье началось мощное восстание во главе с армянским князем Варданом Мимиконяном. В битве близ города Халхал повстанцы, несмотря на численное превосходство про-

тивника, одержали победу. По словам Егише, “...от множества трупов река окрасилась кровью”¹⁴. Отряды восставших освободили значительную часть Албании от захватчиков. Повстанцы уничтожили иранский гарнизон в Дербенте и заняли город. Население Албании повсюду истребляло сасанидских чиновников, разрушало тюрьмы и освобождало узников.

Напуганный этими событиями Ездигерд II направил против повстанцев огромную и хорошо вооруженную армию под командованием визира Михнерсеха. 2 июня 451 г. на Аваратском поле (между нынешними городами Ману и Хой) произошло крупное сражение. Вот как описывает его Егише: “Когда обе стороны были готовы, полные гнева, с великим ожесточением и невероятной яростью бросились друг на друга. Крики с обеих сторон раздавались, как раскаты грома в потемневших облаках. От страшного шума содрогались горные пещеры... Битва продолжалась долго, вечерело, близко было и наступление темноты. Многих постигла смерть... Те, которые остались живыми, рассеялись по горам и укрепились в вечных чащах, и когда встречались с врагами, продолжали сечу с ними”¹⁵. Несмотря на беспримерное мужество и упорство, повстанцы потерпели поражение из-за слабого вооружения и плохой организации. Сасаниды учинили беспощадную расправу над населением Албании, Армении и Иберии.

Стремясь окончательно ликвидировать самостоятельность Албании, сасаниды в 461 году отменили здесь царскую власть, превратив страну в свою провинцию, и передали управление ею марзбанам, резиденцией которых была избрана Барда. Моисей Каганкатвацци об этом пишет: “От Ваче до благочестивого Вачагана в продолжении 30 лет Агвания (Албания) оставалась без царя, потому что злобный и нечестивый царь персидский неистовствовал... хотел уничтожить все царства мира”¹⁶.

Дагестанские, в том числе лезгинские, племена не прекращают борьбу за независимость. Так, после смерти шахиншаха Ездигерда албанский царь Ваче поднял восстание и, воспользовавшись борьбой за власть между сыновьями Ездигерда, вступил в район Дербента. Приступом взял он ущелье и перевел через него войска Мазкута (массагеты) и заключил союз с одиннадцатью царями народов Кавказа.

Вскоре это восстание было жестоко подавлено. Власть Сасанидского Ирана на восточном Кавказе укрепилась. Самостоятельная албанская династия уже не существовала.¹⁷

Историческая хроника “Ахты–наме” рассказывает о различных мероприятиях персидского царя Ануширвана в Южном Дагестане: “Эмир Шахбани из дома сасанидского с 60 семьями и 300 воинов из Фарса был отправлен Нуширваном для постройки крепости на том месте, где теперь деревня Ахты, возле которой и ныне видны остатки крепости Шахбани. Издержав 1.500 золотых монет, он построил на горячих водах ахтынскую баню и назначил за купанье пошлину.”¹⁸ Проф. Х.Х. Рамазановым и А.Р. Шихсаидовым приводится предание о том, что после основания Ахты (тогда Яргиккар) впервые оно (селение) подверглось нападению Ануширвана. Он же построил крепость в местности, получившей название Келез–хав (“Холм крепости”) для защиты своих войск от нападения горцев. Однажды ночью жители Ахтов совершили нападение на крепость, сожгли ее и уничтожили находящееся там персидское войско”.¹⁹

Сасанидам не удалось сломить сопротивление народов Албании, Армении и Иберии и укрепить здесь свою власть. Под влиянием непрекращающихся народных восстаний они были вынуждены пойти на некоторые уступки, в частности, в Албании была восстановлена царская власть. Албанским царем был объявлен Вачаган III (487–510 гг.). Феодалным владетелям, выступавшим против сасанидов, были возвращены земли, отнятые у них завоевателями, были восстановлены их имущественное и правовое положение.

Однако с середины VI в. албанские цари вновь утрачивают власть. Страной стали управлять иранские наместники–марзбаны, обычно ближайшие родственники шахов. В руках марзбанов сосредоточилась вся фактическая власть над страной.

Ответом на вновь усилившиеся притеснения явилось восстание народов Армении, Иберии и Албании в 571–572 гг. Как сообщает грузинская летопись “Картлис–Цховреба”, при армянском царе Хосрове Великом “...армяне, грузины и оссы, леки и хазары совместно выступают против персидского царя Ануширвана и проникают в Персию”.²⁰ Это восстание также было подавлено с большой жестокостью. В

конце VI – нач. VII вв. в Албании была вновь восстановлена царская власть, но царями назначались представители Персии. Освободительная борьба покоренных народов, обострение внутренних противоречий в самом Иране и длительные войны с Византией ослабили державу Сасанидов. В этих условиях в Албании усиливается тенденция к самостоятельности. На северных границах Албании в этот период начали складываться новые государственные образования во главе с местными правителями. Многие области Албании стремились к образованию самостоятельных политических единиц. Албания стала распадаться на отдельные относительно независимые области и государства.²¹

С середины VII и до конца VIII в. в Албанию неоднократно вторгались хазары. В “Ахты–наме” говорится об ожесточенном сопротивлении народов лезгинской группы хазарам, в частности о том, что хазары, будучи в Ширване, поселили своего военачальника (Самсама) в Микрахе. Хазары делали попытки захватить Шахбани (Ахты), осаждали его десять лет, но “...потерпели поражение от объединенных войск эмиров Тарсы, Рутула, Джиныха и Руфука”. Однако хазары не оставляли попыток захватить лезгинские и соседние с ними земли. После 13–летнего перерыва хазары напали на город Тарсы и перерезали жителей этого города. Мусульманский правитель Ахты обращается к дербентскому правителю и с его помощью освобождает город, который получил впоследствии название Микрах.²²

В другой местной хронике, известной под названием “История Абу–Муслима”, эти события получили подробное освещение: “Сейф–аддин, направленный дербентским правителем против хазар, захватил Микрах. И погублены были им войска Самсама и разрушены города кяфиров, и бежал Самсам вместе с амирами, которые у него в услужении, в темную ночь”²³.

Набеги хазар наносили огромный ущерб хозяйству, разоряли крестьян, разрушали производительные силы албанов. В борьбе за независимость албаны нашли поддержку у арабов. В VIII в. арабы успешно отражают вторжения хазар и совершают походы на их земли. Так, в 735 году арабы во главе с Марваном совершают поход в страну хазар. Во время этого похода Марвану удалось не только захватить старое

ядро хазарского государства с городами Варачан и Семендер, но и дойти до новой столицы Хазарии Итиль в низовьях Волги. Хазарский каган оставил свою столицу и бежал по Волге вплоть до земли подвластных ему буртасов.

Разгром Марваном хазар в 737 году окончательно подорвал мощь хазарского каганата, в результате чего Албания практически избавилась от их набегов. Одним из последствий похода Марвана было поселение захваченных в плен хазар "...между Самуром и Шабираном по равнине, в области лакз".²⁴

Начало новому этапу борьбы горцев за свою независимость положили арабские завоевания. Как известно, в середине VII века в Аравии образовалось сильное централизованное государство с единой монотеистической религией (ислам) – Арабский халифат. Под знаменем ислама начались завоевательные войны арабов.

В середине VII в. под ударами арабов рухнула сасанидская империя и был открыт путь во все владения Ирана, в том числе и в Закавказье. В этой войне Дагестан интересовал арабов и как важный стратегический район, и как место, позволявшее сосредоточить в своих руках торговлю на Каспийском море. Закрепление позиций в Дагестане для арабов означало гарантию от хазарских набегов на Закавказье. Началась длинная полоса борьбы народов Дагестана, в том числе лезгин, против арабов. Первые попытки арабов утвердиться в Дагестане окончились провалом. Многочисленные восстания народов Закавказья и других захваченных областей распыляли силы арабов. Ослаблением власти арабов в Закавказье воспользовались хазары. Хазары, которые еще в начале VII века владели Дербентом, в 710 году совершили набег на Закавказье и захватили Албанию. Три года длилось господство хазар в Закавказье, но Маслама, брат халифа и видный арабский полководец, снова подчиняет себе "замки Ширвана и Мушкура" и заставляет хазар отступить в пределы Дагестана. В 714 году после трехмесячной осады, арабы захватили Дербент. Против арабов выступают как хазары, так и местное население, которые оказали им ожесточенное сопротивление: "Неверные защищались с большим мужеством, т. к. с ними были их жены и дети".²⁵ В результате арабам не удалось здесь закрепиться, и Южный Дагестан неод-

нократно переходил из рук в руки. В 722 году мусульманский правитель Армении совершил поход в сторону лакзов и занял окрестности Хасмадана,²⁶ но и этот поход завершился неудачно. Жители Дагестана продолжали оказывать упорное сопротивление арабам, не отступавшим от своих захватнических планов. Чтобы окончательно укрепиться в Дагестане, полководец Маслама в промежутке между 727 и 732 гг. принял два крупных похода в Дербент. В результате этих походов арабам удалось укрепиться здесь окончательно. Опыт многочисленных войн диктовал необходимость строительства в завоеванных странах опорных пунктов для армии и для распространения ислама. Так, с целью превращения Дербента в опорный пункт для дальнейших завоеваний, Маслама переселил в Дербент 24000 воинов из Сирии. Были построены амбары для хранения фуража и склад для оружия.²⁷

В IX–X вв. арабский халифат переживал период своего упадка. Сколоченное силой обширное государство было охвачено восстаниями и выступлениями покоренных народов. Завоевания арабов в Дагестане VI–IX вв. в конечном счете не привели к желательным для них результатам. Упорная борьба народов Дагестана обеспечила им независимость. Однако завоевания арабов оставили большой след в истории народов Дагестана, в том числе лезгин.

Начиная с VII–VIII вв. важные торговые пути, соединяющие страны Ближнего Востока с Юго-Восточной Европой, Нижним Поволжьем и Северным Кавказом переместились в бассейн Каспийского моря. Это было время расцвета арабской торговли. Необычайно быстро растет значение приморских дагестанских городов (Дербент, Семендер), а районы внутреннего Дагестана втягиваются в торговую жизнь. Успехи в хозяйственной жизни, сравнительно интенсивное развитие земледелия и ремесла, включение дагестанских обществ в оживленную ближневосточную торговлю все более усиливает начавшийся примерно с V–VI вв. процесс феодализации дагестанских обществ. В упомянутой выше "Истории Абу-Муслима" характеризуется процесс образования феодальной верхушки, процесс создания органов власти в отдельных поселениях Южного Дагестана. Происходит социальное расслоение лезгинских обществ, процесс выделения сельской верхушки, отделившейся от рядовых членов общества и стремившейся

освятить свою власть, связав свое происхождение с именем пророка Мухаммеда или его ближайших родственников, ибо феодализирующаяся верхушка нашла в арабах надежную опору. Ей поручался сбор дани с местного населения и обеспечение выполнения повинностей.

Арабские завоевания оставили глубокий след в жизни народов Дагестана, в том числе лезгин, в первую очередь в плане установления здесь единой монотеистической религии – ислама, которая оказала большое влияние на культуру и быт дагестанских народов.

С X в. создается ряд условий, предопределивших усиление темпов исламизации Дагестана, в том числе на территории лезгин. Сравнительно быстрый рост производительных сил, успехи хозяйства и связанное с этим усиление имущественного и социального неравенства толкали правящую верхушку на использование идеологического оружия в целях укрепления и сохранения своих позиций. Одним из факторов, ускоривших исламизацию Дагестана, служил рост связей с мусульманским Востоком.

Проникновение ислама в лезгинские районы относится к середине X в. Один из списков “Истории Абу-Муслима” датирует принятие ислама лезгинами временем “после 300 года хиджры”, т. е. после 913 г.

В начале XIII в. лезгины оказывают ожесточенное сопротивление монголам. В XIII в. татаро-монголы с огромными силами обрушились на Кавказ, предавая огню и мечу все, что встречалось на пути. Разгромив Грузию, монголы направились к дербентскому проходу. В конце 1221 г., разбив 30-тысячное грузинское войско, татаро-монголы под командованием Джебе и Субудея направились в Дербент Ширванский, по пути осадой взяли город Шемаху, произвели здесь всеобщее избиение и забрали много пленных. Жители Дербента не пропустили их, город оказался неприступным. Монголы в своем движении на север избрали иной путь, мимо Дербента, по горам, т. е. по территории внутреннего Дагестана. Горцы оказали монголам ожесточенное сопротивление. Монголы с присущей им жестокостью расправились с ними. Они ограбили и убили много лакзов-мусульман и неверующих и “...произвели резню среди встретивших их враждебно жителей тех стран и дошли до аланов”²⁸

Горцы оказывали ожесточенное сопротивление завоевателям, проявляя чудеса мужества и стойкости. Они вели против завоевателей партизанскую войну, устраивали засады. Монголам приходилось по несколько раз совершать походы в одни и те же районы. Монголы с присущей им жестокостью расправлялись с непокорными: сжигали селения, убивали мужчин, женщин, стариков и детей. Ужасающую картину зверств татаро-монголов над народами Грузии, Армении и Албании приводит Киракос Гандзаци: “Татары, многочисленные, как саранча, раскинулись по горам, полям и долинам... Зрелище было раздирающее и достойное горького плача. Земля отказалась скрывать хоронившихся в ней; ни леса, ни крепкие замки, ни ущелья не только не укрывали, а выдавали искавших в них убежище. Меч беспощадно истреблял мужчин и женщин, юношей и младенцев, стариков и старух... Здесь грудные младенцы, разбитые о камень, там прекрасные девицы, оскверненные и полоненные. Страшен был вид злодеев, и не было сострадания в их душе; ни слезы матерей, ни седины старцев не трогали их сердец...”²⁹

Преодолев упорное сопротивление горцев, уничтожив множество населения и опустошив страну, татаро-монголы в 1235–1238 гг. подчинили себе почти весь Кавказ. Один за другим пали цветущие города Гянджа, Тифлис, Шемаха, Ани, Каре, а в 1239 году и Дербент. Взятие Дербента приписывается предводителю монгольских войск Кукдаю. Ворвавшись в город, монголы жестоко расправились с его жителями, а город был превращен в стоянку монгольских войск. Монголы переименовывают Дербент в “Тимур-Кахалка”, что значит “Железные ворота”. После взятия Дербента татаро-монголы направляются в Нагорный Дагестан. Население, оказывавшее сопротивление, истреблялось, многие аулы были ограблены и сожжены.³⁰ Несмотря на все жестокости, творимые татаро-монголами, им не удалось покорить горцев Дагестана. По словам путешественника X в. Гильома де Рубрука, “... между морем и горами живут некие сарацины, по имени лезги, горцы, которые не покорены татарами”³¹.

Опустошительные походы татаро-монголов внесли огромные изменения в экономику Дагестана, прежде всего связанные с хищническим уничтожением производительных сил области. Согласно источникам, в период завоеваний та-

таро-монголов население городов и областей истреблялось так, что в редких случаях кто-либо оставался в живых”.³² В живых оставляли лишь лучших мастеров и ремесленников, которых использовали для изготовления оружия, на строительных работах и т. д.

Не менее разрушительные последствия для экономической жизни народов Дагестана имело нарушение торговых связей с другими странами. Главный торговый центр Дагестана – Дербент, через который народы Дагестана в основном осуществляли торговые связи с другими странами, был разрушен.

Эпоха монгольских завоеваний в Дагестане, в том числе на территории лезгин, привела к разорению и опустошению края, упадку экономической и культурной жизни населения.

В топонимике Южного Дагестана ряд наименований напоминает о пребывании здесь татаро-монгольских войск: селение Татар хан хур (т. е. “селение Татархана” или “Селение татарского хана”); в селении Даркуш имеется тухум “татарар” (татары); имеется ущелье “Магу дере”, что по предположению профессоров Рамазанова Х.Х. и Шихсаидова А.Р. может быть переведено как “Монгольское ущелье”.³³

Период с XV по XVIII вв. ознаменован борьбой народов Дагестана, в том числе лезгин, против иранского и турецкого владычества. Особенно ожесточенный характер она принимает в XVIII веке. Начало войне лезгин с Ираном и Турцией положило восстание в Цахурском султанстве во главе с цахурцем Али-Султаном. Талантливым предводителем народной борьбы против иранских завоевателей стал лезгин Хаджи Давуд из селения Дедал Мюсикюрского магала. Хаджи-Давуду удалось собрать вокруг себя значительное войско не только с лезгинских земель, но и из соседних областей – даргинцев, лакцев, татов, курдов и др. Борьба шла с переменным успехом, но силы были слишком неравны. С просьбой о союзничестве Хаджи-Давуд обратился к России, но не получил от нее определенного ответа. Отчаявшись получить поддержку России, Хаджи-Давуд обращает свои взоры к Турции. После кратковременных переговоров Турция направила в помощь Хаджи-Давуду значительные военные силы во главе с Мустафа-пашой. Опасаясь усиления влияния Турции на Кавказе, Петр I направляет войска в Закавказье.

Кавказ становится ареной столкновения интересов России, Турции и Ирана. Народам Кавказа и Дагестана приходится противостоять намного превосходящим силам иноземных захватчиков. Особенно ожесточенный характер приобретает борьба горских народов во второй четверти XVIII в. против полчищ Надир-шаха. Огнем и мечом прошелся Надир по землям лезгин и других народов Дагестана. Народная память сохранила множество преданий о зверствах Надира. Недоброй памятью отмечены названия местностей, где шах с нечеловеческой жестокостью расправлялся с оказавшими ему сопротивление лезгинам. Так, в селении Хпедж Курахского района имеется поляна Шах-харман (“Шахская молотья”), на которой шах, по преданию, измолотил всех детей селения, а взрослых, в том числе женщин и стариков, изрубил кинжалами. Селение подожгли и разрушили. По преданию, из всех жителей чудом спасся один старик, который якобы, когда шахские воины проходили мимо него, стал выбирать из помета их коней пшеничные зерна. Заинтригованные воины спросили его, зачем он их собирает – ведь их нельзя есть. Старик ответил, что он засеет ими поле³⁴.

Шах-харман из детей и женщин, по преданию, Надир-шах устроил и в селении Гияр (Гияр шегер – город Гияр, ныне с. Курах). В одном только Курахском районе были полностью разрушены и сожжены селения Сернегьар, Юрхвар, Куказар, Щийи хур, Чуру-хур, Кикен хур, упомянутый Гияр шегер.³⁵ По преданию, в селении Куказар (Куказ) оставшихся после полного разгрома селения жителей, персы собрали на току и растоптали конницей.³⁶ Около селения Мискинджа имеется поляна Шах-Харман, где, по преданию, Надир измолотил всех жителей селения, в том числе детей, женщин, стариков. Вот что говорится в предании, записанном Б.Г. Алиевым, о шахском хармане в сел. Джаба Ахтынского района: “Взяв селение Джаба, персидский шах Надир назначил здесь своих правителей и ушел, забрав необходимые продукты и скот. Через год персидские войска пришли снова, узнав, что оставленные ими люди убиты. Завоеватели собрали всех жителей, которые попались им, связали им руки, уложили на току и пустили по ним быков с молотильными досками. Это место в народе известно под названием Шаху-Руман”³⁷

Весь народ как один поднялся против врага. Лезгины,

табасаранцы, агулы, рутульцы и цахуры, как и другие народы Дагестана, оказали упорное сопротивление захватчикам. Народ отстаивал каждую пядь земли, часто ценой собственной жизни. Вот что пишет А. Бакиханов о событиях восстания джарских лезгин (здесь под лезгинами подразумеваются и другие народы Дагестана): «В 1151 (1739 г.), когда Надир-шах находился в Индостане, возмутились джарские лезгины. Ибрагим – хан (брат Надир-шаха–М.Р.) отправился усмирять их. Сначала счастье благоприятствовало ему, но однажды лезгины, сделав засаду, окружили его. В последовавшей перестрелке Ибрагим-хан был убит, а персияне отступили без всякого успеха...»³⁸ И лишь в следующем году многочисленным войскам Надир-шаха удалось подавить сопротивление дагестанцев. «...Лезгины, – читаем мы далее у А. Бакиханова об одном из эпизодов этой войны, – отрезанные с северной стороны и не видя возможности спасения, бросались со скал в пропасть; те же, которые не имели такой решимости, погибли под кинжалами победителей...»³⁹

Ожесточенное сопротивление войскам Надира оказали ахтынцы. Лишь после многочисленных атак была взята Ахтынская крепость Шахбани, защитники которой погибли с оружием в руках. Надир-шах в порыве гнева лично убивал местных жителей.⁴⁰ Упорное сопротивление войскам Надир-шаха оказали жители Дакузпаринского и Ахтыпаринского обществ. В народной памяти сохранилось множество преданий и легенд о героическом сопротивлении лезгин персидскому шаху. В одном из преданий, записанном Б.Г. Алиевым, говорится, что раньше в селении Куруш был камень, на котором было написано, как пришел в эти места Надир-шах. Сначала он хотел пройти в Куруш через перевал, но не смог. Курушцы оказали завоевателям упорное сопротивление, что было главной причиной возвращения Надира в Азербайджан. Отсюда Надир-шах решил повторно совершить поход на Куруш. На этот раз он пошел через Кубу, по другой долине. Несмотря на отчаянное сопротивление курушцев, селение было взято намного превосходящими силами противника. Завоевав селение, Надир-шах стал расспрашивать жителей о человеке, который организовал сопротивление во время первого похода. Ему сказали, что тот умер. Надир-шах приказал показать ему его могилу. Придя на кладбище, он

зарезал быка и раздал мясо в память об этом храбром человеке, который, как выяснилось, был юзбаши селения.⁴¹

Ожесточенное сопротивление войскам Надир-шаха оказали жители селения Чрак. Несмотря на превосходящие силы противника, победа осталась на стороне чракцев.⁴² Интересное предание связано с жителями селения Текипиркент нынешнего Докузпаринского района Дагестана. В нем говорится, что «...когда в селение Текипиркент пришли войска Надир-шаха, во главе Текипиркента был Пир-Хасан – основатель его, который якобы пришел из Шама (Сирии) и по решению микрахского джамаата (в который входили и текипиркентцы – М.Р.), владевшего этими землями, поселился здесь со своей семьей. У Пир-Хасана была красивая дочь. Надир-шах забрал ее и ушел из селения. Дочь Пир-Хасана, не желая стать женой Надира, утопилась в реке».⁴³

Все народы Дагестана встали на защиту Родины. Решительное поражение Надир-шаху было нанесено в Аварии объединенными отрядами горцев (аварцев, даргинцев, лакцев, лезгин, кумыков, кайтагцев и др.).⁴⁴ Это было началом конца иранской экспансии в Дагестане. Все дальнейшие многочисленные попытки шаха покорить народы Дагестана были обречены на провал. Горцы повсеместно стали переходить от обороны к активным наступательным действиям. Враг терпел поражение за поражением. В 1743 году остатки войск Надир-шаха были с позором изгнаны с дагестанской земли.

Разгром войск Надир-шаха не ликвидировал опасности порабощения народов Дагестана иностранными захватчиками. Так, воспользовавшись межусобными распрями местных феодальных владетелей, в частности Фатали-хана, Магомедхана Казикумухского и уцмья Кайтагского, русское правительство под предлогом помощи Фатали-хану в 1775 году ввело свои войска в Дагестан. В ходе военных действий между войсками Фатали-хана и России с одной стороны и Магомед-хана Казикумухского – с другой, сильно пострадали плоскостные селения лезгин. По свидетельству Гасана Алкадари, войска Фатали-хана «...разграбили много имущества в селениях Кюринской плоскости».⁴⁵

С этого времени усиливается экспансия России в Дагестан. С конца XVIII века Табасаран твердо ориентировался

на Россию. Когда персидские войска вторглись в Закавказье, они (табасаранцы) категорически отказались поддержать шахскую Персию⁴⁶. Когда в 1796 г. русские войска во главе с Зубовым вступили в Дагестан, табасаранский кадий в числе других дагестанских владетелей изъявил готовность действовать против персидских войск. Недалеко от Самура царские войска совместно с ополчениями уцмия и табасаранского кадия разбили Сурхая, не желавшего покориться русским. В 1806 году лезгины Кубинского ханства, в котором сильно было влияние табасаранских владетелей, также были присоединены к русскому государству.

Турция и Персия всячески препятствовали усилению влияния русских на Дагестан. В 1811 году персидский шах Фетх-Али послал фирманы табасаранскому владетелю Магомед-майсуму, старшинам селений Ахты, Мискинджа, Докузпара, Алтыпара, в котором требовал от них помощи в предстоящем совместном с Турцией выступлении против неверных. К войне против России призывал в обоих фирманах дагестанских владетелей и турецкий султан Махмуд. Однако, за исключением Ших-Али-хана и Сурхай-хана, дагестанские владетели и старшины селений не отозвались на призыв. Русские войска, не встретив противодействия со стороны местного населения, за сравнительно короткий срок разбили войска Сурхай-хана и вытеснили его с Кюринской плоскости. Разбитый под аулом Шихкент 10 декабря и под аулом Татархан 11 декабря 1811 года, Сурхай-хан отступил в горы и укрепился в Курахской крепости. 15 декабря 1811 года русские войска штурмом овладели Курахом. Сурхай-хан вынужден был отступить перед превосходящими силами противника и бежать в Кази-Кумух. На следующий день после взятия Кураха у генерала Хатунцева в Курахской крепости собрались сельские старшины и духовные лица почти со всех лезгинских селений, которые просили принять их в русские подданство. О вхождении селений Ахты, Мискинджа и Каракюре в состав России ген.-л. Репин в своем рапорте ген. Тормасову пишет следующее: "...Через него (Ханбулат-бека - М.Р.) я и достиг желаемой цели, что оные Ахтынцы прислали ко мне старшин 3 чел., Ибрагима, Гюль - Мамеда и Джама-ла, и по связи с ними мискинджинцы 2-х - Мулла-Адбулла и Мамед-Бали, да келагуринцы 3 чел., юз-башу Кара-хана,

Рамазана и Садыка и с ними прибыл Ханбулат-бек от всех старшин, просят меня письменно принять их в подданство России, которых я и привел к присяге..."⁴⁷

В отношении маркиза Паулуччи к Румянцеву пишется о предоставлении ему ген.-м. Хатунцевым условных пунктов, согласно которым старшины горских народов, сопредельных Кюринской области, а именно: Ахтынских, Алтыпаринских, Докузпаринских и Мискинджинских заявляют о своей покорности Российскому престолу"⁴⁸

Таким образом, плоскостная, предгорная и горная части лезгинской территории были полностью присоединены к России. В конце 1811 и начале 1812 годов к России были присоединены все общества Самурской долины.⁴⁹

Однако принятие присяги о подданстве России вряд ли можно считать добровольным шагом. Это скорее было вынужденным шагом, что доказывает вся история борьбы лезгинского народа за свою свободу. Вот что пишет маркиз Паулуччи военному министру от 4-го января 1812 года за № 8: "Ханство Кюринское в 1812 году было покорено силами русских и казаков во главе с ген.-м. Хатунцевым. Кюринцы оказали отчаянное сопротивление, но были разбиты превосходящими силами противника"⁵⁰

Аслан-хан (хан Кюринский и Казикумухский), присягнувший на верность русскому престолу, при любой возможности нарушал ее. Враждебной к русскому правительству политики придерживалась и ханская фамилия. В источниках по этому поводу пишется: "С 1837 года заметно было, что Казикумухская ханская фамилия сохраняла политику ген.-м. Аслан-хана, состоящую в том, чтобы русскому правительству беспрестанно делать препятствия в усмирении Дагестана и тем сделаться нам нужною и удержать вес свой и значение, и она даже с того времени подозревалась во вредных кознях против нас, в тайных сношениях с врагами нашими, и в особенностях с. Шамилем."⁵¹

В 1842 году кюринцы открыто выступают против русских. Вот что пишет в рапорте от 10-го апреля 1842 года за № 357 ген. Головин князю Чернышеву: "Трудно определить, когда именно начались изменнические сношения с мюридами Махмуд-бека, помощника Казикумухской ханши Умии-Гюльсум-бике, и брата его Гарун-бека, правителя Кюрин-

ского ханства”.⁵² “Ахтынцы и рутульцы, – пишется в источнике, – донине не перестают еще злобствовать и не только сами имеют враждебные замыслы против правительства, но ищут, как распространить их между соседними племенами, злодейски преследуя тех, кто уклоняется от пути беззакония, ими избранного”.⁵³

Весной 1837 года вспыхнуло кубинское восстание против русского владычества. В нем самое деятельное участие принимали лезгины Ахтынского, Докузпаринского, Алтыпаринского, Тагирджальского обществ, которые входили в тот период в состав Кубинской провинции. Поводом к восстанию послужило требование российского правительства о наборе рекрутов в Варшавский конно-мусульманский полк. Восстание, несмотря на героические усилия народных борцов за свою свободу, было жестоко подавлено превосходящими силами противника, руководители восстания преданы казни.

Но поставить народ на колени царским властям не удастся. Ярким примером героической борьбы народа против завоевателей служит образ отважного мстителя, защитника обездоленных Кири-Буба, уроженца лезгинского селения Икра (Кири) Кюринского округа. В конце 70-х годов XIX в. Кири Буба сколачивает сильный вооруженный отряд смельчаков-абреков, смело вступает в борьбу с царскими властями и местными богатеями-притеснителями простого народа. Образ Кири-Буба сохранился в памяти лезгин в многочисленных легендах, преданиях, песнях и рассказах.

Лезгины приняли деятельное участие в Кавказской войне на стороне Шамиля, который был учеником Мухаммеда Ярагского. Борьба народа за свободу не затухала и после пленения Шамиля.

В 1877 году опять вспыхнуло восстание горцев против владычества русских на Кавказе. Оно также было подавлено.

По справедливому замечанию А. Дюма, побывавшего на Кавказе, одной из причин народных восстаний была неумелая политика русского царизма на Кавказе, его незнание психологии горцев, их свободолюбия и любви к родине. Вот что он пишет: “ Но далеко не все, кто смирился, обрел покой. Случилось совсем даже наоборот: невежественные, грубые чиновники, взяточники сделали русское господство нена-

вистным. Отсюда измены Хаджи-Мурада, Даниэль-бека и многих других. Отсюда и восстания большой и Малой Чечни и Аварии – целой части Дагестана. Если народ однажды добровольно покорился, а потом восстал, значит, причиной тут дурное управление, на которое он было согласился, а потом осознал, что оно душит народ. Огромным несчастьем России на Кавказе было отсутствие единой политической линии, направленной к строго определенной цели. Каждый новый наместник прибывал с новым планом, никак не согласующимся с предыдущим и зависящим лишь от фантазии очередного начальника. Иными словами, в реальных кавказских проблемах России существует столько же анархия и безалаберщины, что и в кавказской природе... Покорение равнин было совершено за короткое время, но равнина не смирилась, а просто приняла иго, оставаясь враждебной в своей сущности. Права и условия собственности не были в ней определены. Ненависть, бессильная на плоскости, нашла неприступное убежище в горах; тайна сопротивления гор служит в утешение равнины; война горцев – только отголосок вздохов и ропота жителей равнины”.⁵⁵

Русское правительство производит административные изменения на завоеванной земле, не считаясь с интересами местного населения. Так, Самурский округ и Кюринское ханство были включены в Дербентскую губернию, а Кубинская провинция – в Бакинскую губернию. Волей царских чиновников лезгинский народ оказался разделенным между двумя губерниями, а в наше время – между двумя самостоятельными государствами – Россией и Азербайджаном.

Примечания

1. Подробно см.: *Тревер К.В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н. э. – VII в. н. э. – М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. – С. 88.

2. Там же.

3. *Плутарх.* Лукулл. Кн. XXVI (509). По: *Тревер К.В.* Указ. раб. – С. 88–89.

4. *Тревер К.В.* Указ. раб. – С. 91.

5. Подробно см.: *Тревер К.В.* Указ. раб. – С. 91–108.

6. См.: *Кассий Дион.* Римская история. Кн. XXXVI. Гл. 54, 1; *Тит Ливий.* История об обосновании города. Кн. С1; *Плутарх.* Помпей. Гл. 34, 35 (637). По: *Тревер К.В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н. э. – VII в. н. э. Изд-во АН СССР. – М. – Л., 1959. – С. 96–103.

7. *Плутарх.* Помпей. Гл. 35 (638). По: *Тревер К.В.* Указ. раб. – С. 103.

8. *Тревер К.В.* Указ. раб. – С. 103.

9. Там же.

10. Подробно см.: *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Очерки истории Южного Дагестана. Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до нач. XX века. – Махачкала, 1964. – С. 30–32. *Кудрявцев А.А.* Мусульманский город Дагестана (Сложение Дербента в домонгольский период). – Махачкала; Дагкнигоиздат, 1994. – С. 57–60; *Абдурагимов Г.А.* Кавказская Албания – Лезгистан. История и современность. – СПб., 1995. – С. 67.

11. См.: *Тарихи Дербенд-наме.* – С. 28–94.

12. См.: *Кудрявцев А.А.* Указ. раб. – С. 72–74.

13. *Егише.* О Вардане и войне армянской. – Ереван, 1971. По: *Абдурагимов Г.А.* Указ. раб. – С. 70.

14. Там же. – С. 71.

15. Там же.

16. Там же.

17. *Аббас-Кули Бакиханов (Кудси).* Гюлистан-Ирам. Вып. 4. – Баку, 1926. – С. 35.

18. Там же.

19. *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Очерки истории Южного Дагестана. Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до нач. XX века. – Махачкала, 1964. – С. 32.

20. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. – С. 23. По: *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Указ. раб. – С. 32.

21. *Аббас-Кули Бакиханов (Кудси).* Гюлистан-Ирам. Вып. 4. – Баку, 1926. – С. 35.

22. Там же. – С. 48–50.

23. По: *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Указ. раб. – С. 33.

24. *Баладзори.* Книга завоевания стран. Пер. с арабского *П.К. Жузе.* – Баку, 1927. – С. 18. По: *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Указ. раб. – С. 32–33.

25. *Дербенд-наме.* – С. 102. По: *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Указ. раб. – С. 35.

26. *Баладзори.* Книга завоевания стран. – С. 16. По: *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Указ. раб. – С. 35.

27. По: *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Указ. раб. – С. 35.

28. *Рашид ад-дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. Пер. с персидского *А.А. Хетагуровой и О.И. Смирновой.* – М.–Л., 1952, – С. 228–229.

29. *Киракос Ганзакечи* о монголах. Краткий обзор писателя XIII века. Русское слово. № 6 1860. – С. 111–112. По: *Ичалов Г.* Борьба народов Дагестана с татаро-монголами в первой пол. XIII в. Вопросы истории Дагестана. – Махачкала, 1974. – С. 100–101.

30. Подробно см.: Вопросы истории Дагестана. – Махачкала, 1974. – С. 101.

31. *Гильом де Рубрук.* Путешествие в восточные страны. – М., 1957. – С. 111.

32. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. III. – М.–Л., 1946, – С. 309.

33. *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Очерки истории Южного Дагестана. – Махачкала, 1964. – С. 75.

34. Записано в сел. Курах Курахского района у учителя французского языка *Назаралиева Кагира Абдуселимовича* (1936 г. р.) в период командировки в 1995 г.

35. У него же.

36. По: *Алиев Б.Г.* Предания, памятники, исторические рисовки о Дагестане. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1988. С. 88.

37. Там же.

38. *Бакиханов А.* Гюлистан-Ирам. Вып. 4. – Баку, 1926. С. 120–121.

39. Там же.
40. По: *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Очерки истории Южного Дагестана. – Махачкала, 1964. – С. 179.
41. По: *Алиев Б.Г.* Указ. раб. – С. 91.
42. Там же. – С. 88–89.
43. Там же. – С. 90–91.
44. Подробности см.: Очерки истории Дагестана. Т.1. – Махачкала. 1957. – С.165.
45. Алкадари Г. Асари–Дагестан. – С. 79.
46. См.: *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Очерки истории Дагестана. Т.1. – Махачкала. 1957. – С. 186.
47. Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею (Дальше АКАК). Т.IV. – Тифлис, 1870. – С. 647.
48. АКАК. Т.V. Тифлис, 1873. – С. 151–162.
49. *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Очерки истории Южного Дагестана. – Махачкала. 1964. – С. 188.
50. АКАК. Т. V. – Тифлис, 1873. – С. 153–155.
51. АКАК. Т. IX. – Тифлис, 1884. – С. 369.
52. Там же. – С. 373.
53. Там же. – С. 308.
54. *Дюма А.Кавказ.* Пер. с французского. – Изд-во “Советская Кубань”, 1992. – С. 359–361.

ГЛАВА I. ХОЗЯЙСТВО¹

§1. Земледелие

Основными занятиями лезгин издревле являлись земледелие и скотоводство. Первые зачатки земледелия на территории лезгин относятся к концу неолита, а в энеолитическую эпоху и в эпоху бронзы эта отрасль хозяйства получает свое дальнейшее развитие. Как свидетельствуют археологические находки, пашенное земледелие в Дагестане, в том числе на территории лезгин, возникло в III тысячелетии до н. э., о чем свидетельствуют находки Гильярского (Касумкентского, ныне Сулейман–Стальского района) поселения, где в 1957 году археологи обнаружили кувшин с обуглившимися зернами пшеницы, ячменя и льна,² Мамрашского поселения этого же района (обломки кремневых вкладышей серпов, ладьевидная зернотерка и др.), кремневые отщепы в Ходжа Казмалярском поселении; каменные зернотерки, ножевидные пластинки в Касумкентском энеолитическом поселении; кремневые вкладыши в Нютюгском поселении.³

В эпоху бронзы (II тыс. до н. э.) земледельческое хозяйство получает дальнейшее развитие, о чем свидетельствует возрастание количества обнаруженных при археологических раскопках земледельческих орудий – зернотерок, вкладышей от серпов, наконечников мотыг и т. д.⁴

Конец бронзового и начало железного веков (I тыс. до н. э.) на всей территории Дагестана, в том числе и на заселенной лезгинами, характеризуется дальнейшим усовершенствованием земледельческого хозяйства. Этот период характерен полным завершением процесса приручения и хозяйственного использования полезных животных, выращиванием основных видов культурных растений. Замечательным памятником этого периода является Макинское поселение, где обнаружен богатый археологический материал, свидетельствующий о значении земледелия и скотоводства

в хозяйственной деятельности населения (зернотерки, пес- ты, каменная ступа, глинобитная печь с двумя отделениями – топочным и для выпечки хлеба и пр.).⁵

Весь дальнейший период земледелие остается одной из ведущих отраслей хозяйства лезгин. “Только тем, – отме- чают Х.Х. Рамазанов и А.Р. Шихсаидов, – что земледелие и скотоводство в лезгинских районах, как и во всем Дагестане, имеет свою длительную историю, можно объяснить наличие в языках лезгинской группы названий различных зерновых и садовых культур–пшеницы, ячменя, яблок, груш”⁶.

Важное значение земледелия в хозяйстве народа нашло отражение во множестве домусульманских обычаев и празд- ников, связанных с этой отраслью хозяйства. (“Пешапай”. “Гуьгуь” и др.), а также в преданиях об образовании различ- ных населенных пунктов. Так, например, считают, что селе- ние Куруш основали жители, прибывшие сюда из Закавказья на летние пастбища и сеявшие здесь хлеб вместе с жителями окрестных селений.⁷ Хотя по более ранним источникам сел. Куруш было основано Шах-аль-Бурзом из племени Курей- шидов, который переселил из “...Мир-кяга (Микраха – М.Р.) 30 семейств и поселение назвал Курейш (Куруш – М.Р.) в память своего племени”.⁸ Другое лезгинское селение Рухун, согласно сведений проф.Рамазанова Х.Х., Шихсаидова А.Р. обязано своим названием изготовлением молотильных до- сок –”ругун” выходцами из этого селения. Название селения Кахциг восходит к “клах”–”гороху”, выращивание которого помогло жителям в неурожайный год.⁹

Следует отметить, что земледелие в горных и равнин- ных районах лезгин имеет неодинаковый характер. В горных районах лезгин издавна ощущалась нехватка пахотных зе- мель. Расширение площади культурных земель в этой части не представлялось возможным, хотя должны отметить, что лезгины, как и все горцы Дагестана, с редким упорством де- лали все, чего можно достичь в борьбе с суровой природой. Малейший участок земли, пригодный для земледелия, очи- щали от камней с крутых боков ущелий, холмов и гор, возво- дили каменные стены, на участок наносили землю, удобряли и превращали в пахотное поле, огород или фруктовый сад, создавая таким образом террасы. Созданные таким неимо- верным трудом участки земли часто уничтожались снежны-

ми обвалами и селевыми потоками, и горцам снова приходи- лось восстанавливать террасу.

Поставленное в такие неблагоприятные условия, земле- делие весьма скудно вознаграждало труд земледельца и не обеспечивало необходимым для пропитания хлебом. Мест- ного хлеба на хватало на прокорм семьи и на 6 месяцев. Так, в среднем на душу населения в Самурском округе приходи- лось около 0,54 четверти всех родов хлеба, т. е. около 4 пудов, что не составляло даже одной трети нормальной годичной порции хлеба, необходимого для пропитания человека.

Иначе обстояло дело в Кюринском округе. Здесь показа- тели были выше среднего уровня относительно других райо- нов Дагестана, том числе и лезгинских (См. табл. 1).

Таблица № 1.¹⁰

Обеспечение народного продовольствия

Округа	Собрано хлебов (в пудах)	Оставлено на посев	Остается на продоволь- ствие	Число душ населе- ния	На 1 душу прих-ся на прод- вие
1	2	3		4	5
1. Кюрин- ский	184,596	52,934	131,662	80273	1,61
2. Самур- ский	14,040	6,236	7,804	68531	0,11
3. Темир- Хап-Шурин- ский	71875	28883	42982	75632	0,57
4. Даргин- ский	20,800	9,584	11216	80,893	0,14
5. Аварский	14,385	5,898	8,486	35,246	0,24
6. Андий- ский	27,558	11,422	16,137	49,556	0,33
7. Гунибский	55,824	12,897	42,927	60,594	0,70

8. Казику- мужский	32,915	11,490	21,425	52,688	0,40
9. Кайтаго- Табасаран- ский	64,427	30,319	36,108	77,685	0,46

Кюринский округ, расположенный в плоскостной части, с относительно теплым климатом, располагал довольно значительными земельными угодьями. Согласно документам, площадь земель, годных для сельскохозяйственных целей, на конец XIX в. выражалась в следующих цифрах:

1. В Кюринском округе

В частном владении:

пахотной, покосной и пастбищной земли	- 61594 дес.
садов	- 390 дес.
лесов	- 22 дес.

В общественном владении:

пахотной и покосной земли	- 257 дес.
пастбищ	- 8912 дес.
вакуфных земель	- 560 дес.

На один дым в округе приходилось пахотной, покосной и пастбищной земли 4,8 десятин.

2. В Самурском округе

В частном владении:

пахотной, покосной и пастбищной земли	- 18554 дес.
садов	- 109 дес.
лесов	- 169 дес.

В общественном владении

покосной и пастбищной земли	- 220588 дес.
лесов	- 13490 дес.
вакуфных земель	- 228 дес.
пахотных земель	- 672 дес. ¹¹

На один дым здесь (в Самурском округе) приходилось пахотной, покосной и пастбищной земли 20,8 десятин.¹² (Здесь в основном за счет покосной и пастбищной земель.)

Лезгины Кюринского округа не только обеспечивали себя собственным хлебом на весь год, но и продавали или обменивали его, в основном лезгинам высокогорных районов в обмен на продукты животноводства – сыр, масло, мясо, шкуры и пр.

Маркиз Паулуччи в отношении военному министру от 4-го января 1812 г. за №6 пишет: "Кюринская область, имеющая в населении до 5000 семейств трудолюбивейших жителей, что доказывают примерно обработанные их поля, и по примерному исчислению содержащая в себе до 2 тыс. квадр. верст, также изобилующая разным лесом, в особенности же богатая плодородием превосходной пшеницы, ячменя, отчасти сарачинского пшена, полбы, конопли и других полезных произведений, может служить обеспечением в продовольствии здесь знатной части войск, принеся вместе с тем важные выгоды и для казны Е. И. В."¹³ Т. Беккер писал, что в предгорной части Кюринского ханства, в частности в районе Капира и Кураха, "...на полях произрастает отличная пшеница".¹⁴ Он называл Кюринское ханство житницей для значительной части Дагестана.¹⁵ Согласно документам, из всех округов Дагестана только в Кюринском и Кайтаго-Табасаранском округах имелись запасные хлебные магазины, в которых к 1-му января 1895 г. содержались: в Кюринском округе 3440 пудов, в Кайтаго-Табасаранском округе – 54352 пуда зерна.¹⁶

Земледелие у лезгин в прошлом было представлено исключительно зерновыми культурами, причем в низменной части области преобладали посеы озимых, а в нагорной части – яровых хлебов. Кроме пшеницы и ячменя, лезгины высевали, в первую очередь на близлежащих к жилищу участках, кукурузу, картофель, фасоль, а позднее тыкву, лук и пр. Сеяли также просо, горох. Существовавшее издавна в Южном Дагестане мареноводство в 40–50 гг. XIX в. получает наибольшее развитие, чему способствовало повышение спроса на марену со стороны промышленности центральной России. В Кюринском округе под мареной было занято 4560 десятин земли.¹⁷

Приемы обработки земли были разнообразны. Существовали одно- и двухпольные системы севооборотов. При двухпольном севообороте пахотное поле разделялось на два участка, один из которых засеивался пшеницей, ячменем и др., а другой оставался незасеянным, служа пастбищем для

скота. На следующий год поле, бывшее под пастбищем, засевалось, а бывшее под посевом оставалось под паром. Недостаток пахотных участков в высокогорных районах вынуждал земледельца применять и однопольный севооборот, при котором участок засевался одними и теми же культурами, а под зябью оставлялся только на зимний период.

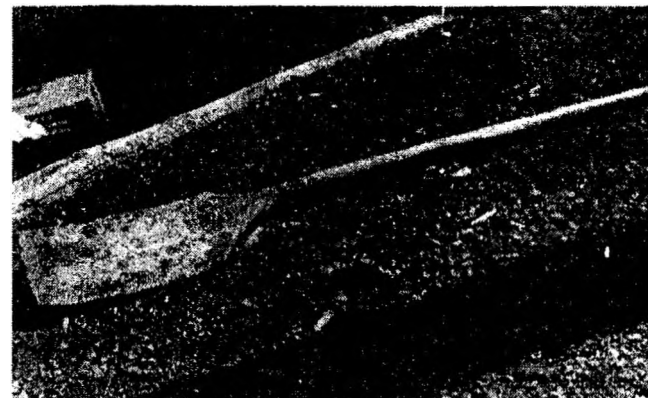
Одним из условий успешного возделывания хлебных культур было применение искусственного орошения. Лезгины, как и другие народы Дагестана, использовали малейшую возможность для орошения земли – проводили от рек, ручьев, родников каналы. «Лезгины, – писал Б.Ф. Добрынин, имея в виду все народы Дагестана, – имеют навыки по поливному земледелию, они искусные мастера, поскольку позволяют их технические средства по проведению каналов, желобов и других приспособлений для орошения».¹⁸ Так, в Кюринском округе в конце XIX в. длина оросительных каналов достигала более 150 верст, а площадь орошаемых земель – 13375 десятин; в Самурском округе длина оросительных каналов исчислялась в 70 верст, поливных земель – около 4100 десятин, преимущественно в долинах рек Самур и Ахты-чай.¹⁹

Большое внимание уделялось удобрению полей. Прежде чем приступить к пахоте, землю тщательно удобряли. Существовало множество способов удобрения участков. Самым распространенным видом удобрения был навоз (кук) домашних животных, который собирали и для большего эффекта перегнаивали. Использовали также птичий помет. Для удобрения повсеместно применялась также зола, которую собирали в зимний период. Для удобрения поля на участки после уборки урожая пускали скот – крупный и мелкий.

Для вспашки поля использовали турез – пахотное орудие, состоящее из хорошо развитой подошвы, увенчанной железным лемехом и вертикальным стояком, прямым дышлом, вставленным в стойку управления. В отличие от пахотных орудий этого типа у народов Нагорного Дагестана, лезгинский турез, в основных деталях идентичный с общедагестанским, выделяется отсутствием «ушек», вставленных в полоз. По наблюдению М.А. Агларова, «безухость» южнодагестанских орудий роднит их с закавказскими и переднеазиатскими.²⁰ Турез на самой территории лезгин отличается по

зонам. Так, турез лезгин Самурской долины более изящен и легок, нежели у лезгин высокогорных районов.

Тягловой силой для пахотных орудий служила пара быков, а в Кюринском и Кубинском округах – буйволов. Для прополки участков использовали тятки – «кирки». В период созревания урожая за полем тщательно ухаживали – очищали от сорняков – «ачІал, ачІун», поливали систематически. Убирали хлеб с помощью серпов – «мангал», «басктум». Серп имел сильно изогнутое лезвие и деревянную ручку. Хлебные у лезгин убирали исключительно женщины. Уборку начинали с края поля несколько женщин. Каждая убирала свою полосу. При этом левой рукой охватывали пучок стеблей, правой подрезали у самого корня и завязывали в снопы – «цил», «чуьл». Снопы собирали в копны – «хара», как правило, колосьями внутрь для предохранения от непогоды. Перевозка снопов на ток была обязанностью мужчин. Для этого использовались сани – волокуши («гъелерар»), запряженные быками. Для молотбы ток – «рат» предварительно очищали, обмазывали глиной. Подсохшие снопы развязывали и раскидывали по току. Для молотбы пользовались молотильными досками – «ругунар» – деревянными полозьями с кремневыми камнями с нижней стороны. В передней части полозьев делалось отверстие, через которое пропускался кожаный ремень, соединяющий молотильную доску с ярмом для быков. При молотье на доску для тяжести и управления быками. Время от времени снопы переворачивали деревянными вилами – «кьукь».

Деревянная лопата для веяния зерна – «йирф».

После завершения молотбы зерно отделяли от соломы и мякины с помощью вил, затем деревянных лопаток – “йирф”. Для окончательной чистки зерно провеивали специальным решетом – “саф”. Очищенное зерно хранили в специальных хранилищах – “канду”, “закат”, “klatl”. Мякина служила кормом для скота. Здесь же отметим, что после молотбы хлеба каждая семья, прежде чем отвести хлеб на хранилища, согласно установлению шариата, существующему во всех мусульманских странах, выделяли закят (закат) – пожертвование в пользу бедных, вдов и сирот (из расчета одной десятой части полученного урожая).

Так, по состоянию на 1891 год бедных жителей, существовавших закята числилось: по Кюринскому округу – 1182 чел., по Самурскому округу – 997 чел., что составляло около 3 % от общего числа населения округов.²¹

Мололи зерно на водяных и ручных мельницах. Водяные мельницы имелись в каждом селении лезгин. В крупных селениях было 3 мельницы в селении Ахты – 20-22, в Кара-Кюре – 20-23 и т. д. Мельницы могли быть частными и общественными. При помоле зерна соблюдалась строгая очередность. На ручных мельницах (“гъилин регъвер” зерно мололи на крупную толочку. Ручные мельницы – примитивное приспособление из двух плоских камней с деревянной ручкой на верхнем жернове, имелось в каждом хозяйстве лезгин.

Садоводство у лезгин Самурской долины, за исключением жителей сел. Ахты и Усучай, было развито слабо. В Кюринском и Кубинском округах садоводство получило довольно значительное развитие. Здесь; как мы отметили выше, выращивали яблоки, груши, сливу, виноград и присадовые культуры.

Огородничество было развито весьма слабо. Лишь в незначительном количестве выращивали и картофель, капусту, лук, чеснок и др.

§ 2. Животноводство

Скотоводство как и земледелие, на территории лезгин, как и по всему Дагестану, имеет глубокие корни. Начало скотоводства в Дагестане специалисты относят к эпохе мезоли-

та.²⁴ Культура, представленная памятниками энеолита, носит земледельчески-скотоводческий характер.²⁵

В эпоху бронзы скотоводческое хозяйство получает дальнейшее развитие. Многочисленными находками, свидетельствующими о развитии скотоводства, представлена эпоха раннего железа. Так, в Бакинском и Шаракунском могильниках обнаружено множество костей диких и домашних животных – крупного рогатого скота, овцы, осла, свиньи, кабана, зайца, барсука и др.²⁶

Направление основных отраслей хозяйства, как мы уже отметили, носило зональный характер. Так, если в низменных районах (Кюринский округ) основным направлением хозяйства было земледелие, то в ряде районов третьей полосы (высокогорье) – скотоводство, особенно овцеводство, являлось главной отраслью хозяйства. Крупный рогатый скот здесь содержали в ограниченном количестве. В плоскостной и предгорной зонах разводили главным образом крупный рогатый скот – коров, буйволов. Для перевозки тяжестей использовали лошадей, ослов, мулов.

Для иллюстрации распределения домашнего скота по округам обратимся к цифровым данным (см. табл. 2).

Таблица 2²⁷

Округа	Лошади	Ослы	Катеры (мулы)	Быки и коровы	Буйволы	Овцы	Козы, Свины	Всего
Кюринский	4900	275	—	2300	2418	98000	2300 –	130893
Самурский	4618	2245	154	12810	405	299621	15436 –	336852

Как можно заключить из приведенных данных, овцеводство занимало основное место в скотоводческом хозяйстве лезгин, особенно в нагорных районах. поголовье мелкого рогатого скота в некоторых высокогорных селениях лезгин исчислялось тысячами. Так, согласно посемейным спискам жителей Самарского округа по состоянию на 1886 год, в сел. Куруш было 14600 баранов, 71451 овец на 718 дымов,²⁸ в сел.

Кусур – 4744 овец на 124 дыма,²⁹ в Нижнем – Катрухе – 5282 овец на 123 дыма,³⁰ в Ихреке 10029 овец на 335 дыма и т. д.³¹

Овцы в основном разводились мелкой грубошерстной породы. Ни тонкорунных, ни улучшенных пород лезгины не имели. Тем не менее, овцеводство здесь являлось самым выгодным занятием, дающим населению доходы в виде шерсти, кожи, мяса, молока, масла, сыра и т. д., являющихся основным сырьем для изготовления одежды и продуктов питания населения. Помимо удовлетворения потребностей семьи, продукты животноводства составляли значительную статью дохода в семейном бюджете. Лезгины высокогорных районов продавали или обменивали на зерно скот и продукты скотоводства в соседних, в основном низменных, районах Кюринского округа. Так, по приблизительным подсчетам начальников округов, за один только 1896 год по Самурскому округу от продажи скота и продуктов скотоводства было выручено 53848 рублей.³²

Как мы отметили, на территории лезгин имелись прекрасные летние пастбища – яйлаги, но из-за ограниченности сенокосных участков и, как следствие, возможностей заготовки корма на зимний период, овец приходилось перегонять в зимнее время в плоскостную часть области, где овцеводы арендовали пастбища, “...платя от 20 до 50–ти и до 80 рублей за пастьбу сотни овец”.³³

Перегон скота был сопряжен с определенными трудностями, связанными главным образом со значительностью расстояний. С конца осени лезгины высокогорных районов, иногда с семьями, перекочевывали на низменность, где оставались на весь зимний период. Так, из нагорных селений Самурского округа ежегодно отправлялись со своими стадами овец на зимние пастбища Бакинской, Елизаветпольской и Тифлисской губерний более 6000 семей, что составляло почти две трети населения округа. Общее число билетов, выданных жителям на отлучку из лезгинских районов в 1891 году, составляло: по Кюринскому округу – 4592, по Самурскому округу – 5997.³⁴

По свидетельству Ф.А. Шнитникова, жители селения Юхари-Тахирджал для пастьбы скота на зимний период отправлялись в Кубинскую провинцию, мискинджинцы в – Кубинскую и Дербентскую провинции, алтыпаринцы

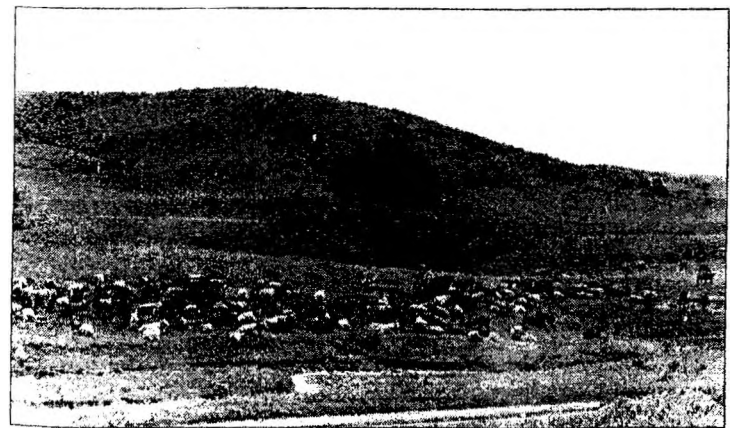
– в Шекинскую, Кубинскую и Табасаранскую, ахтынцы – в Дербентскую, Шекинскую провинции и Табасаран.³⁵

Жили овцеводы во временах, терпя большие трудности бытового характера. Неблагоприятными были и условия содержания скота. Лишенные дополнительной прикормки, довольствуясь скудным зимним кормом, который овцы доставали зачастую из-под снега, животные теряли вес, тощали. Значителен был падеж скота в суровые зимы. Ранней весной совершался обратный перегон на летние пастбища.

Для пастьбы мелкого рогатого скота состоятельные лезгины нанимали чабанов, платя им деньгами, зерном или приплодом овец из расчета одного ягненка за выпас 100 голов. Основная часть населения пасла своих овец сама или организовывала кош – т. е. для пастьбы объединялись несколько хозяйств. Овцы и ягнята содержались в отдельных отарах. Ягнят подпускали к маткам два раза в день – утром и вечером. Дойка овец входила в обязанности мужчин. Они же заготавливали сыр на летних пастбищах, осуществляли стрижку овец, т. е. все, что было связано с содержанием мелкого рогатого скота, осуществляли мужчины.

Крупный рогатый скот также был местной малорослой породы и, соответственно, давал мало мяса и молока, но отличался выносливостью и неприхотливостью в корме, т. е. качествами, весьма ценными при скудной и суровой природе гор.

Помимо сена крупный рогатый скот зимой подкармлива-

На летнем пастбище. Касумкент.

ли мякиной, сухими стеблями кукурузы, опавшими листьями, а в некоторых селениях Самурской долины (Кара-Кюре, Усук-чай, Мискинджа, Гапцах и др.) – колючим кустарником, который вырывали с корнем или подрубали у самого корня, обжигали колючки, после чего толкли молотком или тупым концом топора довольно толстые мясистые корни и ветки. Крупный рогатый скот обычно не перегоняли. Его содержание носило стойловый характер. В летний период его пасли на присельских пастбищах, выгоняя ранним утром и пригоняя в сумерках.

Для пастбы крупного рогатого скота назначали общественных пастухов, которым общество платило определенную сумму денег или давало зерно. По сведениям С.С. Агашириновой, во многих лезгинских селениях прежде существовал обычай кормления пастуха, выпасавшего коров. После дойки коров кто-нибудь из хозяев по очереди приглашал пастуха к себе. Обычно пастух знал, чья очередь, и, пригнав вечером стадо в аул, шел в этот дом. Здесь его ожидал самый лучший ужин, а когда пастух уходил, на завтрак в его сумку – чанта, клали обычно 3 чурека, масло, сыр, халву и пр.³⁶

Дойных коров и телят содержали отдельными стадами, из волов и бычков составляли отдельное стадо. При этом за телятами чаще всего присматривали подростки, по очереди от каждого хозяйства.

Неблагоприятные условия (недостаток корма, суровый климат и т. д.) служили причиной частого падежа скота. Много скота погибало от вспышек различных массовых болезней. Так, за один только 1891 год по районам Самурского округа из 10139 голов крупного рогатого скота пало 799 голов.³⁷

Уход за крупным рогатым скотом (подача корма, дойка и т.д.) входил в обязанности женщин. Они же осуществляли заготовку продуктов животноводства – перерабатывали молоко в кефир, сбивали масло, готовили творог, сметану и пр.

Лошади у лезгин также были малорослой породы, но крепкого сложения, отличались неприхотливостью в корме и выносливостью. Они служили, особенно в высокогорных районах, наиболее распространенным средством передвижения. Редко какая семья лезгин не имела коня. Особенно отличались в этом отношении жители высокогорного селения Куруш Самурского округа, где на каждое хозяйство

приходилось более двух лошадей. Так, согласно посемейным спискам жителей Самурского округа, в Куруше по состоянию на 1886 год числилось 1767 лошадей на 718 дымов³⁸, в сел. Кусур – 238 лошадей на 123 дыма³⁹ и т. д. Разумеется, распределение не было равным – были семьи, которые вообще не имели лошадей, но богатые барановоды владели десятками лошадей.

§3. Подсобные отрасли хозяйства

Пчеловодство. Пчеловодство, хотя и имело повсеместное распространение, сколь-нибудь значительной роли не играло в хозяйстве лезгин. Причиной тому было отсутствие рациональных способов ведения этой отрасли хозяйства – пчеловодство велось примитивными методами: отсутствовали теплые, сухие зимние помещения для пчел, их содержали в сопеточных ульях, выемка меда производилась способами, от которых погибало много пчел. Так, для доставки меда пчел выкуривали дымом, окуривали грибом-дождевиком и т. д., отчего много из них погибало. Серьезным препятствием для развития пчеловодства являлся недостаток в области медоносных древесных пород, могущих питать пчел, а луговое цветение начиналось слишком поздно, что приводило к тому, что хозяева пчел вынуждены были скормливать им весь запас меда. Относительно развито было пчеловодство в Кюринском округе, хотя и здесь мед не имел промыслового значения, а использовался на нужды семьи.

Рыболовство у лезгин не имело большого распространения. Это объясняется главным образом тем, что основная территория лезгин расположена далеко от морского побережья. Рыбным промыслом занимались лишь жители Кюринского округа в водах Каспийского моря и реки Гюльгеричай, от устья Самура до устья реки Рубас. В Рубасе и Гюльгеричае ловились кутум и сазан, которых рыболовы продавали в Дербенте. В водах Каспийского моря и Самура ловились преимущественно белуга, севрюга и осетр. К концу XIX в. эти воды находились в распоряжении Управления Государственными имуществами, и их отдавали с торгов в аренду.⁴⁰

Охота составляла незначительное подспорье в хозяйстве лезгин. В лесах, на хребтах и отрогах гор водилась доволь-

но ценная дичь – тур, серна, горный козел, медведь, куница, барсук, лиса, заяц и др. Однако лезгины, возможно, из инстинктивного стремления сохранить животный мир области, отстреливали животных очень редко. Охотились в основном (тоже редко) на фазана, горных индеек, куропаток, диких уток и гусей. В Кюринском округе водились дикие кабаны. Охота на них велась в основном из-за вреда, наносимого ими посевам. Мясо кабана в пищу не употребляли из религиозных соображений.

Охотились в основном с оружием. На лисицу и барсука ставили капканы, на медведя – ловчие ямы.

Горный промысел на территории расселения лезгин был развит слабо, хотя нужно отметить, что поверхностными разведками, произведенными в разное время горными инженерами, и случайными открытиями местных жителей обнаружено в разных частях области присутствие значительных минеральных залежей. Так, в Кюринском округе между селениями Гапцах и Бахцуг, в трех верстах от первого, были обнаружены залежи киновари с богатым содержанием ртути. Для исследования этих залежей в конце XIX в. был командирован горный инженер г. Ковшин, но результаты его исследований неизвестны.⁴¹ В горах Шах-дага, около селения Куруш, была обнаружена свинцовая руда, которую местные жители использовали для изготовления пуль. Богат залежами руды, ртути и др. Шалбуз-даг. Жители Гапцаха обнаружили прямо у поверхности Гетин-дага ртуть. Наличие богатых залежей ртути подтвердили горные инженеры, но глубоких исследований они не произвели, ибо было признано, что проведение работ по добыче и вывозке минералов обойдется намного дороже их стоимости из-за трудностей, связанных с высокогорьем.

Торговля на территории лезгин в прошлом находилась на невысоком уровне. В основном она была меновая. Предметами обмена были продукты скотоводства с одной стороны и хлеб, мануфактура, лес, стройматериалы, железные изделия, бакалейные товары – с другой. Постоянные лавки имелись в селениях, где располагались окружные управления. Но наиболее распространенными центрами торговли были еженедельные базары, устраиваемые во многих селениях области. Такие базары были в Касумкенте и Курахе

Кюринского округа и ежедневные базары в сел. Ахты Самурского округа. На этих базарах продавали шерсть, скот, кожи, мясо, молочные продукты и изделия кустарного производства – ковры, сумахи, вязаные носки, овчинные шубы, папахи и многое другое. Базары в Ахтах привлекали массу народа из всех близлежащих селений (Зрыха, Кака, Джаба, Мискин-джа, Усучая, Микраха, Каракюре, Каладжуха и др.) Иногда товары покупали у приезжих торговцев – в основном евреев, которые в обмен на продукты животноводства или за деньги продавали мануфактуру, соль и пр. В Кюринском округе торговлей большей частью занимались горские евреи.

Нехватка пахотной земли, низкий уровень земледения, наличие большого количества рабочих рук заставляли лезгин искать дополнительные источники дохода. Одним из них было отходничество. Начиная с осени, после уборки урожая, основная масса взрослого мужского населения уходила в отход. Из лезгинских районов население в основном уходило на нефтяные промыслы в Баку. По переписи населения в 1905 году в Баку проживало 15 тыс. лезгин. Особенно широкий размах приобрело отходничество среди лезгин в первое десятилетие XX века. В этот период значительная часть отходников направлялась не только в Бакинскую, Елизаветпольскую (ныне Ставропольский край), Тифлисскую губернию, но и далеко за пределы Кавказа: на Украину, в Белоруссию и Среднюю Азию. Только в 1907 году из Самурского округа в отход ушло более 22 тыс. человек, а в 1913 году – 23189 человек.⁴²

Определенную статью дохода в бюджете семьи с конца XIX – нач. XX вв. составлял извозный промысел – “кири”. Извозом занималась та часть населения, которая не могла надолго покинуть семьи и уходить в отход. Они шли в извоз со своими арбами и в течение зимы делали несколько рейсов в Дербент, Билиджи, Нуху, Кубу и обратно. Для извоза объединялись несколько хозяйств, каждое из которых выставляло свой транспорт. Вывозили, как правило, продукты животноводства, которые обменивали на соль, керосин, мануфактуру и пр. Чаще всего извозчиков нанимали богатые хозяева – владельцы лавок, которые платили за каждый рейс определенную сумму денег.

§ 4. Кустарное производство

Кустарный промысел составлял один из главных источников дохода лезгин. Из всех видов кустарных промыслов самое большое распространение имело ковроткачество, корни которого у всех народов Дагестана уходят в глубокую древность.⁴³

Лезгинские ворсовые ковры (халича) и безворсные (сумахи) издавна славились красотой, яркостью красок и разнообразием орнаментальных мотивов. “Прекрасные ворсовые ковры ткали женщины селений Ахты, Микраха, Касумкента, Хива, Хучни и др.”⁴⁴ – отмечает Г.А. Сергеева, касаясь занятий женщин дореволюционного и Советского Дагестана. “Удивительной красочностью народного орнамента отличаются лезгинские ковры “Гасан-кала”, “Будалай-фур”, “Аггюль”, “Кацари”, “Елпенег”⁴⁵ – пишет о лезгинских коврах М.М. Ихиллов.

Материалом для изготовления пряжи для ковра служила овечья, изредка – козья шерсть. Чисто промытую и высушенную шерсть сначала били тонким прутиком – “твал ягъун”, затем расщипывали руками “кек ягъун”, после чего расчесывали на специальном гребне “регъ” общекавказского типа, состоящем из трех небольших, скрепленных треугольником досок, в верхнюю часть которых вделаны два ряда острых металлических зубцов. Пряжу изготавливали на примитивной традиционной прядке “чхра”, известной и многим другим народам Дагестана и Кавказа.⁴⁶

Для окраски пряжи применяли растительные краски (марену, кожуру орехов, различные горные травы), которые давали прочную и красивую цветовую гамму. С XIX в. лезгинки стали применять (хоть и редко) и готовые анилиновые красители.

После изготовления необходимого количества пряжи начинается процесс тканья ковра. Лезгинский ткацкий станок “гамун тарар”, аналоги которого встречаются у всех народов Дагестана,⁴⁷ – это массивная деревянная рама, состоящая из двух прямоугольных боковых столбов, соединенных между собой перекладинами, вставленными в пазы столбов и закрепленных снаружи клиньями.

Процесс тканья ковра начинается с натягивания основы

– “гам рушун”. Для основы применяли нитки грубой шерсти. В день начала тканья ковра для натягивания основы хозяйка приглашала двух–трех опытных мастериц – родственниц, соседок. Хозяева готовили угощение – халву, плов и пр. Приглашенные приносили небольшие подарки – отрез на платье, платок, носки и пр.

Основными орнаментальными мотивами лезгинских ковров являются “фурар” – “ямы”, в основном геометрические фигуры – ромб, квадрат или многоугольник, “сафар” – (сито), “тапанча” (пистолет), “платиносар” (подносы) и т. д. со стилизованным изображением животных, птиц и человека.

Большое распространение у лезгин имели безворсные ковры – сумахи, искусством изготовления которых лезгинки славились по всему Дагестану. Орнаментальные мотивы сумаха совпадают с ковровыми. Отличает сумахи от ворсовых ковров большее количество ям (“фурар”) и окаймляющих их линий (“циликь”).

Лезгинки изготавливали и другой вид безворсных ковров – паласы. Они значительно тоньше ворсовых ковров и сумахов и изготавливались обычно из пряжи двух–трех цветов. Пряжа одного цвета (чаще коричневого, темно-синего, черного, темно-зеленого) составляла основу паласа, а из пряжи других, обычно контрастных цветов (желтого, красного и др.) делались горизонтальные полоски шириной в 2–3 см... Техника изготовления паласа такая же, как ковра и сумаха.

Инструменты для тканья ковра.

С глубокой древности у лезгин широко распространен войлочный промысел, который является простейшим из всей шерстообрабатывающей кустарной промышленности.

Войлок широко применялся во время перекочевок с гор на низменность и обратно, он служил постелью, использовался для прикрытия продуктов от дождя, применялся для чабанской накидки – “лит”, т. к. он незаменим и в холод, и в дождь, и в жару. Самое широкое распространение у лезгин имело узорное вязание мужских и женских носков. Женские носки отличились от мужских и детских сложностью рисунка и яркостью красок. Мужские и детские могли быть и одноцветными (белые или черные) или двух цветов (белые с черными поперечными полосками или же черные с белыми или красными полосками). Основным рисунком в узорных носках являлись стилизованные изображения растительного или животного мира и даже человека. Многообразие орнаментальных мотивов в зависимости от преобладания того или иного рисунка находило отражение в названиях носков: “ичер” (яблоко), “пешер” (листья), “къипер” (лягушка), “леблебияр” (бабочки) и т. д.

Распространено было изготовление переметных сумок (“хурджинов”), мешков (“чувалар”), “херцилаг” (подстилок под кувшин для ношения воды), “каши” (плоских веревок для ношения тяжестей на спине).

Одним из замечательных видов народного прикладного искусства являлась резьба по камню и дереву, которой украшали стены и арки домов, опорные столбы и стены мечетей, домашнюю утварь и предметы обихода, декоративные блюда, ложки, прялки, мерки для муки и зерна, лари, детские люльки и многое другое. Из дерева изготовлялись орудия сельского хозяйства – сохи, арбы, косы, серпы, молотильные доски, вилы, оконные рамы, двери, опорные столбы и т. д.

Производство керамических изделий на территории лезгин уходит своими корнями в глубокую древность. Материалы Каякентско-хорочоевской культуры, могильников Манаса и других памятников свидетельствуют о существовании развитого гончарного производства к северу от Дербента в первом и, даже во втором тысячелетии до н. э.

А керамика Гинчинского поселения датируется даже концом четвертого тысячелетия до н.э.⁴⁸ Исследования, проведенные Л.А. Кудрявцевым, свидетельствуют о бытовании на территории лезгин керамического производства еще в X–VIII вв. до н. э. Анализируя ранний период развития Восточного Кавказа на основе археологических памятников, он приходит к выводу, что керамика, имеющая определенные специфические формы, широко бытовавшая на памятниках Южного Дагестана и некоторых районов Азербайджана в X–VIII вв. до н.э. и отмеченная в большом количестве в предскифском слое Дербента, подчеркивает его хронологическое и культурное сходство с синхронными памятниками этих территорий.⁴⁹ Исследование свидетельствует и о существовании еще в глубокой древности единой с локальными особенностями культуры на территории Южного Дагестана и Азербайджана.

В Мамрашском поселении (Касумкентский район), относящемся к энеолитической эпохе (III тыс. до н. э.) найдено значительное количество остатков керамики.⁵⁰ Многочисленные фрагменты древнейшей и средневековой керамики обнаружены в Гильярском (Касумкентский район) поселении,⁵¹ близ селения Хаджалкала также обнаружены два возвышения, где найдена энеолитическая и средневековая керамика.⁵² В Мугеранском могильнике, датируемом I тыс. до н. э. (эпоха раннего железа) обнаружены глиняные сосуды.⁵³ Аналогичные сосуды обнаружены в Макинском могильнике, относящемся к этому же периоду.⁵⁴ Большой керамический материал обнаружен в шаракунском курганном могильнике, также относящемся к эпохе раннего железа.⁵⁵

Высокого развития керамическое производство на территории лезгин достигает в XVIII в. В селениях Испик, Сальян, Гезеркент Кюринского округа, Кахул Самурского округа и лезгинских селениях Мюгюч, Испик, Еникент Кубинского уезда изготовлялись оригинальные по своим художественным особенностям тарелки, кувшины, миски, чашки и другие изделия поливной подглазурной керамики, украшенные росписью и паленным узором. Лепные рельефы изображались в виде рыб, мулов, птиц, людей, орлов, а также украшались солярными знаками и растительными мотивами.⁵⁶

На довольно высоком уровне у лезгин стояло металлообрабатывающее производство – кузнечное и оружейное дело, а также изготовление ювелирных изделий.

Многочисленные археологические находки свидетельствуют, что техника обработки металла на территории лезгин имеет глубокие корни. Обнаруженные на территории лезгин памятники эпохи железа дают возможность охарактеризовать культуру железного века на различных его этапах. Так, Мугерганский могильник и его инвентарь (разнообразные изделия из бронзы и железа) характеризуют местную культуру периода от поздней бронзы к раннему железу (рубеж III тысячелетия до н. э.).⁵⁷ В различных погребениях Макинского поселения, относящегося к VII–IV вв. до н. э. (период раннего железа), обнаружено множество изделий из железа – обломок меча, обломки ножей, изделия из сплава свинца и олова, различные украшения из бронзы и железа и т. д.⁵⁸

Примитивное литейное производство существовало в Куруше, Микрахе, Хлюте и других лезгинских селениях. Плавку руды производили сыродутным методом при помощи мехов. При этом использовалась как местная, так и привозная из Передней Азии и Центральной России руда.⁵⁹

В каждом лезгинском селении имелись кузнецы – “чатухъан”, которые изготавливали все необходимые для хозяйства предметы обихода (ножи, щипцы для очага и сахара и пр.) и сельскохозяйственные орудия – топоры, серпы, косы, мотыги, лопаты, подковы и т. д.

Определенное место в кустарном производстве занимало оружейное дело, хотя нужно отметить, что в изготовлении оружия лезгины не достигли такого мастерства, как, например, кубачинские мастера. Однако доброй славой пользовались кинжалы работы мастеров селений Кюснет, Икра, Курах, Койсун и др.⁶⁰ Широкой известностью у лезгин Самурской долины и Кубинского уезда пользовались кинжалы работы Ширинова Рагимхана из сел. Кара-Кюре.⁶¹

На достаточно высоком уровне стояло производство ювелирных изделий. Заслуженной славой пользовались мастера по изготовлению ювелирных изделий селений

Ахты, Курах, Каракюре, Кака, Цахур, Койсун и др. Ассортимент ювелирных изделий у лезгин был довольно широк – это кольца, серьги, браслеты, ожерелья, женские пояса с пряжками, украшенными полудрагоценными камнями, мужские пояса с газырями и т. д. В технике ювелирного производства применялись различные способы литья,ковки, спайки и др.

Заключая изложенное о хозяйстве лезгин, отметим, что земледелие и скотоводство занимали основное место в хозяйственной деятельности народа. В них, как в других отраслях хозяйства, сложились определенные традиции и навыки, корни которых уходят в глубокую древность. В отраслях хозяйства, в методах и приемах их ведения, в орудиях труда, кустарных промыслах и др. много общедагестанского, но в то же время они обнаруживают ряд специфических локальных особенностей, присущих только лезгинам.

Примечания

1. Так как хозяйственной деятельности и материальной культуре (поселениям, жилищу, одежде и пище) лезгин посвящена специальная работа профессора С.С. Агашириновой "Материальная культура лезгин, XI-X – нач. XX в.," мы решили ограничиться кратким обзором раздела.

2. Котович В.Г., Шейхов Н.Б. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет. УЗ ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. IX. – Махачкала, 1961. – С. 337.

3. См.: Пикуль М.И. Итоги археологических разведок в Южном Дагестане в 1959 г. РФ ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Д. 2641. – С. 28.

4. Котович В.Г. Указ. раб. – С. 338–339.

5. Пикуль М.И. Указ. раб. – С. 38–41.

6. Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. – Махачкала, 1964, – С. 27.

7. Там же. – С. 55.

8. См.: Аббас-Кули-Ага Бакиханов. "Кудси". Гюлистан-Ирам. Вып. 4. – Баку, 1926. – С. 50.

9. См.: Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ. раб. – С. 55–56.

10. Кавказский Календарь на 1893 г. – Тифлис, 1892. – С. 153.

11. Кавказский Календарь на 1893 г. – Тифлис, 1892. – С. 153.

12. Кавказский Календарь на 1893 год. – Тифлис, 1892. – С. 146.

13. АКАК. Т. У. – С. 155.

14. Поездка Т. Беккера по Южному Дагестану // ССКГ. Вып. IV. Отд. IV. – Тифлис, 1876. – С. 30–31.

15. Там же. – С. 31.

16. См.: Кавказский Календарь на 1896 г. – С. 202.

17. См.: Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. – Махачкала, 1964. – С. 192.

18. Добрынин Б.Ф. География Дагестанской АССР. – Буйнакск, 1926. – С. 88.

19. Кавказский Календарь на 1893 год. – Тифлис, 1892. – С. 146.

20. Агларов М.А. Современные параллели древним эт-

ночленениям в Дагестане // Алародии (этногенетические исследования), ДНЦ РАН, ИИАЭ. – Махачкала, 1995. – С. 121.

21. Кавказский календарь на 1893 г. – Тифлис, 1892. – С. 180.

22. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 52. – С. 1.

23. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 58. – С. 526.

24. См.: Золотов К.Н. Роль охоты и животноводства в хозяйственной зоне населения Дагестана в древности. – МАД, 1961. – С. 21.

25. См.: Мунчаев Р.М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. – М., 1961. – С. 32.

26. См.: Пикуль М.И. Итоги археологических разведок в Южном Дагестане в 1959 году // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Д. 2641. – С. 38–41, 50–53.

27. См.: Кавказский календарь на 1896 год. – Тифлис, 1895. – С. 203.

28. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Ед. хр. 53. – Л. 364.

29. Там же Лл. 803–843.

30. Там же. Лл. 916–962.

31. Там же. – Л. 117.

32. См.: Кавказский календарь на 1896 г. – Тифлис, 1895. – С. 204.

33. Кавказский календарь на 1893 г. – Тифлис, 1892. – С. 151.

34. Кавказский календарь на 1893 г. – Тифлис, 1892. – С. 154.

35. Шнитников Ф.А. Описание Кубинской провинции. 1832. // ИГЭД. – С. 331.

36. См.: Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин. XIX – нач. XX в. – М.: Наука, 1978. – С. 38.

37. Кавказский календарь на 1893 г. – С. 179.

38. См.: ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Ед. хр., 53. 1886 Д. 364.

39. Там же. Лл. 803–843.

40. См.: КК на 1893 г. – С. 158–159.

41. Там же. – С. 160.

42. См.: Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до нач. XX в. – Махачкала, 1964. – С. 238.

43. См.: Кильчевская Э.В. Художественные промыслы Дагестана. – М.: 1959. – С. 70.

44. *Сергеева Г.А.* Положение женщин в дореволюционном и Советском Дагестане // КЭС. Вып. IV. 1969. – С. 126.
45. *Ихиллов М.М.* Народности лезгинской группы. – Махачкала. 1967. – С.263.
46. См.: *Гаджиева С.Ш.* Некоторые виды домашних промыслов даргинцев XIX – XX вв. (ткани, кожа, войлок) // УЗ ИИЯЛ Даг. ФАН. СССР. Т. XVI. – Махачкала, 1966. – С. 305; *Лисициан С.Д.* Очерки этнографии дореволюционной Армении // КЭС. 1. – М., 1955. С. 190; *Агаширинова С.С.* Материальная культура лезгин в конце XIX – нач. XX в. – М., 1978. – С. 65 и др.
47. См.: *Шиллинг Е.М.* Ковроткачество Дагестана // СЭ. № 5. – С. 163; *Гаджиева С.Ш.* Кумыки (Историко-этнографическое исследование). – М.: 1961. – С. 85; *Агаширинова С.С.* Материальная культура лезгин. XIX – нач. XX в. – М., 1978. – С. 76.
48. См.: *История Дагестана.* Т.1. – М., 1967. – С. 38.
49. *Кудрявцев А.А.* Мусульманский город Дагестана (Сложение Дербента в домонгольский период). – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1994. – С. 31–32.
50. См.: *Котович В.Г.* Новые археологические памятники Южного Дагестана // МАД. I. – Махачкала, 1959. – С. 135.
51. *Котович В.Г.* Отчет о работе 1-го горного отряда. – С. 104–105.
52. *Козубский Е.И.* Дагестанский сборник. Вып.1. – Темир-Хан-Шура, 1902. – С. 161.
53. *Пикуль М.И.* Итоги археологических разведок в Южном Дагестане в 1959 году // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Д. 2641. – С. 9–16.
54. *Котович В.Г.* Новые археологические памятники Южного Дагестана. – С.139–142.
55. *Пикуль М.И.* Указ. раб. – С. 50–53.
56. Подробно см.: *Агаширинова С.С.* Материальная культура лезгин XIX – нач. XX в. – М., 1978. – С. 82–89.
57. См.: *Пикуль М.И.* Указ. раб. – С. 2–8.
58. *Котович В.Г.* Указ. раб. – С. 142.
59. См.: *Агаширинова С.С.* Указ. раб. – С. 90.
60. См.: Там же. – С. 93.
61. Записано у Везирхановой Мунажат, 1910 г. р., уроженки с. Усухчай.

ГЛАВА II. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

§ 1. Поселения

Сложный рельеф гор и природные условия Дагестана предопределяют разнообразие топографического положения и планировки поселений, расположенных на горных склонах, вершинах хребтов, в долинах рек.

Выбор места для поселения у лезгин, как и у всех народов Дагестана, предопределялся природно-географическими условиями, хозяйственной деятельностью, уровнем социально-экономического развития и политической обстановкой края.

Одним из главных условий для основания поселений горцев было расположение его вблизи источника воды – рек, родников. В равнинной части поселения располагались на речных террасах, что было обусловлено интересами земледелия и скотоводства.

Важным фактором, определявшим характер заселения и выбор места для поселения, был экономический. Наличие на данной территории пригодных для возделывания земельных участков и других угодий было непременным условием для основания поселения. Оно, как правило, располагалось на непригодных для возделывания участках: на крутом скалистом склоне, сланцевом участке и т. д. "...Земля ценилась так высоко, – отмечает С.С. Агаширинова, – что пригодные для посева участки старались сохранить, сберечь каждый клочок и не использовать для других целей".¹

Почти все старые селения лезгин расположены в совершенно неприступных и непригодных для земледелия местах, а в окрестностях их расположены луга (Микрах, Мака, Мискинджа, Гапцах, Гоган, Джаба, Филя и др.).

Выбор места для поселения определялся также соображениями обороны. Характерной особенностью поселений лезгин издревле являлось расположение их на естествен-

но укрепленных местах. Эта особенность поселений лезгин, как и всех горцев в Дагестана, отмечалась многими исследователями, путешественниками, военными, служащими на территории лезгин. Так, в своем рапорте от 6-го декабря 1809 года №1416 ген. Торماسову ген.-л. Репин пишет о поселениях ахтынцев, что они "...расположены по укрепленным от природы местам..."² Поселения эпохи бронзы в ряде случаев укреплялись дополнительно оборонительными стенами.³ Целям обороны служили и башни, часто вделанные в стены, а иногда строящиеся на возвышениях недалеко от селения. Башни складывались из плит, скрепленных глиной. Высота башни достигала 14 футов, толщина стен – около 2-х футов. В стенах проделывались ружейные амбазуры. В наиболее крупных поселениях строились оборонительные крепости. Вот как описывается такая крепость в источнике: "Кюринская крепость... лежит в проходе, ведущем в горы, и защищающем оную, следовательно, провинциям Кюринской и Кубинской служит оплотом, если бы неприятель покусился со стороны гор напасть на коне; ежели же принять в рассуждение образ воевания горских народов, который, не имея никаких тяжестей, может оную обойти через горы по другим дорогам, то и в таком случае упомянутая крепость будет бесполезна, ибо гарнизон во время прохода неприятельских партий может полагать им препоны, беспокоить их тыл и прерывать коммуникацию"⁴ Остатки таких крепостей на территории лезгин встречаются до наших дней. Один из памятников этого типа, т. е. остатки крепости, относящиеся к XVII в., мы увидели в селении Шими-хур Курахского района.

Памятники материальной культуры энеолита свидетельствуют о расположении поселений на холмах и холмообразных возвышениях. Причем вокруг одного из холмов располагалось основное поселение, а на остальных – подсобные хозяйства. Так, археологами обнаружено поселение близ селения Мамраш (Касумкентский, ныне Сулейман-Стальский р-н), расположенное на двух холмах длиной 10–15 км, находящихся недалеко друг от друга.⁵ Гильярское поселение (Касумкентский р-н) расположено на двух небольших холмах.⁶ Близ селения Касумкент обнаружено энеолитическое поселение, длина которого достигает 220, а ширина – около 100 метров.⁷

Большое значение при выборе места для поселения при-

давалось солнечной ориентации. Суровые природно-географические условия края и нехватка топлива вынуждали горцев основывать поселения на южных, обогреваемых солнцем склонах гор. Все горные селения лезгин расположены фасадом на юг, юго-восток, юго-запад.

Характерной особенностью многих горных селений лезгин являлись их небольшие размеры. Так, по посемейным спискам жителей Ахтыпаринского наибства Самурского округа на 1873 год в сел. Гдым было 65 дымов и 283 душ мужского пола, Гра – 83 дыма, 228 душ мужского пола, Кака – 122 дыма, 380 душ мужского пола, Усур – 49 дыма, 158 душ мужского пола и т. д.⁸ Имелись и относительно крупные поселения. Так, с. Джаба Самурского округа в 1873 году состояло из 245 хозяйств с населением 804 душ мужского пола. Кара-Кюре имело 494 хозяйств и 1477 душ мужского пола, Каладжух – 165 хозяйств и 608 душ мужского пола, Куруш – 514 хозяйств и 2009 душ мужского пола, Микрах – 461 хозяйство и 1642 душ мужского пола и т. д.⁹

Планировка горного селения лезгин всецело зависела от рельефа местности. "Если говорить о конкретной планировке отдельных лезгинских селений, – отмечает С.С. Агаширинова, то она вряд ли поддается какой-либо систематизации, так как всецело зависела от рельефа местности. Их отличительной чертой являлась скученность, так как дома лепились на крутых склонах и по гребням гор, улицы были узкие, запутанные и часто проходили под домами"¹⁰

Л.И. Лавров различает три основные группы лезгинских селений по характеру планировки и застройки, относящиеся к различным периодам. Старые кварталы расположены в верхней части селения. Для них характерна теснота застройки (дома-крепости) и отсутствие зелени. Средняя часть лезгинского селения, расположенная на менее крутом склоне, возникла позднее. Именно в этой части селений во второй половине XIX в. появились торговые и ремесленные заведения, жилые дома кулаков-барановодов, учреждения местной администрации и т. д. Дома здесь уже не имели крепостного облика, характерного для жилищ древних кварталов. Нижняя группа кварталов в горных лезгинских селениях появилась в начале XX в. Эти кварталы, как правило, расположены на ровном месте; жилые дома в них имеют обширные дворы с зеленью.¹¹

Структурно старые поселения лезгин подразделялись на кварталы (“магъле”). В далеком прошлом жители квартала, как правило, принадлежали к одному тухуму. Название квартала соответствовало наименованию тухума, идущего от предка – основателя с прибавлением окончания “ар”, “ияр”, “абур”. (“Югулар”, “Пугъуцлар”, “Кердеяр”, “Тарквар”, “Рагъимхананбур” и т. д.).¹² На определенном историческом этапе тухумный принцип расселения утрачивает свое значение, уступая место территориальному.

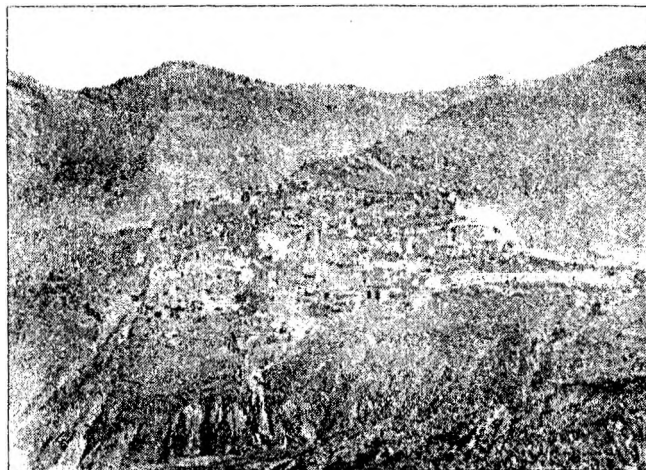
Центрами общественной жизни горного аула лезгин были мечеть и “ким” – годекан, куда в свободное от работы время собирались все взрослые мужчины для бесед, обсуждения вопросов общесельского и личного характера. При этом они выполняли и какую-нибудь работу – точили ножи, делали чарыки, изготовляли ложки и пр.

Кладбище располагалось на окраине селения. Святые места – пиры, которые были неотъемлемой частью почти всех горных селений лезгин, обычно находились в окрестностях селения.

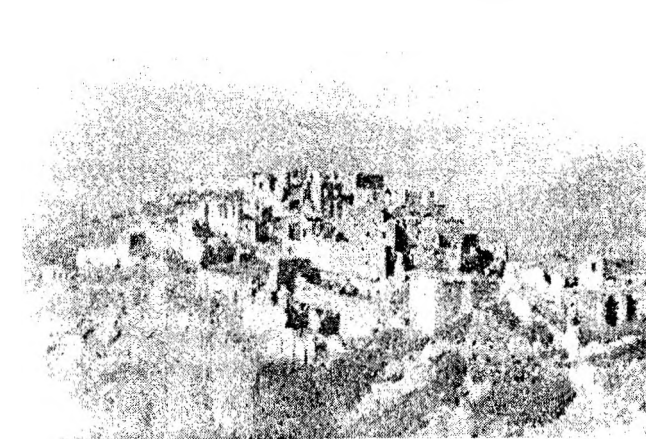
На определенном этапе общественно-экономического развития в силу ряда социально-экономических причин (рост производительности труда и производственных сил, увеличение населения, малоземелье и т. д.) возникает особый тип поселений – “къазмаяр” (отселки). Часто отселки возникали на местах временных зимних и летних стоянок скота. Сначала возводились временные жилища для людей и загоны для скота. Постепенно часть населения, особенно из больших семей, стала оседать в отселках на постоянное жительство. Характерно, что в названии отселков сохранялось название основного селения – Микрах – Микрах-къазмаяр, Дарклуш – Дарклуш – къазмаяр и т. д.

Разновидность отселка – “оба” был распространен в Кюринском и Кубинском ханствах. С.С. Агаширинова полагает, что, в отличие от “къазмаяр”, жителями “оба” в основном являлись разорившиеся выходцы из различных селений, нанимавшиеся в услужение к хану или беку. Земли, на которых впоследствии возникали “оба”, принадлежали отдельным состоятельным людям, которые сами жили в горных или предгорных селениях, а для обработки своих земель нанимали крестьян, которые не имели собственной земли и

скота. Многие из них приезжали на сезонные работы, но впоследствии привозили свои семьи и оставались на постоянное жительство. Часто главы семей арендовывали у своего хозяина землю, а дома строили неподалеку, на тех землях, где сами работали на хозяина. Так образовались поселения Карат-оба, Узден-оба, Салах-оба, Тагир-оба, Хан-оба, Укур-оба. Поселение Кулар-оба (со смешанным лезгино-азербайджанским населением) Худатского района образовалось исключительно из ханских рабов, находившихся здесь на строительстве канала.¹³

Селение Маза. Из личного архива А.И. Исламмагомедова.

Селение Кукваз.

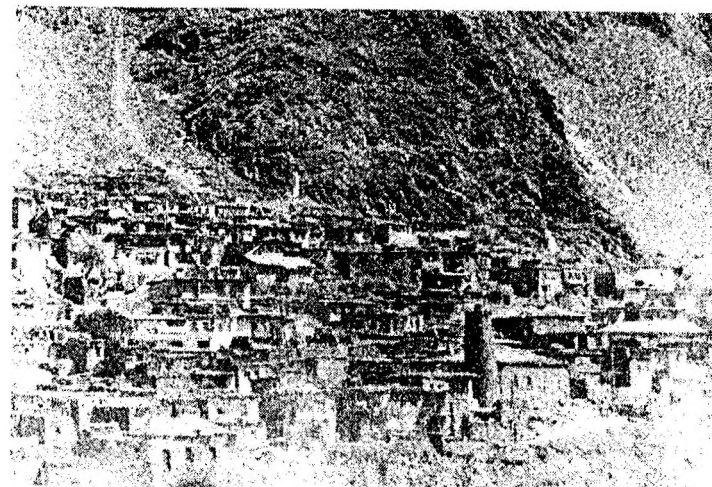
Селение Кючхюр.

Часть селения Ахты. Из личного архива А.И. Исламгаomedова.

Селение Гдым. Из личного архива А.И. Исламгаomedова.

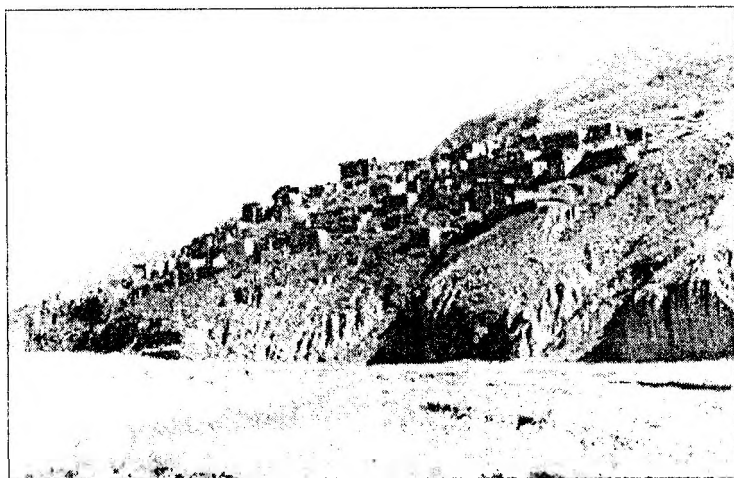

Селение Фий. Из личного архива А.И. Исламгаomedова.

§ 2. Жилище

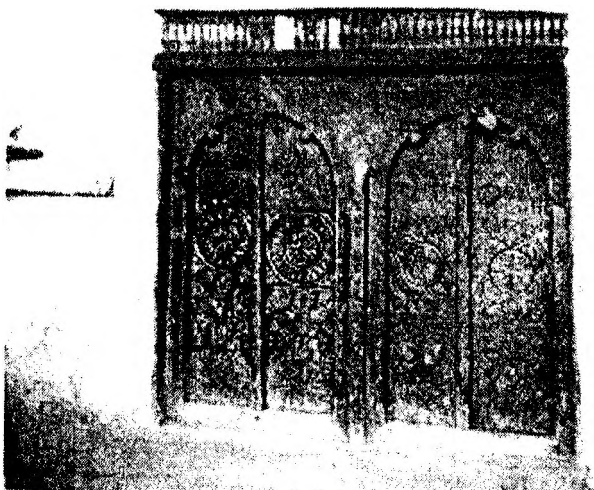
Селение Кабир.

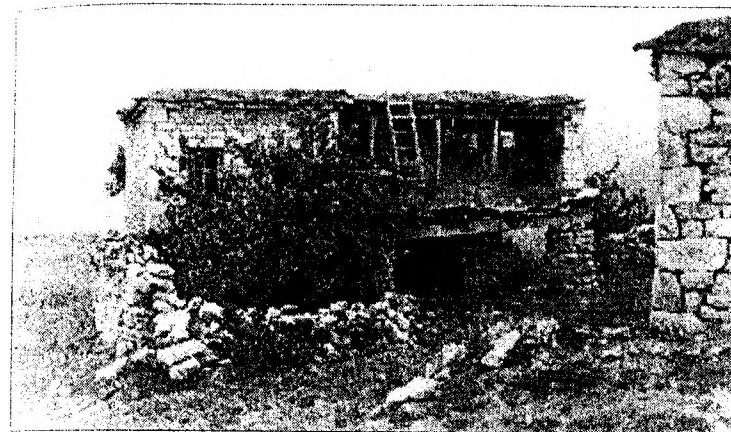
Селение Хпедж.

Археологические данные о жилищах и других бытовых сооружениях на территории Южного Дагестана еще не обнаружены. Однако, как отмечают проф. Х.Х. Рамазанов и А.Р. Шихсаидов, это не мешает дать характеристику хозяйственно-бытовых комплексов, если иметь в виду, что еще энеолитические памятники Дагестана "...представляют локальную группу памятников так называемого куро-аракского энеолита, отличающиеся на огромной территории его распространения поразительной общностью".¹⁴ Во многих поселениях Дагестана энеолитической эпохи обнаружены остатки жилых сооружений в виде кусков глиняной обмазки от пола и стен жилищ. Иногда эти куски сохраняют следы от прутьев и жердей. Стало быть, основным видом жилища в эту эпоху были так называемые сооружения со стенами из прутьев и жердей, обмазанных глиной.¹⁵ Самый архаичный тип жилища, относящийся к средневековью, обнаружен С.С. Агашириновой на месте старого разрушенного поселения Чуру хуър, расположенного в трех километрах от селения Курах Курахского района. С.С. Агаширинова так описывает это жилище: "Помещение это полуподземное (почти пещерного типа), построено на крутом рельефе из горного камня. Стены и перекрытие также сооружены из камня. Толщина стен достигает 110 см. Никаких отверстий на потолке или стенах не имеется, существует лишь один вход высотой 80 см и шириной 55 см. Размер жилого помещения 8х6 м. В глубине этой комнаты имеется еще один вход в длинное узкое помещение, которое, видимо, предназначалось для содержания скота. Упомянутое помещение имеет вид пещеры длиной 10 м и шириной 2,20 м. Очаг без дымохода, располагается прямо на полу, недалеко от входа в комнату, чтобы дым легче выходил наружу. В помещении не имеется ни ниш, ни полок для постельных принадлежностей и посуды, что также свидетельствует о древности его постройки."¹⁶

Изменения социально-экономических условий приводит к дальнейшей эволюции жилища. Наиболее распространенным типом жилища в конце XVIII – нач. XIX в. являлся двухэтажный дом из камня (Ахтынский и Курахский райо-

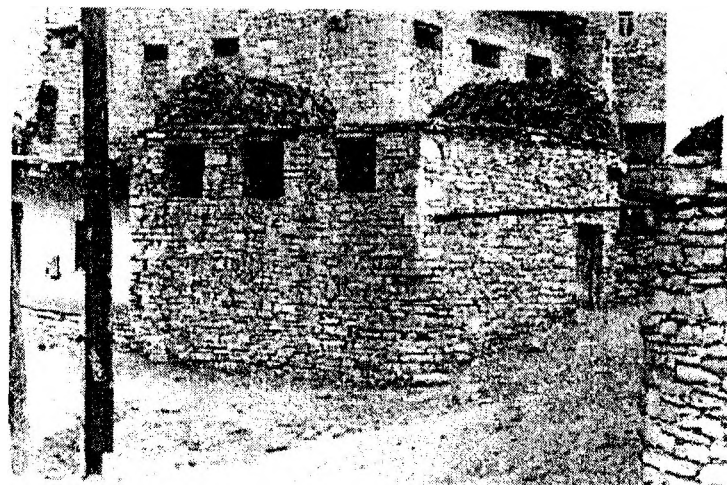
Ворота старинной мечети в селении Кара-Кюре.

Двухэтажное жилище – с. Курах.

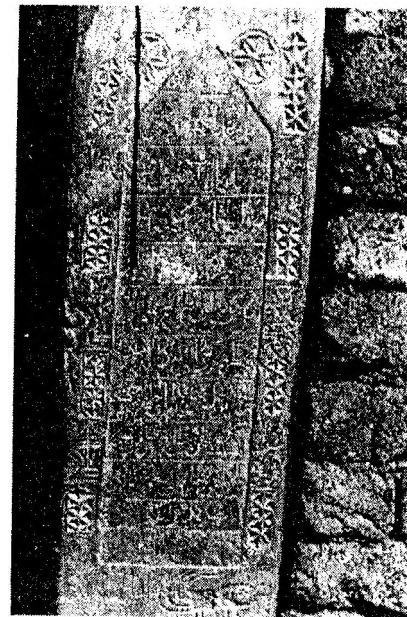
Фрагмент мечети, с. Хпедж.

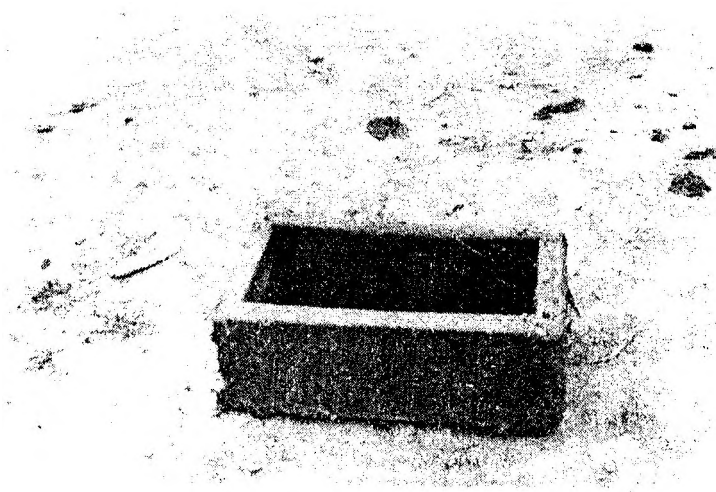
Двухэтажное многокамерное жилище – с. Хпедж.

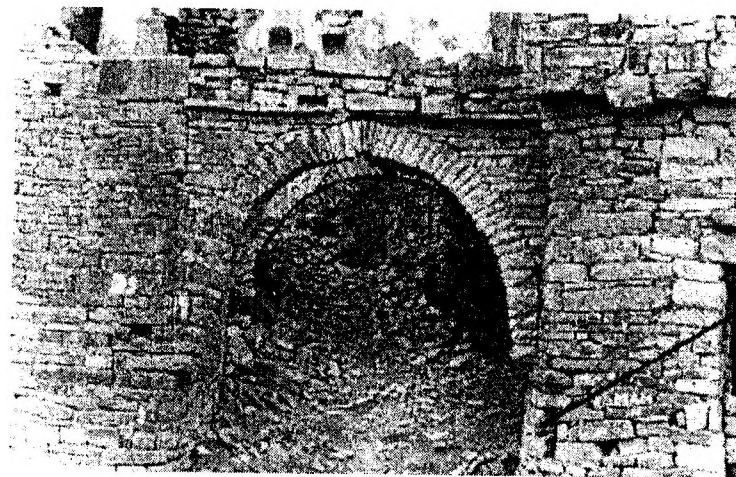
Двор старинного дома – с. Курах.

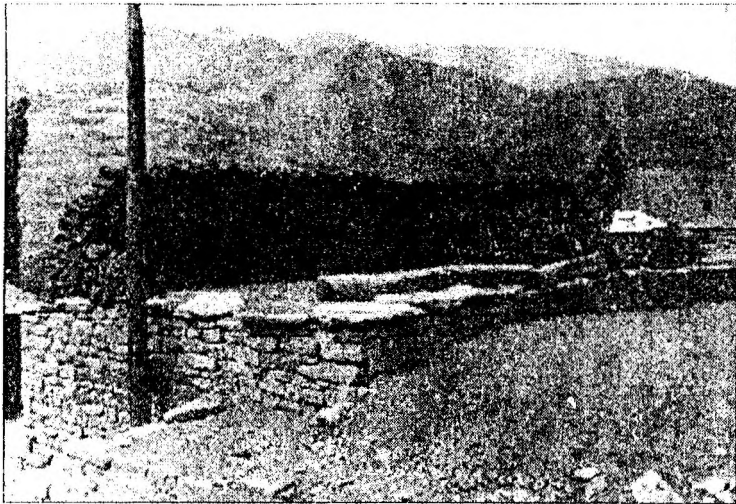
Арабская надпись на стене дома – с. Курах.

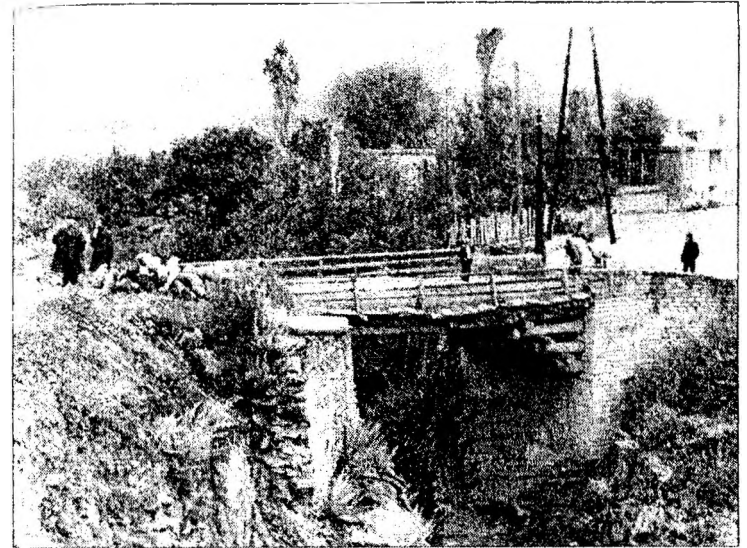
Форма для изготовления самана.

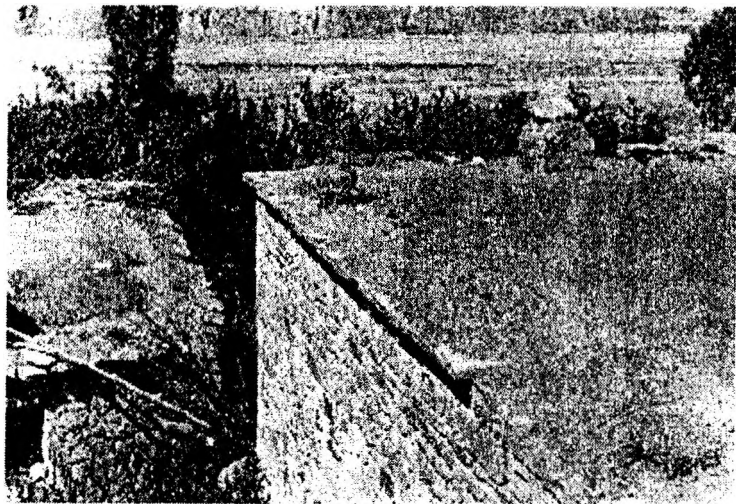
Арочная конструкция – с. Кючюр.

Укладка кизяка на крыше – с. Курах.

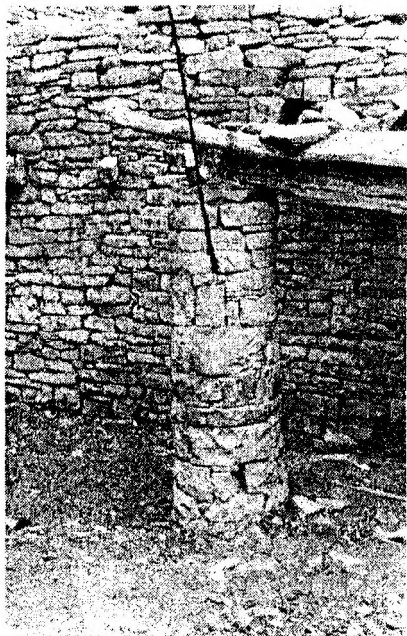
Старинный мост – с. Кабир.

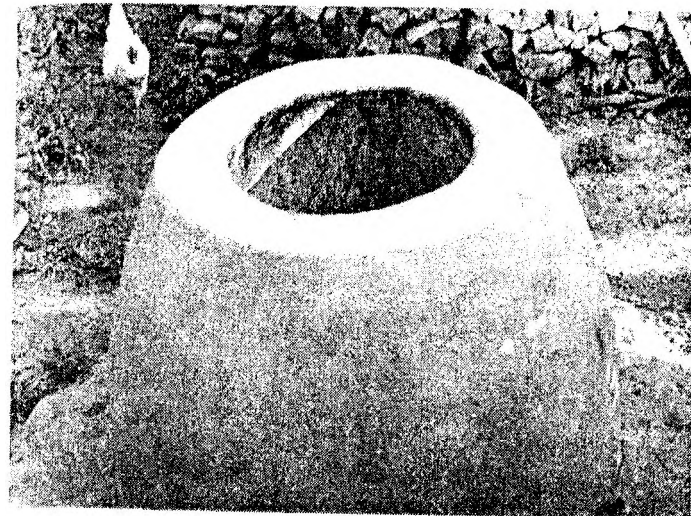
Устройство карниза – с. Курах.

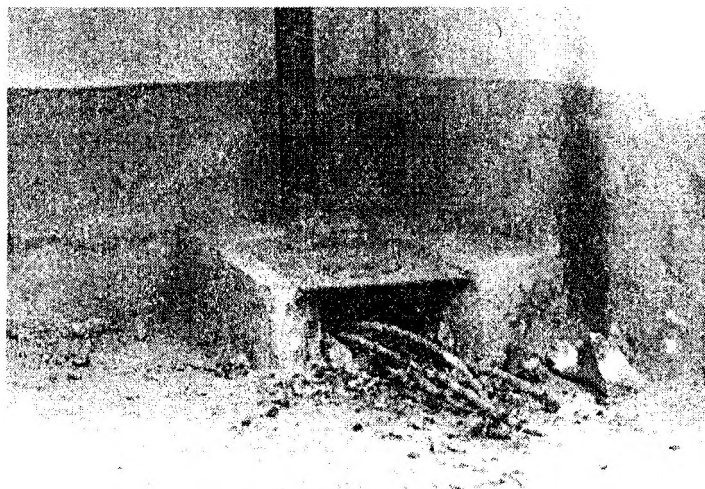
Арочная конструкция с. Хпедж.

Каменный опорный столб, с. Хпедж.

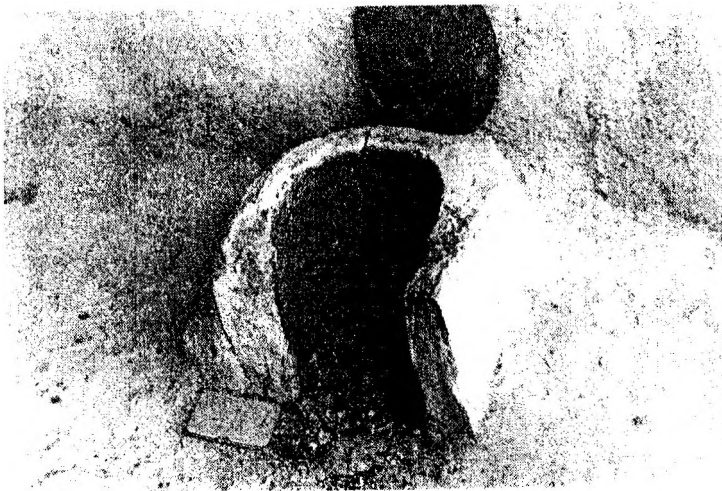
(Тондыр) тІанур для выпечки хлеба, с. Филя.

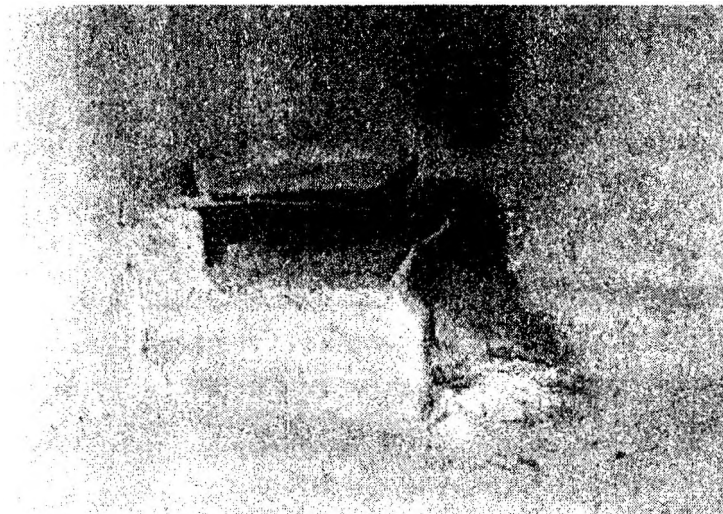
Традиционная печь для приготовления пищи – “кзул”, с. Филя.

Старинное сооружение для выпечки хлеба, с. Филя. 1978.

Старинная печь, с. Курах.

Печь для изготовления хлеба, с. Филя.

Светильники, с. Ахты. 1965

ны) и саманного кирпича (Докузпаринский, Касумкентский, Магарамкентский районы). Первый этаж состоял из П-образного в плане хлева и крытого двора – “кѡп”, в который вела массивная дверь с улицы. Второй этаж, на который вела каменная лестница (со двора или улицы) имел чаще всего одну большую комнату, которая могла служить и спальней, и кухней, и кладовой для всей семьи. Перекрытие делалось из обработанных деревянных балок и прогонов и дощатого настила. Высота этажей колебалась от 1,7 до 2 метров. Окон в жилых комнатах не было, они освещались через небольшие круглые отверстия в потолке, которые в непогоду закрывались плоскими камнями. О дверях горского жилища XIX в. П. Пржецлавский писал, что они до того низки, “...что не привыкшему к поклонам и обиванию порогов человеку приходится носить на лбу шишки”.¹⁷ Белились только внутренние стены, жилища оставались неотштукатуренными и непобеленными, “...что придавало жилищу горца неприглядный вид”.¹⁸

Дома конца XVIII – нач. XIX в. не имели отчетливо выраженного главного фасада, а выходили на улицу либо торцом, либо стеной крытого двора. Со своими глухими стенами, массивной входной дверью и маленькими окнами перво-

го этажа (с деревянной коробкой размером 20x20 см) дома этого периода создают замкнутый и суровый образ жизни, для которого характерны пережитки родовых отношений и междоусобные распри.¹⁹

Об интерьере горского жилища С. Броневский писал, что «о внутренних уборах комнаты упомянуть было нечего в рассуждении бедности жителей... и всю мебель комнаты составляли лишь сундуки, ковры, разного рода перины и подушки».²⁰ Здесь речь идет о зажиточной части горцев, а интерьер жилища бедняков состоял лишь из постельных принадлежностей, медной и керамической посуды, войлока или паласа на полу. Очаг («кзул») топился вчерную, так что, как писал А. Марлинский, «дым бродил кругом, так сказать, ощупью впотьмах, покуда не находил трещин, в которые мог вырваться».²¹ В стенах жилых помещений устраивались ниши для хранения постельных принадлежностей и кувшинов для воды и сбивания масла. Под потолком в стене делали уступ, на который ставили посуду.

Проникновение в XIX в. в лезгинские районы товарно-денежных отношений и распад большой семьи способствуют возникновению нового типа жилища. Изменения в жилище достигаются в первую очередь за счет разделения общей жилой комнаты на части. Женатые сыновья живут в отдельных комнатах. Хлев остается общим, «что указывает на общность хозяйства, так как разделение пока происходит лишь в пределах владения предметами личного пользования семьи».²²

С середины XIX в. в домах лезгин появляются лоджии и галереи – «айваны». Хлев для скота строится отдельно от жилого помещения. Очаг устраивается в одной из стен комнаты и имеет дымовое отверстие. В стенах жилых помещений появляются небольшие (размером около 40x20 см) отверстия, но при этом сохраняются и отверстия для проникновения света в потолок. В крытом дворе устраивали печ – «тланур»; «хьар»; «садж» для выпечки хлеба.

«Тланур» – один самых старинных видов хлебных печей, делали в виде ямы цилиндрической формы, глубиной в I или 1,5 м и диаметром около 80–100 см. Как правило, «тланур» устраивали на уровне земли, но часть его могла немного выступать над землей. Стенки лепили из глины, в которую для прочности добавляли мелкий гравий и козью шерсть. Огонь

для обогрева разводили на дне печи. От нижней части стенки «тланура» отводилась труба. Когда огонь в печи прогорал, трубу затыкали тряпкой, чтобы лучше сохранить тепло. Хлеб лепили к раскаленным стенкам печи.

«Хьар» имел сложную конструкцию. Он состоял из трех отделений. В первом разводили огонь, нагревающий специально выжженную глиняную плиту, на которой пекли хлеб. Огонь, разведенный в нижнем отделении, проникнув в средний, пропекал хлеб и одновременно подогревал третью – верхнюю плиту, на которой иногда готовили пищу.

Лезгинский «хьар» аналогичен агульскому «хьар» и имел много общего по своей конструкции с одним из видов аварского «кора», даргинского «кари», лакского «кара» и т. д.²³

«Садж» – самая простая и наиболее древняя форма хлебной печи, известная и многим другим народам Дагестана и Кавказа,²⁴ представляет собой железный лист дисковидной формы в 3–4 мм толщины, диаметром 45–50 см, на котором лезгинки пекли тонкие лепешки – «саджун фу» (букв. хлеб, испеченный на «садже»).

Топливом для обогрева печей всех видов служили кизяки «купар» и «капаяр», в Кубинском округе и частично – в Кюринском округе – дерево.

Очаг у лезгин, как и всех горцев Дагестана и Кавказа, является символом единства и благополучия семьи. Недаром в народе для выражения добра или зла говорят: «Ви кул кьени хьуй». «Ви кзул туькьуьрай». («Да будет благословенен твой очаг». «Да погаснет твой очаг»).

Острый дефицит строительного леса в горных селениях Ахтынского и Курахского районов привел к появлению в жилище второй половины XIX в. каменных конструкций перекрытий: в виде арок на фасаде (оконные и дверные проемы) и редко – в качестве обрамления прохода улицы под домом или арочной ниши в подпорной стене.

Для архитектуры жилых домов Курахского района было характерно также украшение кладки фасада резными камнями. С середины XIX в. в селениях Ахтынского, Курахского, Докузпаринского районов развивается искусство художественной обработки дерева и были выработаны общие для всех горных районов, населенных лезгинами, приемы резьбы и отделки таких архитектурных элементов, как консоли

карниза, столбы лоджий, переплеты окон, коробки и створки входных дверей и др.²⁵

В конце XIX – нач. XX в. в связи с быстрым втягиванием Северного Кавказа в общероссийский рынок усилилось проникновение в лезгинские районы не известных ранее строительных материалов – оконных стекол, филенчатых дверей и т. д. При этом основным материалом для постройки жилища остается саманный кирпич и горный камень. В интерьере жилища зажиточных горцев появляются городская мебель, посуда и др. Печная система обогащается железными печами – “буржуйками”.

§3. Одежда

В одежде лезгин, как и в других элементах материальной культуры, отразились и естественно–географические, и исторические, и социально–экономические, и семейно–бытовые условия жизни народа. В ней нашли отражение национальная самобытность народа, его культурные традиции, художественные вкусы. В то же время в ней много общего с одеждой других народов Дагестана и Кавказа.

Основные элементы мужской одежды лезгин составляют: нательная туникообразная рубашка с воротником–стойкой, длинными рукавами и боковым разрезом, нижние штаны – как правило, широкие сверху и суженные книзу. Верхние штаны – из более плотного материала темных расцветок. Верхней теплой одеждой служил бешмет, облегающий сверху и расширяющийся книзу за счет клиньев, с длинными и узкими рукавами. Бешмет шили из тонких тканей темных расцветок. Нарядной верхней одеждой являлось черкеска, сшитая отрезной в талии, с длинными рукавами, с вырезом на груди. Подол расширялся за счет клиньев. По обеим сторонам на груди пришивались карманчики для газырей. Обязательной принадлежностью черкески был узкий пояс с серебряными украшениями. В холодное время надевали овчинные шубы, которые у лезгин встречались в двух вариантах: “кавал” – длинная, до пят, распашная шуба с длинными ложными рукавами (широкими в пройме и сужающимися на концах) и большим откидным воротником; “кӀурт” – цельнокройная, чуть расклешенная книзу и длиной до шиколоток шуба. Распространенным элементом зимней одежды мужчин были

овчинные безрукавки, сшитые мехом внутрь, с прямым разрезом впереди.

Верхней одеждой чабанов и всадников служили бурки – “японча”, изготовленные из цельного войлока конусообразной формы с застежкой у шеи.

Головным убором были овчинные папахи, которые у лезгин встречались в нескольких вариантах – конусообразные, усеченные, цилиндрические.

Обувью служили вязаные узорные носки, сыромятные поршни, кожаные башмаки и легкие сапоги на мягкой подошве. Непременной принадлежности мужского костюма был кинжал в серебряных или (чаще всего) кожаных ножнах.

Женский костюм лезгинок состоял из нижней рубахи туникообразного покроя с вертикальным разрезом спереди и воротником–стойкой, с длинными рукавами. Шили их из ситца, сатина или (редко) шелка. Под рубаху надевали длинные узкие штаны с вставленными между штанинами ромбовидными ластовицами. Нижняя часть штанин, которая обычно выглядывала из–под платья, украшалась позументом, узорным швом и пр. Материалом могли служить бязь, ситец, сатин, шелк, а для нарядных – “хара”, “дере”. С конца XIX в. у лезгинок появились платья с облегающим лифом, украшенные позументом или узорным швом, с разрезом спереди и длинной и широкой (за счет складок) юбкой. Надевали лезгинки также бешметы, идентичные мужским. Только подол и вырез на груди у женских бешметов обшивались позументом, серебряными монетами и пр.

Зимней одеждой служили овчинные шубы, идентичные мужским, но более нарядные и из лучших овчин, с отороченными мехом наружу воротником и подолом. Носили лезгинки и пиджаки–лабада, сшитые из плотных тканей темных расцветок и подбитые шерстью или ватой.

Универсальным видом головных уборов был “чутху”, состоящий из плотно облегающего голову чепца и пришитого к нему мешочка для волос. Распространены были различные платки – шерстяные, шелковые, парчовые и пр. Обувью служили вязаные узорные носки, кожаные башмаки и сапожки, а с XIX в. ботинки, галоши и др. Неотъемлемой частью костюма лезгинки были различные украшения – кольца, серьги, браслеты, многочисленные монеты, пришиваемые к налбной части чутху, к лифу платья, к рукавам и подолу нарядного “валчага” и т.д.

Большое внимание лезгинки уделяли волосам. Идеальными считались густые длинные волосы, заплетенные в две косы. Среди лезгинок, проживающих на территории Азербайджана, практиковалось крашение волос, а также пальцев рук и ног хной.

Одежда ребенка до шестимесячного возраста состояла из рубашки, безрукавки, тубетейки, шерстяных носков и т. д. После одного года одежда ребенка представляла собой уменьшенную копию одежды взрослых – валчага, платья, шубки и т. д. Неотъемлемой частью детской одежды до двух-трехлетнего возраста были различные обереги – амулеты, бусы, раковины каури, монеты и пр.

Свадебная одежда жениха и невесты по покрою не отличалась от обычной, но весь наряд отличался новизной и лучшим качеством ткани.

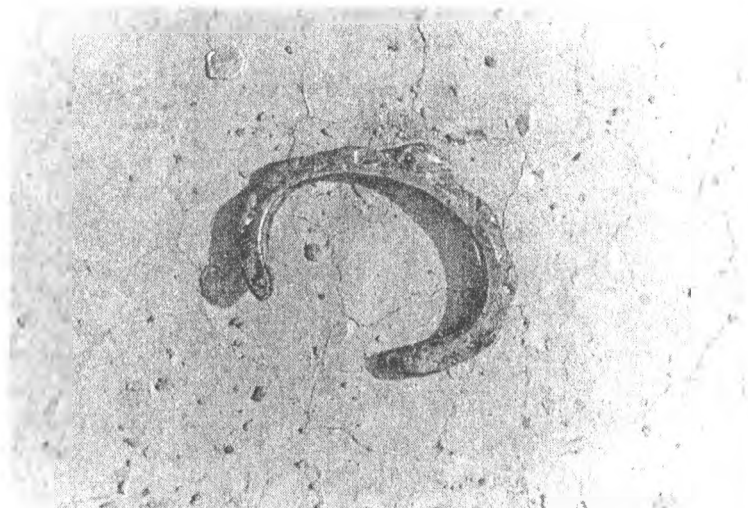
Лезгины в традиционной одежде.
Государственный этнографический музей народов СССР.

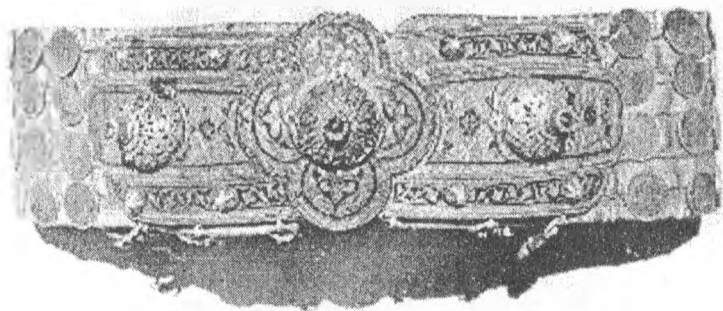
Кюринец в традиционной одежде.
Государственный этнографический музей народов СССР.

Кюринка в национальном костюме.
Государственный этнографический музей народов СССР.

Старинный браслет, с. Ахты.

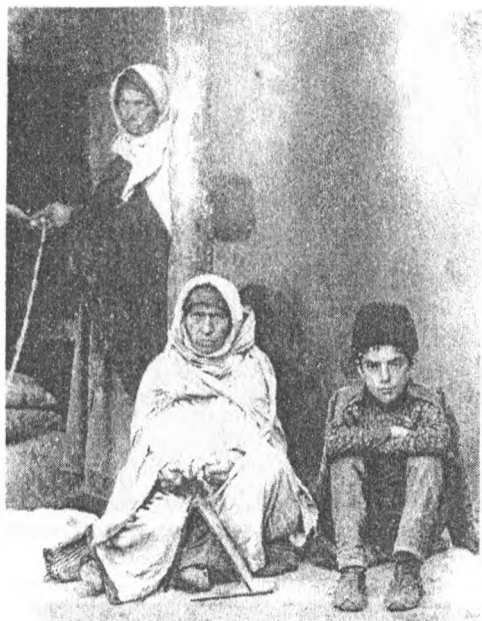
Женский пояс, с. Ахты.

Пожилая лезгинка в традиционной одежде

Лезгин в традиционной одежде.
Государственный этнографический музей народов СССР.

Лезгины. Тифлис. Музей.

Лезгинка в старинном головном украшении, с. Куруш.

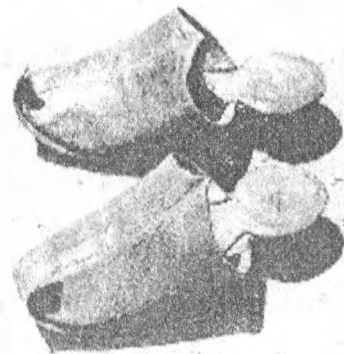
Мальчики в традиционной одежде.
Государственный этнографический музей народов СССР.

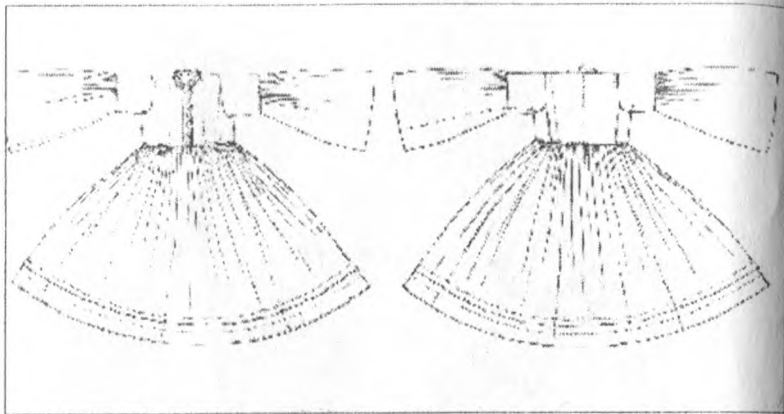
Лезгины в традиционных шубах.
Государственный музей народов СССР.

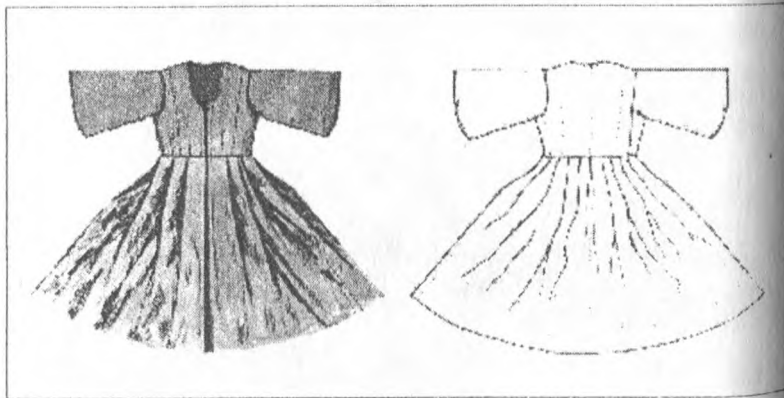
Женские вязаные носки, с. Ахты. 1965 г.

Башмаки, с. Ахты.

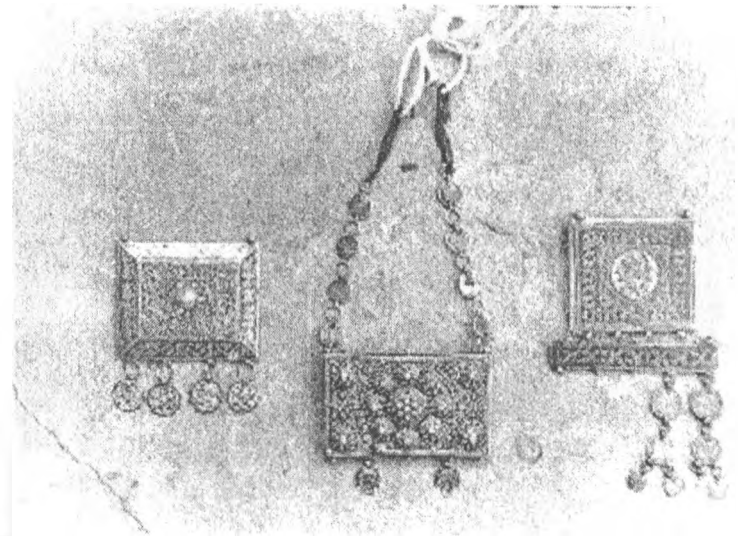
Традиционное женское платье – “булушка”.

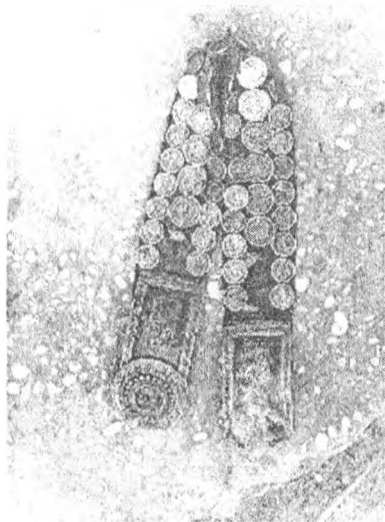
Женская верхняя одежда “валчаг”.

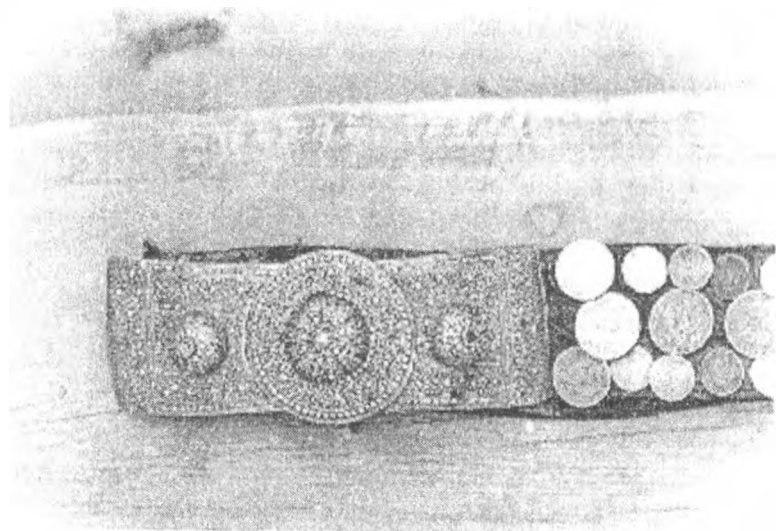
Детские украшения – обереги для отвода глаза, с. Советское.

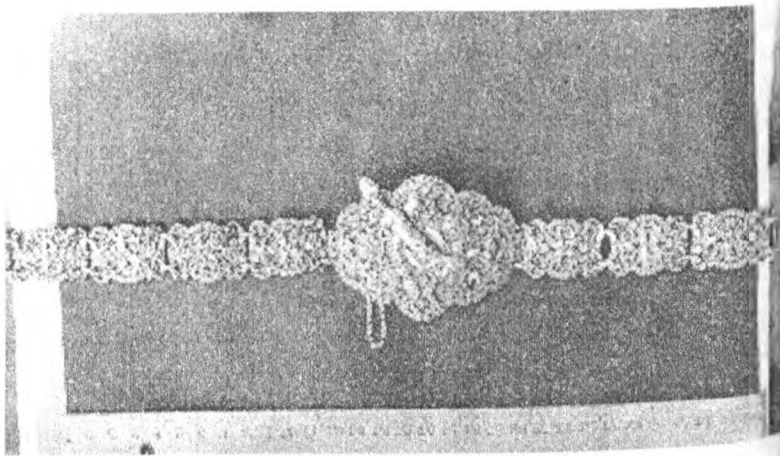
Женские нагрудные украшения, с. Ахты. Музей.

Женский пояс, с. Куруш.

Женский пояс, с. Ахты.

Женский пояс, с. Касумкент.

§ 4. Пицца

Пицца лезгин, как и других народов, определялась природно-географическими условиями края и уровнем развития хозяйства. Поскольку основными отраслями хозяйства лезгин издревле являлись земледелие и скотоводство, их пищевой рацион состоял в основном из продуктов этих отраслей, т. е. изделий из муки, мяса, молока и т. д.

Одним из элементов повседневной пищи лезгин являлся хлеб из пресного или кислого теста, выпеченный в “тондыре”, “хваре”, “садже”.

Способ приготовления хлеба зависел в основном от теста, пресное оно или кислое. Из пресного теста готовили “тили фу” – круглый хлеб из пшеничной, просяной, кукурузной или ячменной муки, обмазанный сверху взбитыми яйцами или сывороткой, на поверхность которого наносились ямки специальным пучком тонких палочек “кьекьелар”; “сadjун фу” – тонкие лепешки, известные с небольшими локальными особенностями и некоторым другим народам Кавказа и Дагестана – азербайджанцам, армянам, кумыкам, рутульцам и др. Часто этот вид хлеба делают слоеным. Из пресного теста

готовят различные пироги – “афарар” с начинкой из съедобных трав и “циклен” – слоеный пирог с начинкой из картошки, рубленого мяса (свежего или сушеного), орехов и приправ.

Из дрожжевого теста готовили “гъвар квай фу”, который, как и пресный хлеб, выпекают в “хъаре” – печи, приспособленной для выпечки именно этого вида хлеба. Другой вид дрожжевого хлеба – “тланур фу” – готовится в тондыре. Из дрожжевого теста готовили также “комба” – булочки с начинкой из сыра, мяса и лука и фигурные хлебцы в виде сумочек, петушков и т. д. (последние в основном для детей). В особо торжественных случаях лезгины (в основном кюринские и кубинские) готовили “шурьяр” – сладкие пироги из пресного теста, замешанного на яйцах, масле и сахаре и с начинкой из измельченных орехов и халвы.

О большой роли хлеба в рационе лезгин свидетельствует и тот факт, что у них, как и у многих других народов Дагестана, понятие “кушать” вообще и “кушать хлеб” идентичны. Понятие “завтрак”, обед, “ужин” заменяются понятием “фу туьн” (кушать хлеб) и весьма редко – “экуьн фу” (утренний хлеб), “нисин фу” (полуденный хлеб), “негъен фу” (вечерний хлеб).

Особое место в рационе лезгин, как и других народов Дагестана, занимают хинкалы – сваренные на мясном бульоне куски раскатанного и разрезанного в виде четырехугольников пресного теста, “пичекар” – пельмени из мясного фарша и пресного теста, “хурма хинкал” или “тапатияр” – известный в Дагестане как лакский хинкал, который напоминает по форме косточки финика. Приправой ко всем видам хинкалов служило кислое молоко с чесноком. В семьях самых бедных слоев населения готовили “тууар хапла” – вареные на воде кусочки теста, которые ели с добавлением кислого или пресного молока. В голодные годы основными компонентами этого блюда были съедобные травы, в которые добавляли горсть муки. В сказках и преданиях о тяжелой доле бедняка, “тууар хапла” является единственной пищей семьи, так как для его приготовления достаточно горсти муки и трав. Широко было распространено толокно (“сав”) – мука из жареной пшеницы и конопли. Применяли в пищу с добавлением сахара, масла и небольшого количества молока или воды. Полученную массу замешивали и закатывали в шарики. Это весьма питательная и вкусная еда, и поэтому

“сав” обяза – тельно брали с собой в дорогу, так как оно долго сохраняет вкусовые качества и приготовление его в любых условиях не представляет трудности.

Определенное место в рационе лезгин занимали различные блюда из круп и риса, самым популярным из которых являлся заимствованный у азербайджанцев и ставший впоследствии традиционным рисовый плов – “аш”, “пилав”. Плов едят с приправой из масла, мелко нарубленного мяса, кишмиша и лука. Чаще рисового готовили плов из пшеничной крупы домашнего помола с приправой из мяса птицы, предварительно сваренного и отделенного от костей, и лука. В лечебных целях готовили кашу из пшеничной крупы и щавеля, который издревле считался лекарственным растением, применяемым при различных кишечных заболеваниях. Среди самурских лезгин был распространен “эклер аш” – суп из риса, домашней лапши и картошки, сваренных вместе на молоке или воде. Среди представителей старшего поколения успехом пользовалась рисовая каша, сваренная на молоке, которую в более обеспеченных семьях ели с добавлением сахара и масла.

Большое место в рационе лезгин занимали многочисленные мясные блюда, среди которых самыми популярными были “шурпа” – мясной суп, “долма” голубцы, “кифте” – жидкое блюдо из мясного фарша и картошки, “савуз” – соус с картошкой, “кебаб” – жареное на вертеле свежее мясо, “къавурма” – мелко нарезанные куски свежего мяса и курдюка, тушеные с луком и специями.

При забое скота готовили “дулдурма” – мелко нарезанные печень, почки, легкие и жир, вложенные в тщательно вычищенный и промытый желудок скота.

Лезгины, как и другие горцы, мясо заготавливали и впрок – в основном мясо мелкого рогатого скота. Сушили тушку целиком, удалив только позвоночник. Незначительное место в рационе занимали мясо и яйца птиц.

Большое место в рационе занимали молоко и молочные продукты. Молоко употребляли в свежем виде, использовали для приготовления различных каш, путем добавления закваски получали кефир – “маст”, “къатух”. Из кефира получали масло путем взбалтывания его с теплой водой в большом глиняном сосуде – “квар”. “Тутъ” – айран, оставшийся после сбивания масла, являлся самым распространенным

напитком, особенно в жаркое время года, так как он хорошо утоляет жажду и обладает приятным вкусом. Из айрана лезгины готовили творог – “шор”, “мукаш” и “давугъа” – жидкое блюдо с рисом и мятой, иногда с одним или двумя яйцами. Из дагестанских народов “давугъа” известна также кумыкам, рутулам, цахурам и агулам.

Каждодневной едой у лезгин, как и у других народов Дагестана и Кавказа, являлся сыр – “ниси”, приготовленный из овечьего, редко – коровьего молока. Способ приготовления сыра у лезгин восходит к глубокой древности. Для получения сыра в молоко, собранное в большие сосуды (деревянные или керамические), добавляли сычуг из настоящего на кислых сливах желудка ягненка. Через 3–4 часа заквашенное молоко выливали в специальные мешки и подвешивали для стока сыворотки. Готовый сыр складывали в посуду с солевой сывороткой, отделившейся от сыра.

В рационе лезгин, особенно в весенне–летний период, значительное место занимали различные травы. Из них готовили чуду (“афарар”). Из мяты и дикого лука – “сурар”, “цирияр” готовили “камбар”, – для чего их рубили и варили (каждый в отдельности) и, удалив воду, солили. Применять в пищу их можно было только после брожения (не раньше 15–20 дней). Готовый “камбар” употребляли с кефиром.

Ко многим блюдам (большой частью мясным) лезгины, как и все народы Дагестана и Кавказа, добавляли острые приправы из кислых слив, алычи, терна, барбариса, чеснока, кислого молока и пр.

Определенное место в рационе лезгин (особенно проживающих в Азербайджане) занимала свежая и соленая рыба, в основном кутум. Из напитков у лезгин большое распространение имел “тIач” – весьма приятный на вкус кисловатый напиток. Процесс приготовления “тIач” довольно сложен и длителен. Он начинался с того, что отборное, очищенное зерно высыпали в чистый мешок, под которым настилали толстый слой соломы и в течение 8–10 дней ежедневно до произрастания всходов опрыскивали теплой водой, после чего выносили на утренний холод и высыпали на палас. Когда всходы погибали, зерно подсушивали несколько дней – сначала на воздухе, затем в помещении, после чего его молотили вместе в высохшими всходами. Полученный солод разводили теп-

лой водой в специальном сосуде – “чука”, добавляли закваску, предварительно приготовленную из кислых слив и муки из ячменного зерна и, плотно закутав одеялом, оставляли для брожения в течение 10–12 часов. Затем напиток переливали в большую керамическую посуду и при непрерывном перемешивании доводили до кипения. Варили не больше 10 минут. К напитку по вкусу добавляли толокно (“сав”).

Значительно реже “тIач” готовили и другой вид блюда из зерна – “семена”, “кIи”, известный и некоторым другим народам Дагестана (кумыкам, цахурам, рутулам), который идентичен “тIач” по внешнему виду, но совершенно отличается от него по вкусу. В отличие от кисловатого “тIач”, “семена” имеет приторно–сладкий вкус. Процесс его приготовления также отличается длительностью и сложностью. Для приготовления “семена” на нескольких подносах тонким слоем раскладывали промытую, тщательно очищенную отборную пшеницу. Два раза в день – утром и вечером – в течение почти полумесяца, то есть до произрастания высоких всходов, пшеницу опрыскивали теплой водой. Проросшие всходы отрывали от пшеницы и толкли в деревянной посуде – “хвах”. Полученную массу складывали в специальный полотняный мешок и выжимали в чистую посуду сок, который затем варили небольшими порциями до образования густой сладкой массы темно–коричневого цвета. Оседающий на дне при остывании “семена” превращался в твердую массу, напоминающую ириску, которая служила лакомством для детей. Готовую “семена”, оставляли до остывания и ели с кусками лаваша (тонкого хлеба), беря ими “семена” как ложкой. С этим блюдом у лезгин был связан ряд поверий. Считалось, что если в середине разлитой в подносы “семена” за ночь (обычно его варили ночью) образовывалось небольшое углубление (что было неизбежно, так как ленгера обычно имела небольшое углубление в середине), значит, его благословил пророк своим посохом, что предвещало хороший урожай на предстоящий сезон.

Бузу – хмельной напиток, известный многим народам Дагестана, лезгины не изготавливали.

Обрядовая пища в основном была та же, что и повседневная. На свадьбу готовила плов, суп и др. Обязательным компонентом свадебного питания была “исида” – халва из

пшеничной муки, поджаренной на масле, в которую по готовности добавлялся сахар или мед. На рождение ребенка готовили помимо халвы и кашу из пшеничной муки “хашил”, которую ели с добавлением масла, сахара или “душаб” – патоки из ягод тутовника (влияние азербайджанской кухни).

На праздник весны (“Яран сувар”) наряду с другими блюдами (суп, халва, плов) обязательно готовили ритуальную “ккалар” – жареную пшеницу с коноплей и измельченными орехами. Приготовление и раздача “ккалар” связано с магией плодородия. На праздник “Хидир-Неби”, который наступает в конце февраля и заканчивается в начале марта и связан с культом огня, готовили “гитI” – вареные вместе пшеница, фасоль и сушеные бараньи ножки.

Лезгины, особенно азербайджанские и пограничных с Азербайджаном районов, наряду с традиционными блюдами на многие праздники готовили и заимствованные у азербайджанцев блюда: “фирни” – густую студенистую кашу из рисовой муки и молока и “матIуфа” – одно из лучших сладких блюд из орехов, жареной конопли и тонкой лапши из пшеничной муки, замешанной на яйцах. Вся масса замешивалась на “душабе” – патоке из ягод тутовника и раскладывалась по тарелкам.

Специального детского питания в прошлом у лезгин не было. Дети грудного возраста, кроме материнского молока, до года почти ничего не получали. В тех случаях, когда его явно не хватало, ребенка подкармливали коровьим или козьим молоком. Начиная с полутора-двух лет дети ели ту же пищу, что и взрослые.

Что касается порядка приема пищи, у лезгин, как и у других народов Дагестана, строгого разделения блюд на завтрак, обед и ужин не было. Горячее блюдо, как правило, готовили на ужин, а остальное время дня обходились в основном лепешками с сыром, свежим и кислым молоком. Приготовление горячего (чаще всего лучшего) блюда вечером объясняется тем, что во-первых, вечером после работы вся семья в сборе и может принять участие в трапезе. Помимо этого, здесь видимую роль играет и фактор гостеприимства, обязывающего приготовить лучшее блюдо для гостя, ибо в пределах селения лезгины обычно ходили в гости в вечернее, свободное от работы время.

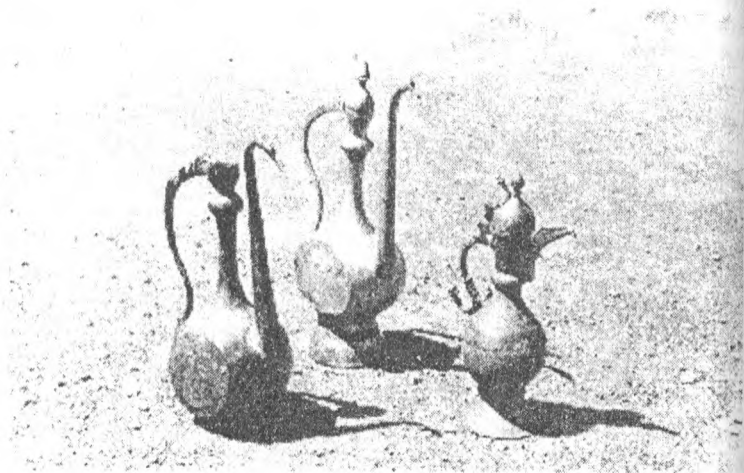
Кухонная утварь и посуда лезгин в основном была деревянная, керамическая и медная. Это медные кувшины для

ношения воды – “квар”, которые изготавливались во многих лезгинских селениях, “сернич” – медная расписная посуда для доения коров, дуршлаг – “кепкир”, специальная медная посуда для омовения, – “парч”, большие медные и чугунные котлы, утварь для выпечки хлеба – большие деревянные блюда для замешивания теста – “хвах”, столики для раскатывания теста – “куртIун”, круглая дощечка с ручкой для перекалывания хлеба со столика в печь – фирджин”, каталка – “кIар”, ложка для перемешивания хлеба в печи – “чве”, “хейре” – большая деревянная тарелка с выемкой на середине, из которой ели несколько человек, различные глиняные и керамические сосуды для хранения молочных продуктов, большие керамические сосуды – маслобойки, расписные медные подносы для халвы, плова и пр.

Заключая изложенное, отметим, что материальная культура лезгин, как и других народов, отражает уровень производительных сил, направление хозяйства, особенности местных естественно-географических условий, этнические традиции и т. д. Исследование элементов материальной культуры позволяет установить, что они имели много общего с другими народами Дагестана и Кавказа, что обусловлено общностью природно-географических условий региона с одной стороны, и, с другой стороны, имели ряд специфических особенностей, отражающих своеобразие этнокультурного развития.

Деревянный резной ларец для ложек, с. Ахты.

Утварь, с. Ахты.

Глиняный сосуд для сбивания масла.

Сосуд для воды, с. Советское.

Сосуд для хранения зерна, с. Ашага-Картас.

Примечания

1. *Агаширинова С.С.* Материальная культура лезгин. XIX – нач. XX в. – М., 1978. – С. 102.
2. См.: АКАК. Т. VI. – Тифлис, 1870. – С. 647.
3. АКАК. Т. VI. – Тифлис, 1870. – С. 155.
4. Там же. – С. 155.
5. См.: *Котович В.Г., Шейхов Н.Б.* Археологическое изучение Дагестана за 40 лет // УЗ ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. IX. – Махачкала, 1961. – С. 336.
6. *Котович В.Г.* Отчет о работе 1-го горного отряда. – С. 104–105.
7. *Пикуль М.И.* Итоги археологических разведок в Южном Дагестане в 1959 году // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Д. 2641. – С. 5.
8. Посемейный список жителей Ахтыпаринского наибства Самурского округа за 1973 год. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Ед. хр. 10. Лл 315–333, 357, 349, 409, 418, 633, 648.
9. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Ед. хр. 9. Лл 29, 77, 165, 245, 251, 283 и др.
10. *Агаширинова С.С.* Указ. раб. – С. 107.
11. По: *Хан-Магомедов С.О.* Лезгинское народное зодчество, – М.: Наука, 1969. – С. 25.
12. Подробно см.: *Агаширинова С.С.* Указ. раб. – С. 138–148.
13. Там же. – С. 120.
14. *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Очерки истории Южного Дагестана. – Махачкала, 1964. – С. 8.
15. *Мунчаев Р.М.* Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. – М., 1961. – С. 87.
16. *Агаширинова С.С.* Указ. раб. – С. 162.
17. *Пржецлавский.* Дагестан, его нравы и обычаи // Вестник Европы. Т. 3. – СПб., 1867. – С. 42.
18. Там же.
19. *Хан-Магомедов С.О.* Лезгинское народное зодчество. – М.: Наука, 1969. – С. 30.

20. *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. – М., 1823. – С. 448.

21. *Марлинский А.* Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев // Дагестан в русской литературе. Т. I. – Махачкала, 1960. – С. 147.

22. *Агаширинова С.С.* Указ. раб. – С. 162.

23. Агулы. – Махачкала, 1975. – С. 118; Материальная культура аварцев. – Махачкала, 1967. – С. 287; Материальная культура даргинцев. – Махачкала, 1967. – С. 269; *Булатова А.Г.* Лакцы. XIX – нач. XX в. Историко-этнографические очерки. – Махачкала, 1971. – С. 98 и др.

24. См.: *Лисициан С.Д.* Очерки этнографии дореволюционной Армении // КЭС. – М., 1955. – С. 185; *Исламмагомедов А.И.* Поселения и жилище цахуров в XIX – XX вв. – С. 107 и др.

25. Подробно об этом см.: *Хан-Магомедов С.О.* Указ. раб. – С. 69.

ГЛАВА III. СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ

§1. Формы семьи, семейные отношения

Господствующей формой семьи у лезгин в исследуемое время была малая семья с остаточным сохранением большой семьи, точнее, при наличии различных форм одного типа семейной организации (большой семьи), перешедших к другому типу – малой семье.

Как известно, семейная община или большая семья как историческое явление характерна большинству народов, прошедших первобытно-общинную стадию развития и сохранившихся в условиях господства или преобладания натурного хозяйства.¹

Полунатуральное скотоводнически–земледельческое хозяйство, сочетающееся с домашними промыслами, необходимость усилий большого числа рабочих рук, малоземелье и ряд других факторов способствовали сохранению у лезгин больших семейных организаций вплоть до конца XIX в., а в некоторых случаях – до начала XX в. Так, в селении Усухчай нами зафиксирована неразделенная семья, состоящая примерно из 50 человек, которая распалась в двадцатые годы XX в.

В начале 20–х годов неразделенная семья Везирхана состояла:

Отец Везирхан

Сыновья с женами и детьми

1. Темирхан
Жена
– Ханум-ага

Дети:
Селим
Саясат
Алинесед
Айса
Дидеруш

2. Ремихан
Жена
– Сенем

Дети:
Саид
Гамид
Мугудин
Аният
Ширин
Абидат

3. Ризахан
Жена
– Жария

Дети:
Шаглар
Бичехан
Кизим
Сердер

4. Бурагум
Жена
– Бесме

Дети:
Гюльпери
Раמידин
Буба
Нажмудин
Везирхан

5. Зульфугар
Жена
– Заидат

Дети:
Нуруддин
Мамидин
Санжа
Набисат

Были многочисленные внуки и правнуки. Семья занимала огромный двор, известный под названием “Къап” (букв. “Крытый двор”), по углам которого располагались 9 домов, каждый из одной или двух комнат. Двери всех домов выходили в крытый двор. С распадом неразделенной семьи (“члехи хизан”) семьи стали пристраивать к основным жилищам дополнительно помещения для жилья и скота.

Большая семья Везирхана владела значительными земельными и сенокосными угодьями, отарой овец, стадом крупного рогатого скота и пр. В дальнейшем семья, проживая в одном дворе, распалась на семейные ячейки (“чара хъана”), каждая из которых вела самостоятельное хозяйство.

Значительное число больших семей выявлено в селении-

ях Кара-Кюре и Мака Докузпаринского района Дагестана, Муджух, Юхари-Тахирджал, Адхурар, Судур и Хазри Кусарского района Азербайджана проф. С.С. Агашириновой. Приведенный автором материал убедительно свидетельствует о том, что во второй половине XIX в. у лезгин сохранялись патриархальные семейные общины, которые включали в свой состав в среднем от 30 до 60 и даже до 100 человек.²

При изучении жилища лезгин С.О. Хан-Магомедов в селении Зухрабкент Касумкентского района обнаружил большесемейный дом Рыфиева, где на втором этаже в двух больших комнатах (около 50 м² каждая) жили две родственные неразделенные семьи – женатые братья с детьми, а также одноэтажный тип дома для большой семьи, принадлежащий Сефихановой.³

Для обозначения большой или неразделенной семьи использовался термин “члехи хизан” (“еке хизан”). Такая семья представляла собой близкородственную группу, объединявшую потомков одного отца до третьего и даже четвертого поколения (отец, мать, их сыновья, жены, внуки и их семьи, незамужние сестры, двоюродные и троюродные братья и сестры и т. д.).

Для всех членов семейной общины существовали названия, часто подчеркивающие степень родства, возраст и т. д. Глава семьи – “члехи буба” (большой или старший отец), его жена “члехи диде” (большая или старшая мать), “члехи стха” – большой или старший брат, “хъвечли стха” – младший брат, “члехи вах” – старшая сестра, “гъвечли вах” – младшая сестра, “буба” – отец, “диде” – мать. “Имид рухаяр” – двоюродные братья по отцу, “имид рушар” – двоюродные сестры по отцу, “имид свас” – жена дяди по отцу, “хтулар” – внуки, “штулар” – правнуки. Для обозначения близкородственной группы, объединенной в большую семью, существовали относительные названия: “са кВалин хизан” (семья одного дома), “са къулан хизан” (семья одного очага), “килфет”. Для системы родства по материнской линии применяли собирательный термин – “халудинбур”, “халуд патанбур” (дядина сторона, дом). Дядя по матери – “халу”, его жена – “халуд свас”; двоюродная сестра по матери – “халуд руш”, двоюродный брат по матери – “халуд хва”; дед с отцовской стороны “члехи буба”, его жена – “члехи диде”. Зять – “езне”, тесть

– “иран буба”, свекр – “апай”, свекровь – “къари”, сестры мужа – “гъуьлуьн вахар”, братья мужа – “гъуьлуьн стхаяр”, свояки – “бажанах” и т. д.⁴

Разрастаясь, большие семьи делились на дочерние большие семьи, которые сохраняли много черт прежней патриархальной семьи и продолжали жить с ней по соседству. Члены этой родственной группы, которую М.О. Косвен назвал патронимией, сохраняли в определенной мере хозяйственное и общественное единство и носили общее название. По определению М.О. Косвена, патронимия – это родственная группа, состоящая из некоторого числа малых семей, образовавшаяся в результате сегментации одной большой семьи. Каждая из этих разделившихся семей представляет собой самостоятельную единицу, вместе с тем вся эта группа семей сохраняет в ряде отношений хозяйственное, общественное и идеологическое единство.⁵

С.С. Агаширинова считает, что патронимия у лезгин, возникшая и сложившаяся в условиях первобытно-общинного строя, как и семейная община, претерпев значительные изменения, сохранилась и в последующих формациях. В то же время ее с полным правом можно считать последней формой родоплеменной организации у лезгин, поскольку патронимия сочетала в себе черты как патриархально-родовой, так и более поздней соседской общины.⁶

У лезгин существует ряд терминов, определяющих различные степени родства групп, входящих в патронимию: “тухум”, “сихил”, “миресар”, “куьк”, “жинс”, “тебин”, “экьреба”. “Тухум”, “сихил”, “миресар” объединяют большую группу родственников по отцовской линии. “Жинс” – группу родственников по материнской линии; “куьк” – родственников по отцовской линии.

Часто употребляемые термины для названия патронимических групп тухум и сихил. О тухумах народов Кавказа и Дагестана написано немало работ как дореволюционных, так и современных ученых.⁷

Х.О. Хашаев в своей работе “Общественно-экономический строй Дагестана в XIX в.” значительное место отводит становлению классовых отношений в лезгинском тухуме.⁸ На примере Ахтыпаринского общества XVIII – нач. XIX в. сущность лезгинского тухума рассматривает Р.Г. Маршаев.⁹

С.С. Агаширинова на основе собранного ею фактического материала дает обобщающую характеристику лезгинскому тухуму. Автор на основе анализа материалов приходит к выводу, что патронимия или тухум у лезгин, возникший в условиях первобытно-общинного строя, в то же время является прямым пережитком семейной общины, последней формой родоплеменной организации, которая одновременно несла в себе черты более поздней соседкой общины.¹⁰

Названия тухумов появились в древние времена, большей частью они были образованы от имени родоначальника. В редких случаях тухумы приобретали названия и по каким-либо случайным обстоятельствам. Были и такие тухумы, происхождение названий которых решительно не могут объяснить. При разрастании и последующем дроблении тухума они все равно сохраняли общее с начальным название.

Тухум объединял всех родственников (без ограничения степени родства), происходящих от одного предка. Главой тухума (“келте”, “сакъа”, “агъсакъа”) не всегда считался старший в роде, в большинстве случаев главенство приобретали личными качествами: умом, справедливостью и т. д. Главенство, кроме почета и уважения со стороны других членов тухума, не гарантировало никаких других прав. За главой тухума признавалось только право дать совет. Неисполнение его совета, однако, вызывало неодобрение других членов тухума.

Обязанности членов тухума друг к другу заключались в нравственной и материальной поддержке – например, в делах кровомщения, уплате штрафа, податей и т. д. “При платеже за кровь, если виновный не имеет состояния, за него должны внести плату его родственники”,¹¹ – пишется в адатах южнодагестанских обществ. Помощь обедневшим членам тухума считалась обязанностью каждого. Отказ от нее осуждался общественным мнением.

Как свидетельствуют источники¹², особо привилегированных тухумов, пользовавшихся наследственными правами относительно общественного управления, у лезгин не было. Но случалось, что некоторые тухумы вследствие приобретенного общего уважения или по праву сильного, наследственно ставили своих членов на должности старшин.

Так, в селении Курах Кюринского округа тухум Мирчиляр считался одним из самых влиятельных. Из этого тухума с незапамятных времен избирался главный курахский старшина (кевха), имевший большое влияние на окрестные селения. Каким образом приобретено такое положение Курахского старшины, неизвестно, но оно существовало до Надиршаха и было закреплено народным адатом. Из тухума Махчарар постоянно избирались курахские старшины (в Курахе их было несколько), но этот тухум не имел такого значения, как тухум Мирчиляр. Тухум Тахэр славился богатством и способностями своих членов. Из тухума Кадиляр до Юсуп хана все ханы избирали себе кадиев, отчего произошло и название тухума.

В селении Гельхен этого же округа тухум Кабуляр известен умом и способностями своих членов. Из него всегда избирались старшины селения.

В селении Ашар тухум Чирахляр отличался богатством и храбростью мужчин.

В селе Цнал – тухум Бурган пользовался почетом и расположением ханов.

В селении Хутарг члены Бейбут тухума пользовались большим почетом и уважением во всех окружающих селениях. Старшины из этого тухума имели право везде разбирать наиболее серьезные дела.

В сел. Захит члены тухумов Небиляр и Рамазанар славилась храбростью и постоянно занимали место старшин в этом селении, где даже вошло в обычай отличать один тухум от другого по имени старшины.

В сел. Цмур тухум Милешар известен был тем, что родоначальник этого тухума Мелиш в молодости был знаменитым вором; по преданию, из-за этого Сурхай-хан постоянно назначал из этого тухума судей по воровским делам.

В сел. Кабир тухум Куруджнар славился храбростью. Из этого тухума происходит известный Котур-Кюринский наиб Али-хаджи-Нурали-оглы. Тухум Казаглар этого же селения ведет начало со времен Надир-шаха от некоего Казака, который пользовался большим уважением у шаха. С той поры члены этого тухума часто занимали общественные должности.

В сел. Хпик из тухума Цахар постоянно избирались

старшины этого селения. В сел. Буткент тухум Салманар с древнейших времен пользовался большим уважением в народе, хотя никто не помнит, какие именно обстоятельства этому способствовали. Известно только, что и ханы жаловали этот тухум. В Картасе, Испике и Касумкенте известен тухум Картасляр (в Касумкенте более известен под именем Якубханар) – выходцы из Карса, отчего и получил название Карсляр, трансформировавшееся впоследствии в Картасляр. Тухум этот был многочислен и силен. Народная память сохранила имя Рза-хана, который во время нашествия Надир-шаха, когда этот последний забрал в плен арахских евреев, бывших раятами Рза-хана, отправился один к Надир-шаху, и этой смелостью так расположил его к себе, что добился освобождения своих райатов. В Магарамкенте тухумы Манатар или Малатар – выходцы из турецкого местечка Малатия, отчего произошло название тухума, известны умом, ученостью и благочестием своих членов. В Верхнем и Среднем Стале тухум Пирляр (“Пир”, “пир” – святые места – лезг.) издревле пользовался правами наследственной святости, подтвержденными неоднократно грамотами персидских шахов и турецких султанов. В сел. Гильяр тухум Перер славился ученостью и святостью.¹³

Тухум совместно владел всеми видами земельных угодий – сенокосными, пахотными, садами, огородами, лесами, скотом, жильем, мельницами, токами, сельскохозяйственным инвентарем и т. д. Другим, не менее важным определителем являлось общественное единство тухума, выражающееся прежде всего в его локализации, т. е. комплексном проживании в отдельном квартале или части селения. Часто названия кварталов в селениях совпадали с названиями тухумов. Брачные пары внутри тухума имели отдельные помещения или отсеки. Имущественно-правовые отношения членов тухумной организации, как и большой семьи, основанные на общей собственности, не исключали наличия в определенной степени и личной собственности. Это прежде всего касалось личного оружия, лошади, предметов домашней обстановки, утвари и пр. Но, как отмечал М.О. Косвен, ее экономическое значение было весьма невелико и не существовало условий для того, чтобы это имущество существенно умножалось и увеличивало свое влияние.¹⁴

Малая семья. Переход к малой семье у лезгин, как и у других народов, прошел ряд этапов, промежуточных форм, различающихся согласно критериям Д.А. Ольдерогге по степени локализации и экономической интеграции: 1) совместное проживание и общая собственность всей семейной общины; 2) совместное проживание и сочетание общей собственности семейной общины и обособленной собственности слагающих ее семейных очагов; 3) совместное проживание и сочетание обособленной и собственности с остатками общей; 4) раздельное проживание и собственность, а связь преимущественно лишь в общих обрядах культа предков.¹⁵ По мнению автора, все эти формы – последовательные исторические типы большой семьи, однако представляется очевидным, что если два первых типа действительно характеризуют формы большесемейной организации, то два последних скорее могут быть определены как формы слагающейся или сложившейся малой семьи.¹⁶ По справедливому замечанию Я.С. Сирновой, предложенная классификация, видимо, может быть использована как общая типология форм перехода от большесемейной к малосемейной организации, применяемая, в частности, к северокавказскому региону.¹⁷

Анализ архивных материалов показывает наличие у лезгин в конце XIX в. разнообразных форм семейных организаций. Так, в селении Ялах Ялакского сельского общества Самурского округа из 132 семей, состоящих из родителей и детей, т. е. двухпоколенных семей, было 65, трехпоколенных (состоящих из родителей, детей и внуков) – 12, четырехпоколенных (родителей, детей, внуков, правнуков) – 1, семей, связанных родством по боковым линиям: 1) семьи, состоящие из родителей, детей и племянников – 8; 2) родителей, детей, братьев с их семьями – 31; 3) родителей, детей, двоюродных братьев и их детей, племянников и их детей – 1; 4) родителей, детей, внуков, правнуков и их детей – 1; 5) родителей, детей, братьев, племянников – 6; 6) главы семьи с братьями – 6; 7) родителей, детей и подопечных сыновей (каких – неясно) – 1.¹⁸ В селении Кака Какинского сельского общества Ахтыпаринского наместничества Самурского округа из 120 семей 66 – двухпоколенных, т. е. состоящих из родителей и детей, трехпоколенных (с детьми и внуками) – 5; четырехпоколенных (с детьми, внуками и правнуками) – 2; семей,

связанных родством по боковым линиям – 47, в том числе: 1) глава семьи с братьями, братьями и племянниками – 7; с двоюродными братьями и их детьми – 2; сыновьями и племянниками – 3; с сыновьями, племянниками и их семьями – 3; с сыновьями, братьями, двоюродными братьями и их женами и детьми – 1; с сыновьями, братьями и их детьми и женами – 2, с братьями и их женами – 14; с сыновьями, внуками, братьями и их женами и детьми, племянником и его детьми – 1; с сыновьями, племянниками и их детьми – 4, с сыновьями, двоюродными братьями и их детьми – 1; с сыновьями, внуками, двоюродными братьями и их женами и детьми ¹⁹. В селении Каладжух Каладжухского сельского общества из 186 семей двухпоколенных – 79, трехпоколенных – 18, четырехпоколенных – 6, связанных по родству по боковым линиям – 81. В селении Рухун Кюринского округа из 71 семей 34 – двухпоколенных, 2 – трехпоколенных, 2 – четырехпоколенных семей, связанных родством по боковым линиям – 35.²⁰

Список этот можно продолжить и дальше, но ничего нового нам это не даст, так как соотношение состава семей во всех лезгинских селениях одинаково, т. е. преобладающей формой семьи являются двухпоколенные семьи при сохранении промежуточных форм между большими и малыми семьями. Число членов в семьях промежуточного типа колеблется от 10 до 30 человек. Так, семья Мурад–Али Амир–оглы из селения Каладжух Самурского округа состояла из 18 человек, в том числе его сыновей, внука, племянников и детей последних и женского пола (9 душ).²¹ Семья Мирза Ших–Али–оглы из селения Гдым Хивского сельского общества состояла из 24 человек, в том числе из его сына, братьев, племянников, двоюродных братьев женского пола (14 человек).²² Семья жителя селения Зизик Корчагского сельского общества Кюринского округа Молла – Керим – оглы состояла из 25 человек, в том числе его сыновей, братьев, племянников, женского пола – 15 человек.²³ Семья жителя селения Каракюре Докузпаринского наибства Самурского округа Бешир бека Ханбек – оглы состояла из 29 человек, в том числе сыновей, племянников, сыновей последних. Женского пола – 15 душ.²⁴ и т. д.

Как можно заключить из приведенного материала, пре-

обладающей формой семьи у лезгин в исследуемое время была малая семья. Но здесь мы должны отметить, что, судя по словам информаторов и по материалам, приведенным С.С. Агашириновой и др. (о чем мы писали выше), у лезгин в исследуемое время сохранялись большие семьи, включавшие в свой состав от 50–ти до 60–70–ти и более человек. Так чем же объяснить несоответствие нарративных и статистических материалов? Может, подымным землепользованием, введенным русской администрацией, приведшим к фиктивному разделу больших семей? Вполне возможно, что при составлении посемейных списков число членов семей жителями искусственно занижалось в целях избежания уплаты налогов.

Семья у лезгин (как большая, так и малая), как и у других народов Дагестана, строилась на основе патрилокального поселения, и, как всегда при этом виде поселения, главой семьи был “члехи буба” – старший или большой отец. После его смерти во главе семьи становился старший брат или тот из членов семьи, который пользовался наибольшим авторитетом в семье.

Быт семьи, как известно, определялся ее типом. Так, в больших семьях земля, скот, орудия производства и пр. были общими. Супружеские пары жили в отдельных помещениях, стоящих в одном большом дворе. Хозяйство велось сообща, под руководством старшего мужчины. Последний распределял обязанности между мужской частью дома при вспашке, посеве, изготовлении изделий промысла, строительстве жилья и пр. Всеми работами женской части дома распоряжалась старшая женщина – “члехи диде”, обычно жена главы дома. Она распределяла обязанности женщин при заготовке топлива (кизяка), уборке жилых и подсобных помещений, приготовлении пищи, уходе за детьми, обработке шерсти и изготовлении изделий из нее (ковров, суматов, носков и пр.). На долю женщин приходилась и значительная часть полевых работ: заготовка (серпами) сена и перенос его на спине к месту хранения, жатва хлеба, активное участие в молотье хлеба, уход за скотом, доение и заготовка продуктов животноводства и т. д. Старшая женщина распоряжалась и продуктами питания. Без ее ведома ни одна женщина не имела права притрагиваться к продовольственным запасам.

Но это не значило, что другие женщины не могли иметь желаемую пищу. Старшая женщина часто считалась с желаниями других женщин, особенно если речь шла о беременной женщине. Старшая женщина, как и старший мужчина, пользовалась непререкаемым авторитетом. Непослушание, пререкания с ней, совершенно не допускались. Если она была справедлива, добра – ее любили, почитали, но, как рассказывают информаторы, часто ее боялись. Разделение труда среди женщин осуществлялось по возрастному принципу. Так, старые женщины и девочки 6–7-летнего возраста обычно присматривали за детьми (при этом не имело значения, чей это ребенок). В обязанности женщин пожилого и среднего возрастов входило прядение шерсти и приготовление изделий из нее, обработка продуктов животноводства, шитье одежды для всех членов семьи (кроме папах и овчинных шуб для мужчин – их изготавливали мужчины дома или специальные мастера), изготовление постельных принадлежностей, выпечка хлеба и т. д. На долю молодых женщин приходились наиболее трудоемкие работы: заготовка топлива, подача корма скоту, уборка помещений (жилых и подсобных), стирка, побелка, ношение с рек или родников воды и пр. Молодые женщины принимали самое деятельное участие и в полевых работах: сенокосе, молотьбе, уборке хлеба и т. д.

Потребление в семье было совместным. Горячую пищу, как правило, готовили вечером, когда вся семья была в сборе; утром и днем обходились лепешками с сыром, творогом, молоком и пр.

Традиционная лезгинская семья была сугубо авторитарной. Взаимоотношения между членами как больших, так и малых семей складывались на основе уважения и почитания старших. Обычное и шариатское право требовали беспрекословного подчинения всех членов семьи ее главе. В равной мере это относилось и к жене главы семьи. Адат и шариат требовали также повиновения жены мужу. Муж был повелителем и хозяином жены. Одним из самых распространенных заменителей имени мужа у лезгинок до наших дней является слово “хозяин”: лезгинка при разговоре и в наше время применяет не выражение “мой муж” (это считается верхом неприличия), а “зи итим”, “зи иеси” (“мой мужчина”, “мой хозяин”). Власть мужа над женой выражалась и в том,

что при разводе инициатором всегда выступал мужчина и лишь мужчина вправе давать развод жене без всякого повода. “Мужчина имеет полное право без особых причин дать развод своей жене во всякое время,”²⁵ – гласят адаты Самурского округа по этому поводу.

Весьма проста была и процедура развода: стоило мужу в присутствии свидетелей трижды произнести сакраментальное “талак” (отпущение), присовокупив “ты мне больше не жена, а сестра”, как развод считался совершенным, и женщина тут же уходила в дом своего отца. Значительно сложнее была процедура примирения разведенных. В тех случаях, когда муж, в запальчивости давший жене развод, хотел вернуть жену, согласно правилам шариата, последняя должна была заключить “никяг” – брак с “промежуточным” мужем. Как правило, оформление брака в таких случаях было чисто формальным. Мужа для своей жены чаще всего выбирал фактический муж из числа своих друзей или родственников. Спустя несколько дней вступивший в фиктивный брак должен был дать женщине развод (“талак”). Случаи, когда промежуточный муж не желал давать жене развод, были исключительно редким явлением, но не невозможным. Старожилы Каракюре помнят случай, когда промежуточный муж не дал женщине развод и, несмотря на уговоры, просьбы первого мужа, оставил жену у себя. Видимо, опасение перед возможностью таких случаев породило обычай, якобы имевший место в прошлом, согласно которому в качестве брачного партнера выставлялись птицы (в основном петух), а иногда и неодушевленные предметы (кувшин). В Усухае нам рассказывали, что был случай, когда по всем правилам шариата оформили “никяг” разведенной женщины с петухом и тут же расторгли его. При этом “талак” (отпущение) от имени петуха давал мулла. Только после этого был заключен вторичный брачный договор между бывшими супругами, после чего женщина вернулась в дом мужа.

Развод по инициативе женщины был явлением крайне редким. Он считался позором не только для самой женщины, но и для ее родных. Поэтому женщина очень редко прибегала к нему. Согласно адатам, женщина имела право требовать развода только в трех случаях: а) когда муж не может

отправлять своих супружеских обязанностей; б) когда муж заражен прилипчивою болезнью; в) когда муж не может по бедности содержать свою жену.²⁶ На практике женщина и в этих случаях не требовала развода, особенно если имела детей, ибо по адату женщина при разводе не имела права забирать детей.

Дети, в том числе и взрослые, также всецело подчинялись отцу. Они не имели права вступать с отцом в пререкания, сквернословить при нем, курить, сидеть, когда отец стоит и т. д. По адату и шариату отец имел право на жизнь детей. Главнейшие обязанности детей по отношению к родителям: – уважение (“гьюьрмет”) и послушание (“та’ат”) – записаны в Коране. Власть отца над детьми отражалась и в адатах по наследованию. Так, согласно адатам Кюринского округа, “если кто-нибудь из детей оставляет без позволения родительский дом, то он лишается права на наследство, если только отец при жизни не простит ему этого поступка. Равным образом отец вправе лишить наследства тех из своих детей, которые своим неуважением, непокорностью и вообще дурным поступком навлекают на себя его гнев”.²⁷ Как можно заключить из следующего адата этого же округа, отец имел право лишить имущества законных наследников и отдать другим по своему усмотрению. “Если кто-нибудь, – говорится в адате, – при жизни своей отдал в пользование другого принадлежащее ему имение, то после смерти его наследники без явных доказательств не вправе на оное претендовать, ибо то обстоятельство, что сам хозяин при жизни своей не объявлял никакой претензии на неправильное завладение имением, служит доказательством, что таковое уступлено было ему добровольно”²⁸.

Отношения между остальными членами семьи также регламентировались патриархальными традициями подчинения младших старшим, женщин мужчинам. Младшие братья относились к старшим братьям с тем же почтением, что и к отцу. Брат любого возраста мог свободно общаться, даже приказывать сестрам старше себя, но с замужней сестрой, особенно имевшей детей, младшие братья вели себя почтительно. Между братьями и сестрами преклон-

ного возраста возникали почти равноправные, дружеские отношения. Младшие сестры слушались старших сестер почти как мать. Отношение сестер к братьям, в том числе и моложе себя, основывались не только на подчинении, но и на любви к ним. Сестры гордились братьями. Чем больше братьев имела сестра, тем выше считался ее социальный статус. “Я сестра семи братьев,” – с гордостью говорила лезгинка своей обидчице. Породниться с семьей, т. е. брать девушку из семьи, где много братьев, считалось престижным. Считалось, что такая девушка лучше воспитана, более нравственна, более способна как хозяйка дома, жена и мать.

Однако такие отношения между членами семьи исключали произвол, жестокость, высокомерие и т. д. по отношению к младшим. Отношения между членами семьи строились на взаимном уважении, заботе, любви и признании прав каждого члена семьи. Проявление деспотизма, злонравия, жестокости подрывало авторитет старшего. Мужчины заботились о женщинах и защищали их честь. Нанесение оскорбления женщине посторонним мужчиной приравнивалось к убийству и приводило к кровной мести со стороны мужчин оскорбленной женщины.

Отметим еще одну сторону отношений в семье – обычая избегания, характерного почти для всех народов Кавказа и Дагестана и известного под названием “обычаев избегания” или “ограничительных отношений”.

Для лезгин, как и для других народов, сохранявших патриархальный быт, существовали ряд субсистем избеганий или избеганий между несколькими группами людей, связанных определенными ступенями родства и определенным состоянием (напр., при беременности). Это избегание между супругами, между отцом и детьми, между невесткой и свекром и свекровью и остальными членами семьи. Обычай избегания строже всего действовал по отношению к супругам, особенно в первые годы супружества. Практически молодая женщина жила вместе с мужем в отдельном помещении только до рождения первого ребенка. После рождения ребенка она переходила в общую комнату. Жена не должна была разговаривать с мужем

в присутствии свекра, свекрови, старших братьев и сестер и других родственников как с отцовской, так и с материнской линии (своих и со стороны мужа). Это могло продолжаться годами (до 5–10 и более лет). Они не показывались на улице вместе. Когда нужно было выходить на полевые работы, каждый из супругов выходили отдельно, и лишь за пределами селения, когда их никто не мог видеть, они шли рядом. Если супругам нужно было передать что-нибудь срочное друг другу, то прибегали к помощи посредников, как правило, младших братьев или сестер мужа. При этом придерживались строгого табу на имена. Вместо имени обычно применяли “он”, “она” (“скажи ей...” “скажи ему ...”). Избегание между родителями и детьми в большей степени касалось отца, ибо мать в силу своих естественных обязанностей (кормление, уход и пр.) должна была общаться с детьми. По обычаю, отец при своих родителях и посторонних не брал на руки ребенка, не разговаривал с ним, не называл его по имени. Если ребенок в колыбели плакал и рядом никого не оказывалось, или более взрослый упал и расшиб себе нос, он вместо того, чтобы помочь ему, находил кого-нибудь из домашних и посылал к ребенку. Жительница с. Усуччай Везирханова Мунажат рассказала нам случай, произошедший с ней в молодости. Она с маленькой дочерью стояла в очереди за сахаром. При распродаже началась страшная давка (дело было в годы войны). Испуганный ребенок начал громко кричать. Дети, околачивающиеся около магазина, побежали к отцу ребенка, который сидел на киме (годекане) и сказали, что его ребенка могут раздавить. Отец, души не чаявший в ребенке (до этого он потерял одного за другим четверых детей), прибежал и, растолкав женщин, взял из рук жены ребенка и понес его домой. Об этом долго говорили в селении, как о случае, из ряда вон выходящем.

Ограничительные отношения между родителями и детьми сохранились в некоторых семьях горных районов лезгин вплоть до наших дней.

Что касается деда, то он мог носить на руках детей своих сыновей, особенно мужского пола, играть с ними. Это в основном относилось к деду с отцовской стороны. Дед

с материнской стороны был намного сдержаннее в проявлении своих чувств.

Строже всего придерживалась избегания невестка, особенно в первые годы замужества по отношению к свекру. Она старалась не попадаться ему на глаза, незаметно выходила из помещения, когда он входил, избегала разговаривать с ним. Положение усугублялось при ее беременности. Здесь она соблюдала особую осторожность, чтобы не встречаться с ним. В Усуччае нам рассказывали легенду о том, что, когда невестка кормила младенца, в комнату случайно зашел свекр и увидел ее обнаженную грудь. Пораженная стыдом и ужасом невестка взмолилась: “О, Аллах, преврати меня в камень”. Аллах внял ее мольбе и превратил ее в камень.

Заключая изложенное, отметим, что в рассматриваемое время у лезгин преобладающей формой семьи была малая семья при сохранении остатков больших семей, вернее, при наличии различных переходных форм от одного типа семейной организации к другой (от большой семьи к малой).

Тип семьи определялся не только составом, но и внутрисемейными отношениями: проживая в одном доме или дворе семейными “ячейками”, каждая из них могла вести самостоятельное хозяйство.

§2. Формы заключения брака и свадебная обрядность

Семья складывалась на основе брака. У лезгин, как и у других народов Дагестана и Кавказа, продолжение рода не мыслилось вне брачных отношений.

Минимальный брачный возраст регламентировался обычно – правовыми нормами. По адатам лезгин, минимальный брачный возраст для мужчин составлял 20–25 лет, для женщин 16–18 лет. Но строгой регламентации при этом не придерживались. Браки в некоторых случаях могли быть ранними, в других поздними, в основном по причинам экономического порядка.

Формы заключения брака были довольно многочисленны и разнообразны. Здесь же отметим, что у лезгин, в отличие от некоторых других народов Северного Кавказа (чеченцев, балкарцев, карачаевцев, ингушей и др.), которым при вступлении в брак приходилось считаться с многочисленными запретами и ограничениями (запреты браков между отцовскими и материнскими родственниками любых (в последнем случае многих) степеней родства, однофамильцами, между родственниками по усыновлению и пр.), в пределах селения не придерживались строгой эндогамии, хотя предпочтительны были внутритухумные браки (в основном кузенные браки).

Межсельские браки не одобрялись и были весьма редки. Такие браки вызывали самые разноречивые толки: считалось, что хорошая девушка не выйдет замужем за пределы своего селения. На наш взгляд, в сохранении внутрисельской эндогамии значительную роль играли межсельские усобицы, имевшие место в далеком прошлом.

Интересное предание, связанное с преданностью женщин в случае межусобицы своему отцовскому роду, своему селению, рассказала наш информатор из сел. Кара–Кюре Везирханова Мунажат Шириновна (1904 г. р.). По преданию, жительница с. Кара–Кюре, состоявшаяся в браке с жителем Каладжуха и имевшая детей, узнав о намерении каладжухцев неожиданно ночью напасть на Кара–Кюре, тут же незаметно ушла из дома по горным перевалам и ущельям в свое

отцовское селение и предупредила каракюринцев о готовящемся нападении.

Не допускались браки с иноплеменниками, особенно с представителями иных конфессий. Исключение составляли браки между азербайджанцами и лезгинами. При этом преобладающими были браки варианта лезгинка – азербайджанец и редко лезгин – азербайджанка. Браки этого порядка имели тенденцию роста и особенно участились к началу XX в. и весь последующий период, что связано с ростом экономических и рыночных отношений между сопредельными народами.

Запрещались браки между враждующими на почве кровной мести сторонами. Если между юношей и девушкой враждующих сторон возникла взаимная склонность и об этом становилось известно родственникам, начиналась целая кампания против влюбленных. Родственники с возмущением говорили: “Полюбить дочь врага? Выходить за сына врага?” (“Душмандин руш клан жедан? Душмандин гададиз гьулуз фидан?”). Эти местные Монтеки и Капулетти в конечном счете добивались своего – разлучали влюбленных. Но в некоторых случаях (если стороны стремились к прекращению вражды) такие браки поощрялись, и такой союз мог послужить поводом к примирению сторон.

В силу бытовой целесообразности лезгины прибегали к левиратным и сороратным бракам. Случаи ухода лезгинки из семьи при смерти мужа (особенно при наличии детей) были крайне редки. Обычно в случае смерти мужа женщина становилась женой одного из братьев первого. При этом игнорировалась разница в возрасте между вступающими в брак (женщина могла быть намного старше или моложе будущего мужа) и взаимные чувства вступающих в брак. Возможно, здесь мы сталкиваемся с реликтом обычая, пройденного многими народами мира, который допускал совместное обладание братьями одной и той же женщиной. В последующем обычай удерживался, скорее всего, интересами экономического характера (стремление избежать отчуждения имущества, желание сохранить рабочую силу и пр.). В случае смерти женщины, мужчина (опять–таки, особенно, если оставались дети) женился на ее сестре. Личные симпатии и разница в возрасте и здесь не играли существенной

роли. На безусловность вступления в брак в таких случаях указывают дошедшие до наших дней поговорки: “Паб кьейила балдуз авачирдан язух я”, “Паб кьейитIа балдуз сагърай” (Жалко того, кто по смерти жены остается без ее сестры. Если умрет жена, пусть здравствует ее сестра).

Желательными считались обменные браки – “рекье гун”, заключение которых объяснялось в основном соображениями экономического порядка – при этой форме брака стороны старались сократить расходы на свадебные подарки и застолье.

При этой форме брачного союза соблюдался ряд правил, которые нашли отражение в адатах лезгин. Так, согласно адатам Кюринского округа, “...если девушка взята была в замужество с обязательством выдать взамен ее другую девушку, то в случае отказа последней соблюдается следующее правило: если условие было заключено отцом, то дочь обязана беспрекословно покориться его желанию, потому что воля отца для детей священна; она остается ненарушимой даже после его смерти; если же условие сделано кем-нибудь из родственников ее, то девушка вправе отказаться, потому что по правилам шариата нельзя заставлять женщину вступать в брак против ее воли – подобную власть имеет только отец. Родственник, нарушивший вследствие несогласия девушки договор, обязан вместо нее отдать другую беспорочную девушку в тот дом, из которого уже девушка взята в замужество, или заплатить деньгами 60 руб. и возвратить обручальные подарки, если таковые были сделаны женихом”.²⁹

“Хотя девушки на основании этого адата и могли уклоняться от предназначенных им родственниками браков, но они не вправе располагать собою, и браки их без согласия отца, или заступающего место его родственника по правилам шариата совершаться не могут...”³⁰

В отношении обменных браков существовали и дополнительные адаты, действующие в некоторых, особых случаях, согласно которым “при выдаче девушек в замужество взамен, по взаимному условию, если с одной стороны брак совершен, а с другой нет, и жених умрет, то девушка, ему назначенная, должна поступать в жены родному или двоюродному брату, или же их сыновьям, а если таковых родствен-

ников у умершего жениха не имеется, то дальше не могут требовать выдачи им назначенной в замужество девушки, и она остается у своих родных, но при этом то лицо из них, которое заключило условие, обязано удовлетворить, кого следует, за выданную девушку деньгами или вещами в размере 60 рублей”.³¹ При этом адат, суд считается с желанием девушки и в случае ее несогласия склоняет ее на маслагат (согласие).

Идентичны адаты, касающиеся обменных браков, и по Самурскому округу. Они гласят: “Желающий жениться на девушке или вдове должен заплатить за нее условленную плату (“йоль-пули”) ее родственникам, а за неимением их – “векилю” (опекуну). Бывает, что мужчина, бравший в замужество за себя из какого-либо семейства женщину, обязался отдать в то же семейство свою сестру, дочь или находящуюся в опеке его девушку за одного из членов его в замужество – в таком случае он не платит “йоль-пули”, и обмен этот называется “башабаш” (“голову за голову” – М. Р.).

Бывает иногда, что при таком обмене женщин одна из них взрослая, достигнувшая возраста, в котором допускается вступать в брак, а другая, долженствующая поступать взамен ее, малолетняя. В таком случае мужчина, женившийся на взрослой, отдавая малолетнюю, доплачивает условленную сумму денег тому семейству, из которого берут взрослую девушку.

Если два семейства обручили девушек, которых по условию следует дать башабаш, и одна из них умрет до совершения кибина, то жених может требовать, чтобы взамен ее дали другую девушку из того же семейства, если умрет и другая, то он имеет право требовать третью, затем его требования прекращаются, если родители того семейства не захотят выдать за него четвертую, то они возвращают ему “йоль-пули”...”³²

В тех случаях, когда молодые люди, питающие взаимную склонность, встречали упорное сопротивление со стороны родителей, прибегали к браку уходом (“алачна фин”). При этом молодые люди договаривались между собой о встрече через преданных друзей и подруг, и тайно покидал селение. Поселившись у какого-нибудь сочувствующего им родственника или кунака, они сообщали о случившемся семьям. Часто инцидент заканчивался примирением сторон и свадь-

бой, но не исключались случаи, когда мужчины обеих сторон преследовали беглецов, и дело доходило до кровопролития. Чаще всего при этом карающей стороной выступала сторона девушки, которая по адату несла большую долю “позора”. Касаясь адатов южнодагестанских обществ, Л.П. Загурский отмечал, что “за увоз женщины отвечают как за убийство мужчины, увезший выводится в канлы, и родственники увезенной вправе убить его без всякой за то ответственности”.³³

Другой формой похищения было похищение без согласия девушки – “гуваз кат авун” – увод девушки силой, форма брака, характерная для многих народов, истоки которой восходят к тому периоду, когда мужчины, принадлежащие к группам, внутри которых брак запрещен, вынуждены были брать жен из другой группы силой.

Распространенной формой заключения брака были кроскузаннные (брак на дочери брата матери или дочери сестры отца) и ортокузаннные (на дочери брата отца или дочери сестры матери) браки. Но такая регламентация у лезгин не считалась обязательной – браки такого рода заключались в основном при взаимной склонности молодых людей.

Широко практиковались и так называемые “колыбельные обручения” – “къепинал кIацI авун” (букв. – “делать надрез на люльке”), при котором родители договаривались о вступлении их детей в брак по достижении ими брачного возраста. Обязательство закреплялось надрезом на колыбели детей. Весь период роста детей между семьями поддерживались близкородственные отношения. Каждый праздник семья “жениха” подносила “невесте” какой-нибудь подарок, соответствующий ее возрасту. Все трудоемкие работы (жатву, сенокос, стрижку овец и пр.) семьи выполняли совместно. Нарушение сговора могло привести к вражде между семьями. Бывали случаи, когда, повзрослев, молодые люди делали попытки (в случаях, когда не питали взаимной или односторонней склонности) расторгнуть сговор. Здесь вмешивались не только представители семей, тухума, но и авторитетные люди общества. Как правило (особенно, если бунтующей стороной выступала девушка), инцидент всё же заканчивался свадьбой. Иногда “колыбельное обручение” могло быть причиной умыкания. Засватанная с детства девушка, полю-

бив другого, чтобы избежать нежеланного брака, уходила с любимым. В таких случаях похититель приобретал двойных мстителей – врагами становились семьи похищенной и его бывшего жениха. Встречалось и утробное обручение, когда две семьи, представительницы которых ждали детей, договаривались об обручении, если родятся дети противоположных полов. Последовательность церемоний была та же, что и при колыбельном обручении.

Полигамия у лезгин существовала только в теории (шариат, как известно, допускает одновременную брачную связь с четырьмя женами). Фактически многоженство (скорее двоеженство) было привилегией лишь немногих представителей состоятельных сословий.

При всем разнообразии форм заключения брака самой распространенной оставался брак по сватовству. Начальным этапом этой формы заключения брака был выбор брачного партнера, в котором принимали участие все родственники брачующегося. Как мы отметили выше, преобладающим брачным возрастом для мужчины был 25–30 лет, для женщины 16–18 лет. Но часто встречались случаи значительного разрыва в возрасте вступающих в брачный союз мужчины и женщины. При этом возраст мужчины часто был выше, нежели женщины, хотя встречались примеры и обратного порядка. Так, в Каракюре нам рассказали случай, когда мальчика 14 лет женили на девушке 30-летнего возраста. Дело было в том, что сестра мальчика и младший брат девушки страстно полюбили друг друга. Все попытка стороны юноши засватать девушку не имели успеха, ибо родители девушки предопределили ей обменный брак из-за причин экономического порядка (о которых мы говорили выше, касаясь обменных браков). Но в семье девушки не имелось подходящего партнера, кроме 14-летнего мальчика. Чтобы составить счастье влюбленных, родители решили пожертвовать другим сыном и дочерью и поженили 14-летнего мальчика и 30-летнюю девушку. Несмотря на уговоры, просьбы, угрозы, мальчик наотрез отказался от выполнения своих супружеских обязанностей. Девушка, прожив в доме мужа три года, умерла от какой-то случайной болезни девственницей.

Возраст невесты мог быть выше возраста жениха и в случаях левиратного брака. Вдову 30–35 лет, имевшую детей и

из соображений экономического порядка (чтобы избежать отчуждения имущества), могли оставить женой юноши 18–20 лет. Но, как правило, значительный разрыв в возрасте вступающих в брак был обратного порядка, т. е. возраст жениха был выше возраста невесты. Особенно значителен был разрыв в возрасте, когда в брак вступал вдовый мужчина. Здесь старый человек 60–70 лет мог жениться на молодой женщине 30–35 лет. Интересны факты (примеры), когда такие браки заключались против воли женщины. Курьезный случай рассказали нам в с. Усуччай. Старик 80-ти лет вздумал жениться на молодой красивой вдове из соседнего Каракюре. Боясь отказа, родственники жениха решили прибегнуть к хитрости. Подготовив женщину соответствующим образом (предупредив, что ее хотят засватать в хороший тухум, за молодого, красивого мужчину), отправили в Каракюре 40-летнего двоюродного брата старика и нашли возможность показать его невесте. Женщина дала согласие на “магьар” (брак). Через несколько дней после свадебных процедур ее привели в дом жениха. Поздно ночью, когда разошлись все родственники, старик заходит к молодой жене. Женщина, подумав, что к ней зашел свекор, не показав вида, что удивлена этим нарушением норм этикета, стала угощать его всякой снедью. Покончив с едой, старик располагаетя поудобнее и молчит. Не дождавшись его ухода, женщина не выдерживает и спрашивает, не хочет ли он спать. Старик отвечает, что хочет и просит застелить постель. Женщина говорит: “Ай, свекр, разве ты не уйдешь к себе спать?” Старик отвечает: “Я не свекр тебе, а муж”. Женщина с криком подбегает к двери, но дверь оказывается запертой снаружи. Женщина убегает через окно и находит убежище у своих родственников. Через несколько дней уговорами, угрозами женщину удалось водворить в дом мужа, от которого, кстати, она имела несколько детей. Аналогичный случай нам рассказали в Ахтах. Но здесь причиной подмены жениха служил не разрыв в возрасте, а какой-то физический недостаток жениха.

Вернемся к заключению брака универсальным путем. При выборе брачного партнера значительную роль играла степень бытовой близости, сходство социального и экономического статуса семей.

О достоинствах невесты чаще всего судили по характеру ее матери. По этому поводу говорили: “Дидедиз килинга свас жигьура”, “Диде гьихьтинди ятIа, рушни гьам жеда”, “Диде тараз акьахайтIа, руш хилериз акьахда” и др. (“Выбери невесту, судя по матери”, “Какова мать, такова дочь”, “Если мать залезет на дерево, дочь обязательно залезет на ветки”).

Большое значение придавалось физическими данным невесты. В некоторых случаях красоте девушки придавали больше значения, чем другим ее достоинствам. Иной глава семьи рассуждал так: “Пусть она похуже готовит хинкал, но зато, когда из моего дома выходит красавица-невестка, пусть радуются друзья и завидуют недоброжелатели”. Наш информатор из селения Нутюг Сулейман-Стальского района Таривердиев Авчихан (68 лет) рассказал случай из жизни своих родственников. Князь Ажикутай из селения Кандик, прослышав о необыкновенной красоте девушки из рода Таривердиевых, приехал в Нутюг сватать ее за своего брата. После общих фраз князь сказал отцу девушки о цели своего приезда. Касум (отец девушки) позвал жену Фатьму, чтобы посоветоваться с ней. После недолгого раздумья Фатьма говорит: “Напрасно ты приехал, Кутай. Нам не породиться. Ты очень богат и знатен. Мы тоже не нищие, но не равня вам. Наша дочь войдет в семью, равную нашей, чтобы на нее не смотрели свысока”. Князь отвечает: “Я предвидел ваш ответ. Поэтому заранее решил обменять девушек: мы дадим мою дочь Пери, почти не уступающую по красоте вашей дочери, за вашего сына Адильбека и возьмем вашу дочь Назлуханум за моего брата”. Так и решили. Конец этой истории печален – Адильбек умер молодым и бездетным. Фатьма пригласила князя и говорит: “Пери молода и красива. Много молодых мужчин засматриваются на нее. Мы боимся, как бы не случилось что-нибудь. У нас нет мужчины, достойного ее. Заберите ее и устройте ее судьбу по своему усмотрению”. Князь забрал дочь и выдал за другого.

Одной из обязательных условий, предъявляемых к невесте, была ее нравственная чистота. Девушка, снискавшая малейшее подозрение в отношении нравственности (разговаривала с посторонним мужчиной, тайком кого-то любила, где-то вела себя развязно и т. п.), обретала дурную славу и редко могла иметь удачный брачный союз. Недаром народ-

ный поэт Тагир Хрюгский в стихотворении, посвященной красавице, одной из главных ее достоинств считает умение соблюдать намус (честь): “Чан” хва гуьзелдин лишанар я ибур: вичин намус хуьз хьайитга хьсан я...” (“Сынок! Достоинства красавицы таковы: хорошо, если она хранит свою честь...”).

В женихе более всего ценились его хозяйственность, работоспособность, способность обеспечить семью материально. К его физическим данным не относились особо строго. По этому поводу лезгины говорили: “Итимдиз гуьрчеквал вуч герек я? Ам дишегьли туш хьи” (“Зачем мужчине красота? Он же не женщина”).

Следует отметить, что в семьях, постороенных на патриархальных началах подчинения младших старшим, молодые люди не всегда обладали свободой брачного выбора. Когда юноша достигал брачного возраста, родители и родственники начинали исподволь приглядываться к молодым девушкам селения – узнавали характер, привычки, нрав, выясняли мнение сельчан о ней и т. д. Остановив на девушке свой выбор, родители через братьев или сестер сына ставили его в известность о своем выборе.

Чаще всего последний соглашался на брак с избранницей родителей, особенно, если его сердце было свободно. Что касается девушки, она почти всегда подчинялась воле родителей. Однако не следует считать, что принудительные браки существовали как неперемное правило. Отнюдь. Нередко родители считались (если это не особо противоречило их интересам и не имел место вышеуказанный круг запретов и ограничений) с чувствами молодых людей. Инициативу при этом проявлял юноша. Девушка тщательно скрывала свои чувства. О своей избраннице юноша говорил с братом или другом. Те осторожно выведывали мнение родителей юноши. При благоприятном решении вопроса друзья юноши через своих сестер или родственниц сообщали девушке о чувствах юноши. Если девушка отвечала взаимностью, подруги последней исподволь подготавливали ее родителей к возможному приходу сватов.

Выбрав девушку, родители юноши посылали к родителям девушки какого-нибудь близкого родственника или уважаемого в селении человека, знакомого обеим семьям,

для предварительного сговора – “Чал чир авун” (букв. “узнать мнение”). У самурских лезгин для предварительного сговора чаще всего посылалась женщина из числа близких родственников жениха – “тагьлукь мирес” (тетя, жена брата или жена дяди с материнской стороны). Если в качестве свата отправлялся мужчина, он брал с собой один рубль серебром, который при положительном ответе родителей невесты, оставлял на скатерти после угощения. Женщина-сватья, как правило, брала с собой хлеб. По адату, в первое посещение сватов родители девушки не отвечали согласием, даже если были склонны принять предложение. Поспешное согласие считалось унижительным для стороны девушки и вызывало разные нежелательные толки (“спешат выдать девушку – тут что-то подозрительно”, “обрадовались, что хоть кто-то сватает” и пр.). Если родители девушки склонны были принять предложение, они говорили: “Если на то будет воля Аллаха – выдадим”, “Если есть кьисмат (суждено) – выдадим” и т. д. Если предложение было нежелательным, приводили разные доводы, уклонялись от ответа (“Девушка еще слишком молода”, “Мы хотим выдать ее обменным браком”, а иногда даже порочили девушку: “Она избалована, ленива, не справится с хозяйством в вашем доме, ибо у вас большая семья” и т. д.). Если сторона юноши настаивала, прибегали к доводам другого порядка, например, что девушка или семья связана словом с другой семьей (“Чалар кьлеви хьанва”), тем самым давая понять, что дальнейшие переговоры излишни.

Прежде чем дать окончательное согласие, родители девушки совещались со всеми своими родственниками. “Лезгинская традиция совещаться перед свадьбой со всеми родственниками, – пишет С.С. Агаширинова, – является очень древней. Она сохранила следы того времени, когда заключение брака являлось делом всей родовой общины, а не отдельной семьи. Впоследствии с разложением родовой организации вопрос о женитьбе юноши или выдаче замуж девушки перешел в ведение отдельной семьи, и прежние порядки приобрели форму народных обычаев и сохранились до наших дней”.³⁴ Посоветовавшись с родственниками, родители девушки сообщали о своем решении родителям юноши и назначали день сватовства. Родители юноши посылали несколько человек из числа близких родственников (тетю, сестру, дядю

и др.) с “гъвечли лишан” – малым сватовством, как правило, материалом для платья, платком, серебряным или золотым кольцом, браслетом, головкой сахара, халвой и одним серебряным рублем. Каждый из родственников, участвующих в церемонии сватовства, дарил от себя какой-нибудь небольшой подарок – платок, кусок ткани, мелкие монеты и пр.

Здесь же отметим, что покупного брака, этой “...классической формы брака периода господства патриархальных семейных общин”, известного многим мусульманским народам Востока, в строгом смысле этого понятия³⁵ у лезгин не было. Но нельзя утверждать и полное отсутствие калыма или его эквивалента. По свидетельству М. Ковалевского, в южнодагестанских обществах до середины XIX в. за невесту давали плату, известную под названием “Поль-пули”, размер которого в Кюринском округе равнялся 60 рублям.³⁶ У лезгин Самурского округа существовал другой вид платежа за невесту – “кебин гъакъ”, который “...скорее гарантировал, нежели выдавался невесте, и назначение которого имело целью обеспечение женщины в случае развода или смерти мужа.”³⁷

“Кебин гъакъ” выражался в закреплении за женщиной части имущества брачующегося – участка земли, скота, домашнего имущества и т. д. Сделку заключали при свидетелях с обеих сторон и обязательно в присутствии муллы. Согласно адатам Самурского округа, помимо “Юль-пули” (или “пуль-пули”), жених обязывался подарить невесте кебинные деньги – девушке не менее 15 рублей, вдове не менее 7,50 коп. Эти деньги считались неприкосновенной собственностью женщины.³⁸

Господствующее среди лезгин Самурского округа положение ахтынцев заключалось (помимо других льгот, о которых мы скажем в другой связи) еще в том, что когда кто-нибудь из других селений брал себе в жены невесту-ахтынку, то сверх исполнения всех условий шариата и адата, касавшихся брака, сторона жениха должна была вносить еще 3 рубля или вещей на эту сумму – “барху” в пользу того сельского магала, к которому принадлежала невеста, “...если она была девица.”³⁹

“Барху” существовало и в селении Мискинджа, но, в отличие от с. Ахты, оно обуславливалось платой не 3-х рублей в сельский магал, к которому принадлежала невеста-девица, а отдачей быка в этот магал. Несмотря на постоянную вражду

и различие в вероисповеданиях (мискинджинцы – шииты, а ахтынцы – сунниты), между ними браки заключались весьма часто и сопровождались обоюдной уплатой “барху”.⁴⁰

Несравнимо выше платили за похищенную девушку. Так, согласно адатам Самурского округа, “... за увоз девицы, с согласия ее совершить кебин, виновный, уже совершивший кебин, должен заплатить отцу или другим ближайшим родственникам девицы такую же сумму, как за убийство женщины, т. е. 150 рублей. Если увезена девица, обрученная с другим, и увезший совершит с нею кебин, то брак не расторгается, но похититель должен заплатить вышеозначенную сумму родителям невесты, которые в свою очередь должны заплатить прежнему жениху ее все издержки, какие он понес при сватовстве...”⁴¹

Через несколько дней (7–10, иногда месяц) после малого сватовства (гъвечли лишан) в дом невесты отправлялась группа людей из числа близких родственников жениха с “члехи лишан” – большим сватовством. Сватами могли быть как мужчины, так и женщины. Так, в селениях Каракюре, Усучай и др. это были в основном женщины и один мужчина, как правило – дядя жениха с материнской линии. В Зрыхе, Кака и других с большим обручением шли трое мужчин. Сватов угощали и одаривали какими-нибудь подарками (чаще всего вязанными носками). Стороны договаривались о сроках свадьбы, о доле расходов со стороны жениха для свадебного угощения в доме невесты и т.д.

К свадьбе сына лезгинки готовились иногда годами. Чтобы накопить средства на свадебные наряды невесте и угощение, все взрослые члены семьи (мужчины) иногда на целые годы уходили на отхожие промыслы, в основном с лезгинских районов на нефтяные промыслы Баку, которые поглощали большую рабочую силу.

Требования, предъявляемые к свадебной одежде невесты, отражены в стихотворении Етима Эмина “Къавумдиз” (Свату):

Сват, смотри, что должен ты выполнять:
Принеси наряд, не самый дешевый,
Между сверстниками чтоб можно было показать,
Пусть это будет вещь, но смотри, не печалься.

Когда идешь на базар с целью,
Купи вещь, которая имеет цену,
Весь наряд если шелковый,
Тебризские сапожки не забудь.

....
Подходящие к тебризским сапожкам
Зеленые башмаки не забудь.

Все, что наказал я – привези,
Шелковый красный платок – чистый дуюгур
также привези,

Нужная вещь – наперсток с цепочкой привези,
Костяной гребень не забудь.

К красной рубашке подходит
Дарай и платок с Герата,
Из лучшего дара архалух (бешмет),
Без кружевного платка не приходи.⁴²

Свадьбу откладывали до тех пор, пока не приобретали свадебный наряд для невесты и средства на свадебные расходы. В малоимущих семьях этот период мог длиться 2–3 года, в семьях средней обеспеченности около года, в имущих – около 2–3 месяцев.

В период, предшествующий свадьбе, встречи жениха и невесты категорически запрещались. При случайной встрече на улице невеста поспешно скрывалась в первом попавшемся дворе. Жених также старался избегать с ней встреч, чтобы избежать пересудов. В Зрыхе встречу обрученных считают грехом. Считалось, что при их встрече останавливались солнце и луна, чтобы посмотреть, как они себя поведут.

Между семьями жениха и невесты в предсвадебный период поддерживались тесные связи. Каждый праздник кто-нибудь из родственников жениха (мать, сестра, жена брата и др.) подносили невесте какой-нибудь подарок. Семьи помогали друг другу в трудоемких работах (сенокосе, уборке урожая и пр.). По свидетельству информаторов, в некоторых селениях (Усуччай, Каракюре) на уборку урожая иногда приглашали невесту. Событие происходило с определенной

долей торжественности. Невеста приходила в своем лучшем наряде в сопровождении одной – двух подруг или родственниц. Родители жениха приглашали нескольких своих родственников, резали барана, готовили угощение. Жених со своими друзьями мог участвовать в работе и угощении, но при этом держался на почтительном расстоянии от невесты и старался не смотреть в ее сторону.

Свадьбу, как правило, приурочивали к осени, когда убран урожай, скот пригнан с летних пастбищ, припасены продукты. Для начала свадьбы существовали определенные дни. Это обычно середина месяца – полнолуние, чтобы жизнь вновь создаваемой семьи была полной и счастливой. Перед началом свадьбы в доме жениха собирались все родственники и распределяли обязанности (повара, тамады и др.). Организация свадебного угощения в доме невесты входила в обязанность стороны жениха. За день до свадьбы в дом невесты поставляли различные продукты, количество которых оговаривалось при сватовстве. Это, как правило, 1–2 барана, мешок муки, около 10-ти кг масла для халвы, сахар и пр. На свадьбу приглашались близкие и дальние родственники – миресар, друзья дома, соседи. За день до свадьбы два человека из числа близких родственников жениха (двоюродная сестра, двоюродный брат) оповещали сельчан о свадьбе. При этом девушка приглашала женщин, юноша – мужчин. Вестников, в основном девушку, одаривали яйцами, мелкими монетами, орехами и пр.

За день до свадьбы жених и двое его дружков – “аркьардаш” – отправлялись в дом дяди с материнской стороны, где жених в строгой изоляции оставался до дня привода в его дом невесты. Невеста также за день до начала свадьбы или в первый день свадьбы уходила в дом дяди по материнской линии или к близкой подруге. Затем невеста в окружении подруг возвращалась в отцовский дом, откуда ее отправляли в дом жениха.

Уход жениха из дома и его скрывание во время свадьбы – обычай весьма распространенный у ряда народов Кавказа, М.О. Косвен рассматривает как пережиток похищения: жених уходит из своего дома и избегает своей родни из осознания своей виновности перед невестой в том, что навлек на нее месть родни похищенной.⁴³ Уход же невесты в “другой

дом” в своем селении автор рассматривает как пережиток”... того былого положения, по которому она принадлежала к своему материнскому роду, в эпоху перехода от матриархата к патриархату, переходила в этот род, в род своей матери, к своему материнскому дяде. Сущность данного порядка в том виде, в каком он предстает перед нами..., в его уже пережиточном состоянии, раскрывается не столько в фактах ухода невесты в “другой дом”, сколько в том, к кому именно она уходит”⁴⁴

Уход невесты к дяде по материнской линии, значительный выкуп в его пользу со стороны жениха и другие моменты свадьбы (о них мы скажем ниже), в которых главенствующая роль принадлежит дяде с материнской линии, явно указывает на наличие здесь авункулата – пережиточной формы материнского начала.

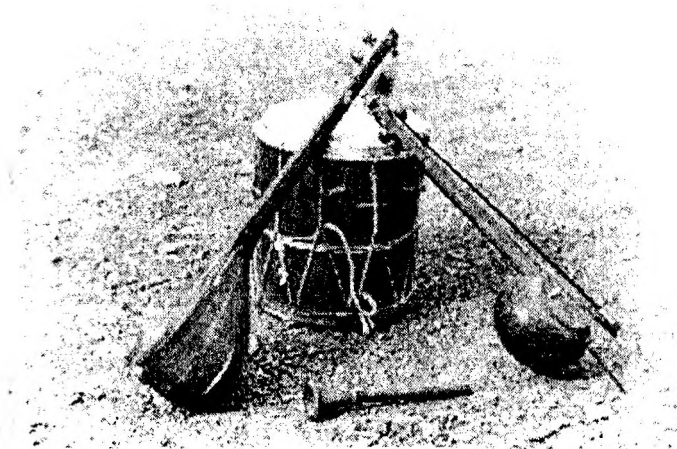
Собственно свадьба длилась три дня. В первый день свадьбы в доме жениха собирались родственники. Женщины пекли хлеб, один из мужчин готовил “щурпа” – мясной суп. В некоторых селениях Самурского округа (Зрых, Кака, Джаба и др.) ритуальной свадебной едой служил “каши” – плов из пшеничной крупы, гороха и мяса. В доме невесты также собирались родственники, большей частью – женщины. Здесь в основном проводились работы, направленные на подготовку приданого невесты и ритуальной халвы – “исида”, большая часть которой на двух–трех больших подносах (“ленгера”), отправлялась в дом жениха. Для гостей в доме невесты готовили мясной суп, а во многих селениях верхнего Самура – плов из просяной крупы.

Началом свадьбы считался приход музыкантов – зурначей. Одна из родственниц жениха, чаще всего его сестра, выходила навстречу музыкантам с подносом – “хунча”, уставленным тремя хлебами, тремя узорными носками, тарелкой меда, халвой и пр. и, протанцевав несколько кругов, ставила поднос перед музыкантами. Одновременно вступают в круг танцующих все родственники жениха, в том числе и его родители, бабушка и дедушка, как бы стары они не были. Затем начинаются парные танцы, которые с небольшими перерывами для отдыха и еды для музыкантов, продолжаются до вечера. Ночные танцы – “дем” с участием почти всей молодежи селения, проводились в одном из самых больших крытых дворов

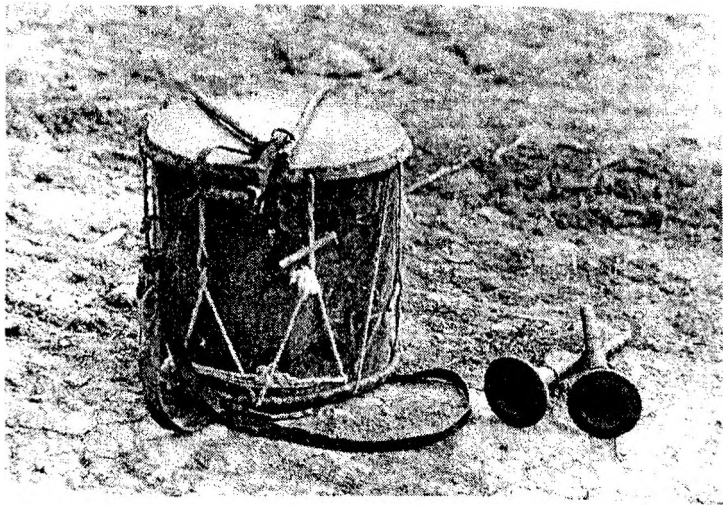
селения. Они проходили весьма оживленно, особенно когда в танцевальный круг вступали ряженные – мужчины, переодетые женщинами. Партнерами им служили другие мужчины, одетые в обычный наряд. При этом мужчины вели себя с “женщинами” весьма развязно – дергали за руки, делали попытки обнимать их, т. е. позволяли себе действия, совершенно недопустимые с партнерами–женщинами. Переодетые в женский наряд мужчины в низко опущенных на лоб платках также вели себя несколько необычно – жеманничали, иногда толкали партнера и т. д. В селениях Зрых, Кака, Джаба, Гдынк и др. в мужскую одежду рядились девушки. Прилепив усы, бороду, низко спустив на глаза папахи, девушки вступали в танцевальный круг и приглашали на танцы девушек. При этом вели себя скромно, как и подобает горским мужчинам по отношению к женщинам. Протанцевав довольно долго, переодетые девушки пытались незаметно скрыться, но тут их подстерегали юноши, которые пытались сорвать с них усы и бороду. Но грубостей при этом не допускали. Особый восторг собравшихся вызывал танец быка – ряженого в бычью шкуру и бычью маску мужчины. “Бык” бодал зрителей, гонялся за девушками, молодыми мужчинами и детьми. На свадьбы состоятельных людей приглашались канатоходцы – “пагъливаны”. В некоторых селениях (Каракюре, Усуччай и др.) на ночные танцы незаметно приходили жених и невеста в окружении своих друзей и подруг.

За день до свадьбы или в день свадьбы проводился обряд мусульманского бракосочетания – “магьар” (“кебин”). Он проходил в строжайшей тайне от окружающих, в доме какого–нибудь доверенного родственника. “Магьар” заключался с участием представителей жениха и невесты – “вакилов”. Иногда “вакилами” могли быть отцы брачащихся или дяди с материнской стороны. При этом отец имел право не спрашивать мнения дочери о заключении от её имени “магьар”, но более дальний родственник – “вакил” должен был предварительно получить от девушки ясный ответ о ее согласии.

“Магьар” заключался духовным лицом – муллою, эфенди или кадием. После предварительного опроса “вакилов” о согласии жениха и невесты на вступление в брак мулла (эфенди, кадий) читал соответствующую молитву и заносил имена супругов на страницу Корана. За совершение “магьар” сто-

Музыкальные инструменты, с. Ахты.

Музыкальные инструменты, с. Ахты.

рона жениха платила духовному лицу определенную плату – “кебин гьакь” – около 50 коп. деньгами.

Согласно документам, “... девушка-сирота, не имеющая ближайшего родственника, или же если он и есть, но находится в дальней отлучке, не менее как в 2 днях дороги, непременно должна быть обручена казием. В таких случаях кази заменяет ей вакила, как и тогда, если вакил не согласен выдать ее за человека, ею не избранного, тогда кази предлагает вакилу согласиться на кебин и в случае отказа устраняет вакила и венчает ее не только уже как кази, но и как вакил”.⁴⁵

С обрядом бракосочетания у лезгин, как и у многих других народов Дагестана, связаны различные поверья о сакральных свойствах некоторых действий, совершение которых в момент заключения кебина (магьар) оказывают неблагоприятное влияние на судьбу вновь создаваемой семьи. Прежде всего боялись “ицитI” – порчи жениха. Считалось, что достаточно недоброжелателю в момент совершения магьар замкнуть замок или закрыть нож, вложить кинжал в ножны, завязать узлы и т. п., как наступает половое бессилие жениха. Снятие “ицитI” было делом нелегким. Искали причину, вызвавшую его, с помощью гадалки или муллы. После долгих поисков, длившихся иногда месяцами, находили источник недуга (нож, завязанные узлы и пр.), спрятанные чаще всего в постели новобрачных или в щели стены их комнаты, и с чтением молитв снимали порчу – развязывали узлы, раскрывали нож и т. п.

На второй день свадьбы с самого утра в доме жениха вновь собирались родственники, соседи, сельчане. Ближе к полудню они незаметно уходят (в основном женщины) и приносят “хунча” (подарки) – поднос с зерном или мукой, с куском ткани или платком, свисающим с его края. Близкие родственники приносили более дорогие подношения – чаще всего барана с завязанным на шею шелковым платком. Невесте приносили “суфра” – скатерть, в которую заворачивали три хлеба, вязанные узорные носки, варенные яйца, вареную курицу, кусок мыла и пр.

Около 3-х часов дня оправлялись за невестой. В процессии участвовали все родственники жениха – мужчины, женщины, подростки. Для невесты снаряжали арбу – крытую повозку, запряженную волами. Всю дорогу музыканты играли

на зурне и барабанах веселые мотивы, участники процессии пели, танцевали. Если дом невесты был близко, дорогу искусственно удлиняли – делали круги, шли обходными путями. Подойдя к дому невесты, начинали танцевать все вместе, после чего приступали к парным танцам. При этом мужчины стороны невесты приглашали женщин стороны жениха и наоборот, мужчины стороны жениха – женщин стороны невесты. Одним из наиболее эмоциональных моментов свадебного цикла являлось песенное состязание между двумя партиями женщин обеих сторон. В этих песнях, представляющих яркие образцы устного народного творчества лезгин, применялись приемы поэтических сравнений: сторона жениха сравнивала невесту с солнцем, луной, цветком и т. д., а жениха – с орлом и др., хвалила свой род и гухум и с тонким, беззлобным юмором высмеивала отдельных представителей стороны невесты, особенно “енге” – сопровождающую невесту женщину. Как бы ни была красива и стройна “енге”, она не избегала традиционных насмешек (она и толста, и прожорлива, и клыкаста и т. д.):

Цавай маргьар эвисда,
 Енге́д сарар экъисда,
 Ленгердавай аш аку,
 Енгедик квай каш аку.
 Ленгердавай пакун тIвал,
 Енгедиз гуй рикIин тIал,
 Ленгердавай иситIа,
 Енгедин сив ицитIа

С неба дождь падает,
 У енге оскалены зубы,
 Посмотрите на плов в подносе,
 Как прожорлива енге!
 В подносе рёбрышко (с мясом),
 Пусть у енге заболит сердце,
 В подносе халва,
 Пусть у енге рот не откроется.⁴⁶

Сторона невесты не оставалась в долгу – на каждый выпад отвечала импровизированной песней. Поражало умение лезгинских женщин сочинять экспромтом.

Гостей угощали лучшими блюдами. При этом гости старались незаметно стянуть и унести с собой что-нибудь из дома невесты (ложку, веник и пр.). Украденное отдавалось невесте уже в доме мужа. Одновременно выносили приданое невесты и погружали в арбу. Приданое было весьма скромным. Это были в основном вязаные носки (около 30–40 пар), ковровые сумки, ковровые мешки и переметные сумки, вязаные веревки для ношения тяжестей, подстилки под кувшины – “херцилаг” и пр., а также сундук с подношениями родственников (курами, вареными яйцами, халвой, хлебом и т. д.). Обязательной частью приданого невесты были постельные принадлежности. Иногда родители выделяли дочери земельный участок.

Приблизительно через 2 часа после прибытия музыканты начинают играть “Свас акъуддай мукъам” (букв. “Мотив вывода невесты”) – грустную музыку прощания невесты с родным домом. Под эту музыку приступают к облачению невесты в свадебный наряд. Невеста не позволяет одевать себя до получения “рухсат” – благословения близких родственников (отца, братьев, дяди по материнской линии). Только получив его (при этом родственники гладят по спине невесту и говорят: “Чан руш (вах, хтул), вун бахтлу хъурай, ваз рухсат я. Вун цийи кIвале къадимлу хъурай” – “Душенька дочь (сестра, племянница), будь счастлива. Мы благославляем тебя. Будь преданна новому дому”), невеста начинает одеваться в свадебный наряд, подаренный ей стороной жениха. Лицо невесты закрывали “дуйгуьром” – красным платком, “символом домашнего очага и невинности девушки”.⁴⁷

Перед выводом невесты кто-нибудь из близких родственников жениха вручал дяде невесты с материанской стороны выкуп – барана или 1 рубль серебром (“халуд пай” – доля дяди). Уклонение от выкупа, удовлетворяющего дядю невесты, могло привести к большим недоразумениям, иногда надолго задерживающим вывод невесты. Только после этого дядя и один из братьев невесты (как правило – старший) выводили невесту и усаживали ее в крытую арбу. Рядом с ней усаживалась енге – сопровождающая невесту женщина (как правило молодая замужняя женщина) из числа ближайших родственниц (жена брата, дяди и др.) с зажженной лампой в руке, считающейся оберегом от злых и враждебных сил и

олицетворяющей яркую, счастливую жизнь новобрачных. Потухание лампы считалось плохим предзнаменованием, и поэтому все внимание енге направлялось на то, чтобы донести ее до дома жениха в зажженном виде. Другая родственница или подруга невесты держала зеркало – оберег и символ чистоты.

Когда невесту выводили из дома, ее подруги и родственницы пели грустные прощальные песни, относимые исследователями семейно-обрядовой поэзии народов Дагестана к серии свадебных плачей, характерных почти для всех народов Дагестана.⁴⁸

Я руш, вун тухузава
Вахъ юлдашар кузава
Гъарай руш тухузава
Вуна чи рикI атIузава
Чархи-камун явшанар,
Руш тухузвай душманар

Ай, девушка, тебя уведят,
Твои подруги сгорают (от тоски),
Ай, девушку уведят,
Ты разрываешь наши сердца,
В ущелье Чархи кустарники,
Враги, уведившие девушку.⁴⁹

Отходя от дома невесты, сторона жениха поднимала невообразимый шум – зурначи играли веселую музыку, барабанщик изо всех сил бил в барабан, мужчины стреляли из ружей, свистели, женщины и дети кричали, т. е. всячески выражали радость по поводу увода невесты.

В пути свадебную процессию останавливали жители селения, протянув через дорогу веревку или взявшись за руки – “рехъ атIун” (букв. “резать, преградить дорогу”) – обычай, издревле характерный для многих народов Кавказа и Дагестана и являвшийся пережитком патриархально-родовых традиций, когда сородичи стремились получить свою долю в купле-продаже невесты. Я.С. Смирнова этот обычай, как и специальный выкуп дяде невесты и ряд других действий, направленных на упорные попытки задержать невесту, ха-

рактерные в вариационном множестве для многих народов Кавказа, рассматривает как пережиток порядков эпохи перехода от матрилилокального к патрилокальному браку. Хотя и она не отрицает наличия и другого смысла этих обрядов и действий – нарочитая демонстрация нежелания расстаться с родственницей, не лишенная и стремления получить свою долю в браке – покупке.⁵⁰

Отдав выкуп (сладости, вареные куры, яйца, хлеб, деньги, позднее – спиртные напитки), процессия движется дальше. При приближении к дому жениха группа всадников вырывается вперед, чтобы сообщить радостную весть родным жениха. На шею коня, прибывшего первым, сестра или мать жениха повязывала шелковый платок. При приближении к дому жениха мужчины усиливали пальбу из ружей, музыканты играли в убыстренном темпе, женщины громче били в бубны и пели. Среди встречающих поднимался веселый гвалт. Невесту выводили из арбы, держа под руки с двух сторон (с одной стороны – енге, с другой – дядя по матери или брат жениха). Одна из родственниц жениха осыпала невесту пшеницей, орехами, мелкими монетами, что, по представлениям народа, олицетворяло пожелание невесте богатой жизни. В селении Мискинджа жених и его дружки бросали в невесту сырые яйца, в чем можно проследить мотив, связанный с магией плодородия.

В свадебном ритуале лезгин, как и других народов, было обязательным выполнение некоторых действий, издревле считающихся символом мира и согласия между свекровью и невесткой. Так, когда невесту подводили к порогу дома, свекровь давала ей ложку меда или шербет (подслащенную воду), что символизировало пожелание иметь со свекровью “сладкие” отношения. После этого невесту провожали в “тав” – специально убранную комнату и сажали на сундук. На колени невесты усаживали ребенка мужского пола – магический прием пожелания ей детей мужского пола (магия подобия – “подобное вызывает подобное”).

Женщины селения Микрах полусерьезно, полушутя поздравляли и желали невесте:

Пусть родится у тебя семь сыновей
И одна девочка, как слива,

И та пусть залезет на дерево
И упадет с него.

Полный очаг сыновей желаем,
Около порога много кожаных поршней,
Поздравляем с венцом,
Как пчела, к мужу прилепись,
Как пчела, к дому привяжись...

Проиграв немного у дома жениха, музыканты в сопровождении молодежи уходили в дом “яркърдаш” – дружка жениха. Свадебные торжества продолжаются в доме дружка. Жених и “яркърдаш” усаживаются на возвышенном месте – “троне” (“Чам ацукъурун” или “Шах ацукъурун” – букв. “Посадить жениха” или “Посадить Шаха”). Перед ними ставят поднос. Группа девушек танцует перед ними особый танец – “Гъилел къуьлер”, при котором танцуют, только обратившись лицом к ним (и ни в коем случае не поворачиваясь к ним спиной), т. е. жениху и его дружку воздаются те же почести, что и шаху. Все присутствующие бросают на поднос деньги. Торжества в доме “яркърдаш” продолжаются до глубокой ночи. Близкие родственники дружка приносили ему такие же подарки (“Хунча”), что и жениху.

После окончания ночных танцев жених и его “яркърдаш” подкрадывались к дому жениха. Но молодежь селения была начеку – они подстерегали жениха и его дружка и силой уводили и прятали в чьем-нибудь доме, где держали под замком до получения удовлетворяющего их выкупа – барана, денег и пр. По словам информаторов, бывали случаи, когда жениха не выпускали до самого утра. Всполошенные родственники искали пропавших по всему селению. После долгих препирательств, доходящих иногда до драк, выплаты выкупа, жениха и его дружка выпускали. Впустив жениха к новобрачной, дружок оставался за дверью. Невеста угощала жениха и его дружка всякой снедью (вареной курицей, яйцами, халвой и пр.). Удостоверившись в чистоте девушки, яркърдаш уходил к себе. Но на рассвете он возвращался и забирал новобрачного в свой дом. Уход новобрачного об-

ставлялся теми же предосторожностями, как и его приход – старались, чтобы никто из домашних или сельчан не заметил его. Если какой-нибудь ранний прохожий встречался по пути, обе стороны скрывались и делали вид, что не заметили друг друга.

Тайное посещение новобрачной, равно как и обычай помещения невесты в “другом доме”, характерные в разных вариантах многим народам Дагестана и Кавказа, Ф.И. Леонтович рассматривал как пережиток гетеризма. “Обычай этот, – писал он, – ... нужно считать переживанием от старого родового гетеризма, когда только что начал рождаться индивидуальный брак и когда еще были в силе права рода на женщин: муж, приобретающий право на женщину рода, все-таки должен был прятаться со своими индивидуальными отношениями к ней”⁵¹

Утром собирались родственники новобрачного на “хашил” или съест “хашил” – густую мучную кашу с маслом или медом. Лезгины пограничных с Азербайджаном районов и проживающие на территории Азербайджана вместо меда применяли “душаб” – патоку из ягод тутовника. Невеста угощала гостей разной снедью из “сусан сандуха” (“сундука невесты”) – вареными курами, яйцами, халвой; дарила каждой женщине (мужчины в этом обряде не участвовали) вязанные узорные носки. Гости в свою очередь дарили ей пряжу или шерсть, что-нибудь из утвари, деньги и пр., поздравляли с новым домом, желали ей многочисленного потомства.

Существенное место в цикле свадебных обрядов занимали обычаи и обряды, связанные со снятием избегания.

Первым обрядом этого цикла был “Свас элифарун” – приглашение невесты в дом дружка новобрачного. Он состоял в том, что ночью после третьего дня свадьбы невеста в сопровождении тети мужа с материнской стороны и жены его брата или золовок отправлялась в дом дружка мужа. В качестве подарка брали сумку сладостей, носков, кисетов и пр. В доме дружка готовили угощенье, приглашались родственники, соседи, друзья. Невеста с женщинами угощались в отдельном от мужчин помещении. Родители дружка одаривали молодую женщину каким-нибудь цен-

ным подарком (скотом, серебряными украшениями, носильными вещами и пр.).

Следующим из цикла послесвадебных обрядов был обряд снятия избегания между молодоженами и членами семьи новобрачного. Он заключался в том, что в ночь четвертого дня после свадьбы новобрачный в сопровождении друзей возвращался в свой дом, где в это время собирались его родственники. Собравшиеся угощались, но ни музыки, ни танцев при этом не устраивалось. Поздно ночью собравшиеся расходились. С этой ночи новобрачный оставался в своем доме.

Обряд снятия запрета избегания между новобрачной и сельчанами и включения ее в хозяйственную жизнь общества заключался в том, что через неделю после свадьбы новобрачная в сопровождении нескольких женщин-родственниц мужа и подруг, в свадебном наряде, шла за водой к дальнему роднику. Одна из сопровождающих ее подруг несла угощенье – халву, кур, сладости, хлеб, вареное мясо и пр. и раздавала их всем встречным независимо от пола и возраста. Одна из женщин (счастливая в браке и имевшая много детей мужского пола) наполняла кувшин и подавала молодой женщине со словами – “Ваз ин циз кьван бахтар хьурай. Вун ин квар хьиз ацӀурай” (“Пусть у тебя будет столько счастья, сколько его у воды”. “Будь полной, как этот кувшин” – в смысле пожелания ей потомства).

Последний из обрядов свадебного цикла – “АцӀунрал атун” (“возвращения домой”) – снятие запрета избегания между новобрачными и родителями и родственниками новобрачной, известный многим народам Кавказа и Дагестана с некоторыми локальными особенностями,⁵² совершался через месяц после свадьбы. Посещение новобрачными дома родителей молодой женщины до этого строго запрещалось адатом. До этого при встрече новобрачные избегали родителей и родственников новобрачной. В качестве подарков новобрачные несли вязаные носки, кисеты и обязательно – два-три подноса халвы. Родители новобрачной приглашали своих родственников, готовили угощенье. Молодожены оставались в доме родителей новобрачной несколько дней. В последующие дни новобрачных приглашали другие

родственники новобрачной. Каждый угощал и одаривал молодых (скотом, деньгами, тканями и пр.). Родители новобрачной одаривали молодых дорогими подарками – ружьем, скотом, деньгами и пр. С этого периода все члены обеих семей могли свободно посещать друг друга. Обычай “возвращения домой”, как и некоторые другие обычаи свадебного цикла специалисты относят к порядкам, выражающим материнско-правовое начало, вернее, пережитки стадии перехода от матрилокального к патрилокальному поселению.⁵³

В заключение отметим, что формы брака и брачной обрядности лезгин имеют много общего с другими народами Кавказа и Дагестана, но в то же время имеют ряд локальных особенностей.

Вся свадебная обрядность пронизана рядом магических действий и приемов, направленных на предохранение молодых от враждебных сил и обеспечение им благополучия. В некоторых обрядах наблюдается ярко выраженная направленность на обеспечение новобрачным потомства.

§ 3. Обряды и обычаи, связанные с рождением ребенка

Одной из главных функций или целей брака было рождение детей. От наличия или отсутствия детей зависело благополучие семьи. “Аял авачирдав иман авач” (“У кого нет детей, у того нет веры”) – гласит лезгинская поговорка. Чем больше детей в семье, особенно мужского пола, тем выше статус семьи. Самым страшным проклятием для молодой женщины было “Ваз веледдин чин такурай” (“Да не увидишь ты лица своего ребенка”). Поэтому уже свадебная обрядность, как мы видели выше, включает в себе ряд магических приемов и обрядов, направленных на обеспечение деторождения.

Уже с первых месяцев после свадьбы все близкие родственники молодых интересовались состоянием молодой женщины. При долгом отсутствии признаков беременности свекровь или золовки начинали выпытывать об этом у молодой женщины через ее подруг. Если беременность не наступала долго (год и больше), принимали меры. Универсальным средством при этом считалось паломничество на кладбище Кырхлер в Дербенте, где, по преданию, захоронены 40 шахидов – погибших за веру мусульман. Здесь до наших дней сохранилась каменная колыбель, которую после предварительных молитв и жертвоприношений бездетная женщина должна раскачивать. Если колыбель раскачивалась легко, считалось, что молодой женщине суждено иметь детей, в противном случае, т. е. если она не смогла раскачать колыбель, то обречена на полное бесплодие. Действенным средством лечения от бесплодия считалось паломничество к святому Мурад пир в Азербайджане. Лезгины Кюринского округа чаще всего совершали паломничество к святому дубу (“Чиллад тар”) около селения Хорель Магарамкентского района. Дерево имеет сквозное дупло, через которое бесплодная женщина после предварительных молитв, жертвоприношений и тройного обхода вокруг дерева, проходит. Существовало поверье, что если женщина была в чем-то грешна (взяла и не вернула вовремя чужую вещь, не отдала долг и т. д.), отверстие дуба сужалось и не пропускало ее. И лишь после покаяния и зарока о жертвоприношении дерево отпускало женщину. В селении Нутюг Касумкентского (ныне Сулейман-Стальского) района бесплодную женщину

протаскивали сквозь дыру (напр., в заборе), через которую перед этим прошла собака. В этом селении от бесплодия вылечивали и другим, оригинальным способом, при котором при непрерывном чтении кулгу (молитвы) по телу женщины с головы до ног три раза проводили штанами ее мужа. В селении Каракюре бесплодная женщина проходила под мостом. Местом паломничества женщин со всех лезгинских районов был Касум утаг (комната святого Касума) в селении Мискинджа. Для этого в определенный день (один из завершающих дней траура по убиенным на войне Гусейну, Али и Касуму, который жители этого селения отмечают ежегодно), когда группа мужчин поднимает на плечи Касум утаг (деревянный домик с богатым интерьером – жертвоприношениями верующих), бесплодная женщина вместе с другими паломниками проходила под ним. При этом она целовала деревянную основу домика и шепотом молила святого Касума о помощи. После исполнения ее заветного желания, т. е., когда у нее рождался ребенок (в народе до наших дней говорят, что святой Касум почти всегда помогает страждущим, если они не обременены слишком большими грехами), молодая мать возвращалась к святому Кыасуму с жертвоприношениями (ковром, дорогим платком, сладостями, жертвенным скотом и т. д.).

Жители селения Зрых и других селений Самурского округа водили бесплодную женщину к могиле “Девушки и юноши” (Рушанни хчин сур), считавшихся покровителями любви и брака. С этим местом в народе связана легенда о влюбленных, которые вынуждены были убежать из селения из-за родственников, не желавших их брака. Спустя несколько месяцев после бегства их нашли мертвыми. Никто не знал причину смерти – сами ли они себя убили или их настигла месть родственников. Они лежали обнявшись. Сельчане похоронили их на месте смерти и с тех пор на их могиле, как уверяют местные жители, каждую весну вырастает цветок, имеющий форму обнявшихся людей. Паломницы после предварительных жертвоприношений, моления, ложились около могилы и старались заснуть. Если во сне бесплодная женщина видела детскую люльку, считалось, что моления и жертвы ее приняты, в противном случае она уходила, потеряв всякую надежду стать матерью. Аналогичное святилище имелось в горах около Кяхула.

При бездетности лезгины прибегали и к приемам от-носительно рационального порядка. Так, универсальным средством от бесплодия считалась процедура “юкь кахчувун” (выпрямление спины), заключающаяся в том, что через плечи и ноги женщины продевали веревку, концы которой вдевали в каталку. Каталку крутили у поясницы до тех пор, пока голова и ноги не соприкасались. Процедуру повторяли три раза, после чего женщину закутывали в только что снятую шкуру мелкого рогатого скота и давали ей пропотеть. После этого она три дня не должна была вставать с постели, а в последующий период остерегалась поднимать тяжести. При воспалительных процессах прибегали к процедурам согревающего характера – к низу живота подвязывали тряпку с голубиными экскрементами и пшеничной трухой.

Причиной бездетности чаще всего считалась чилла – рок бездетности, некая безликая сила, вредящая женщине, делающая ее бесплодной. Чилла вызывалась разными причинами. Чаще всего источником чиллы служил покойник. Если свадебная процессия встречалась с похоронной, считалось, что невеста обречена на бесплодие (если не принять срочных мер). Чиллу мог занести и человек, который после участия в похоронах приходил на свадьбу. Чтобы избежать роковых последствий, прибегали к охранным мерам – стирали рукавицы, в которых обмывали покойника, и этой водой купали молодую женщину и три раза при непрерывном чтении кулгу обливали ее этой водой. Молодую женщину проводили под похоронными носилками. В селении Нутюг бесплодная женщина три раза проходила под носилками, на которых лежал умерший старый человек. Для этого носилки специально поднимали несколько человек. Из соображений этики это не допускалось в отношении молодых покойников. Что касается стариков, то считалось, что они заслужат регмет (покойную жизнь в загробном мире), если помогут страждущей.

Чилла могла поразить молодую женщину, если в одном селении одновременно проходили две свадьбы и кто-нибудь с одной свадьбы приходил на другую. Если одна из молодых женщин долго не беременела, то считалось, что ее поразила чиллой другая невеста. В таких случаях у последней просили кусок носильной вещи, сжигали его и окуривали женщину.

Помимо этого брали у счастливой новобрачной, т. е. у той, которая забеременела, воду, в которой последняя мыла руки, и этой водой купали бездетную. Лезгины Самурской долины считали, что причиной чиллы может быть и птица, которая пролетела над головой невесты. Чтобы выявить причину чиллы, в селениях Каракюре и Усуччай использовали следующий способ: растапливали пчелиный воск и выливали его через ушки ножниц. Затвердев, воск принимал определенную форму, по которой определялся виновник чиллы, т. е. если воск принимал удлиненную форму, виновником чиллы считался человек, вернее, покойник; если форму, хоть отдаленно напоминавшую птицу, считалось, что чилла вызвана птицей и т. д. Чтобы обезвредить чиллу, воск размельчали и со словами “Чилла-кьада алатрай” (“Да уйдут чилла и беды”) разбрасывали во все стороны.

Лучшим способом снятия чиллы считалось прохождение бесплодной женщины через сквозную дыру, вырытую на кладбище с ориентацией к кибле (в сторону Мекки). Более действенным считалось, если процедуру проводили в начале весны, в дни Яр – весеннего праздника лезгин.

Известие о предстоящем рождении ребенка принималось с радостью. С периодом беременности связан ряд поверий, основанных главным образом на вере в особую активность злых сил в период наибольшей уязвимости, здесь – в период беременности женщины. Чтобы обеспечить безопасность матери и носимого ею ребенка, лезгины прибегали к ряду мер, в основе которых лежит предохранительная магия. Так, беременной женщине запрещалось в ночное время выходить на улицу, выливать за порог горячую воду (чтобы не наступать на джиннов и не обливать их горячей водой), ибо считалось, что джинны в ночное время появляются у жилищ людей. Навредив им, беременная женщина подвергалась их мести.

Существовал ряд поверий, связанных с пищевыми продуктами. Беременная женщина должна была удовлетворять все свои прихоти в отношении пищи, иначе ребенок мог родиться с каким-нибудь физическим недостатком. В отношении некоторых продуктов соблюдался строгий запрет. Так, запрещалось есть зайчатину, иначе ребенок родится с заячьей губой. Беременной запрещалось смотреть на покойника, на то, как убивают скот и т. д.

По некоторым приметам определялся пол ребенка. У лезгин существовало поверье, что пол ребенка предопределялся свыше. Считалось, что в момент зачатия ребенка прилетали ангелы, и оттого, какого они (ангелы) пола, зависел пол будущего ребенка. Пол ребенка определялся по форме живота: если он большой и плоский – родится девочка, если маленький и выпуклый – мальчик. Существовали и пищевые определители: если беременную женщину тянуло к острым блюдам – родится мальчик, сладким – девочка. Рождение ребенка предвещали вещие сны (самой беременной или ее родных). Если во сне виделись змея и рыба – это к рождению мальчика, а если мыши и лягушки – к рождению девочки.

В первый период беременности молодая женщина не освобождалась от домашних работ, за исключением поднятия тяжестей. Но в последние 2–3 месяца она выполняла лишь легкие работы – уборку помещений, приготовление пищи, выпечку хлеба и пр. Значительную роль здесь помимо заботы о ее здоровье и благополучии ребенка играли и этические нормы, предписывающие женщине скрывать свою беременность: женщина при явных признаках ее состояния избегала старших, особенно мужчин, и не только родственников (мужа и своих), но и сельчан. Особенно тщательно в этот период она избегала мужчин своего, отцовского рода – отца, братьев и родственников с отцовской и материнской сторон. Беременная женщина не посещала общественные праздники, свадьбы и др. Нарушение этих норм этикета вызывало нарекания старших, которые воспринимали это как неуважение к себе. Если беременная женщина почему-то появлялась в общественном месте без особой необходимости, все (особенно женщины) с осуждением говорили: “Адаз килиг, руфун кIетГе хъиз кьуна халкъдин вилик атанва” (“Смотрите на нее, появилась перед людьми, держа живот, как горшок”).

При первых признаках родов мужчины дома, в том числе и подростки, уходили к соседям и родственникам, ибо считалось неприличным оставаться в доме, где проходят роды.

Роды принимала мамачи – повитуха, которая имела почти во всех селениях лезгин. Помогала ей опытная в этом женщина. При трудных родах прибегали к приемам, в основном магического порядка. В мечетях многих селений имелись специальные священные сосуды из Мекки – кябедин чанг;

при трудных родах служители мечети с соответствующими молитвами проводили процедуру – “кябедин чанг ахъайун” (“Раскрытие священного сосуда”), при котором сосуд погружали в воду, где он раскрывался. Считалось, что в этот момент женщина разрешается от бремени. При особенно трудных родах прибегали к чрезвычайным мерам – снимали двери мечети и даже разбирали часть ее кровли. В селении Филя Самурского округа для облегчения родов обращались к помощи женщины, известной тем, что когда-то она осмелилась перечить своему мужу. Считалось, что роды ускорятся, если роженица выпьет воду, в которой помыла руки и лицо такая женщина. Вполне возможно, здесь помимо магического момента присутствует и чисто физиологический фактор – отвращение, которое испытывает беременная женщина, принимая эту воду, могло усилить потуги и ускорить роды. Прибегали также и к раскачиванию беременной в одеяле. Делали также массаж живота, проводя руками сверху вниз. Помимо всего этого прибегали к приемам апотропической магии – распускали беременной женщине косы, раскрывали ножницы, развязывали узлы, раскрывали сундуки и пр.

Смерть женщины при родах приписывали вмешательству Ал-паб – демоницы, вредящей роженице и ребенку. По поверьям н ,ода, она проникала в помещение, где проходили роды, вытаскивала внутренности женщины и погружала их в воду где-нибудь поблизости. Роженица и ребенок погибали (подробно об этом мы скажем в части работы, касающейся религиозных верований лезгин). Чтобы отпугнуть Ал-паб, стреляли из ружей, били в медную посуду, крутили ослу хвост и уши, чтобы он ревел от боли, кричали и т. д.

Женщины держали язык и уши роженицы, чтобы Ал-паб не вытащила их вместе с внутренностями. Если удавалось поймать демоницу до погружения ею внутренностей женщины в воду, и под угрозой отрезать ей косы (которыми она весьма дорожила) заставляли ее водворить внутренности обратно, роженицу и ребенка можно было считать спасенными.

Сразу после рождения ребенку разрезали пуповину и перевязывали рану. Сверху накладывали повязку, которую не снимали до отпадения пуповины.

С пуповиной и плацентой, как и с некоторыми другими

частями и органами тела (первым зубом, первыми волосами, ногтями и др., о чем мы скажем ниже), у лезгин, как и многих народов мира,⁵⁴ связаны представления о магической связи, якобы существующей между ребенком и отделенными от него частями тела. По поверьям народа, их повреждение или потеря могут повредить ребенку. Поэтому их прятали и хранили в надежном месте.

Сразу после рождения ребенка обмывали теплой водой и первые несколько дней укладывали рядом с матерью. Мать кормила ребенка через несколько часов после рождения (через 3–4 часа). В тех случаях, когда молока не хватало, приглашали другую женщину (родственницу, соседку или просто сельчанку, кормящую ребенка). Между такими семьями впоследствии устанавливались близкие, родственные отношения. Дети становились молочными братьями или сестрами. Браки между ними считались кровосмесительными и строго запрещались адатом и шариатом. Они стояли чуть ли не на первом плане в числе ограничительных и запретительных браков.

По поверьям лезгин, судьба ребенка предопределялась до его рождения. Считалось, что все то, что его ожидает в жизни, бог заранее записывает ему на лбу. В народе бытовала легенда о том, что отец и его малолетний сын заготавливали дрова, и сын случайно ободрал на лбу кожу. Подбежавший на помощь отец с удивлением увидел, что на лбу его написано, что сын умрет юношей, утонув в реке. С той поры отец ни на шаг не отпускал сына от себя, но в конце концов последний утонул в ручейке, который внезапно превратился в бурную реку, как только он вступил в него.

К рождению сына и дочери лезгины, как и все горцы Дагестана и Кавказа, относились по-разному. Весть о рождении сына воспринималась с радостью. Отец, дед и другие родственники молодого отца одаривали вестника ценными подарками. Сын – продолжатель рода. Он столб дома (кІвалин даях я). Дочь же – оторванный кусок (агІай клус я), согревает чужой очаг (чарадан кьул кьени ийида). Тем не менее, лезгины особых торжеств по случаю рождения сына, за редким исключением, не устраивали. На второй день после рождения ребенка (независимо от его пола) готовили ритуальную хашил – мучную кашу с маслом и

медом или сахаром (у азербайджанских лезгин – с душистым медом – патокой из ягод тутовника). Этому блюду придавали такое значение, что когда лезгинки шли поздравлять с рождением ребенка, говорили, что идут “есть хашил”. При рождении сына помимо этого готовили и халву, а иногда и мясные блюда.

Послеродовой период также связан с рядом поверий, ограничений, запретов. Так, 40 дней после родов считались особенно опасными для роженицы и ребенка. В этот период они особенно подвержены чиллы. Для снятия чиллы применяли те же меры, что и при бесплодии (брали землю с места, куда выливали воду, в которой мыли покойника, и, разведя ее водой, обмывали ею ребенка, протаскивали через сквозную дыру, вырытую на кладбище и т. д.), ибо и здесь считалось, что виновником чиллы мог быть покойник, вернее, человек, который, побывав на похоронах, пришел в дом, где есть роженица. В Усухчае и Каракюре применяли чиллад чанг, плоскую железную тарелку с сорока отделениями с выбитыми на дне посуды арабскими буквами. Для снятия чиллы, все отделения тарелки в сопровождении молитв наполняли водой, после чего этой водой обмывали больного ребенка. Процедуру продолжали и после сорока дней после рождения ребенка независимо от его состояния (болен он или здоров) в течение нескольких недель.

Считалось, что в первые 40 дней ребенок и роженица особенно подвержены сглазу. Более всего боялись сглаза бездетной женщины. Оберегом от сглаза служило сырое яйцо, которое клали в прозрачный сосуд с водой и ставили на видное место в комнате роженицы. Считалось, что злой умысел, направленный на мать и ребенка, попадал в яйцо и оно лопалось или протухало. Под подушку ребенка клали какой-нибудь острый предмет – нож, ножницы, иглу, гвоздь и пр., чтобы отпугнуть злых духов. Лоб ребенка мазали сажей, за дверь ставили веник, чтобы напугать и отвлечь джиннов и т. д.

Через несколько дней после рождения ребенка укладывали в колыбель. С колыбелью у лезгин, как и у других народов, связаны некоторые поверья – нельзя качать пустую колыбель, иначе у молодой женщины не будет больше детей, нельзя передавать через перекладину колыбели ре-

бенка – это повредит ему и пр. Через несколько дней после рождения ребенка нарекали именем. Особых торжеств при этом не устраивали. Имя обычно выбирали до его рождения и обсуждали в семье. Часто детям давали имена дедушки и бабушки, если их уже не было в живых. В таких случаях имя менялось его заменителем: Отец (Буба), Мать (Диде). Мальчикам часто давали имена Мухаммеда (Ахмед, Мустафа, Мухаммед) или его родственников и сподвижников (Али, Хусейн, Омар, Осман) или имена других пророков – Давуд, Сулейман, Иса и др. Верили, что имена святых приносят счастье и покровительство святых тем, кто их носит.

Если ребенок часто болел, ему меняли имя, чтобы обмануть злых духов, вредящих ему.

В колыбели ребенка держали около года, после чего укладывали около матери или бабушки, а после трех лет – с отцом или дедом (мальчиков), с бабушкой (девочек).

Первую стрижку производили через 40 дней после рождения ребенка. Их обривал дед или какой-нибудь родственник. К обрityм волосам – чиллад чларар – относились весьма бережно: их тщательно завязывали в чистую тряпку и прятали в недоступном месте. Считалось, что недоброжелатель мог использовать их для сабаб – амулета, вредящего ребенку. Если ребенок болел, их доставали и проводили ими по его телу.

Так же тщательно прятали и хранили первый выпавший зуб. Пряча его куда-нибудь (в щель в стене, между балками потолка и пр.) приговаривали: “Зи сас кьифраз, кьифрен сас заз” (Мой зуб мышке, зуб мышки – мне), ибо верили, что благодаря симпатической связи, продолжавшей существовать между выпавшим зубом и его бывшем владельцем, его зубы станут такими же крепкими и белыми, как зубы мыши.

Согласно предписанию сунны, мальчикам производили обряд обрезания – суннат, сурнет. Строгой регламентации сроков обрезания не было, но считалось предпочтительным делать это как можно раньше. Для этого приглашали опытного в этом деле человека – суннатчи, сурнетчи. При этом собирались все родственники, соседи, друзья дома, которые одаривали ребенка каким-нибудь подар-

ком – носильными вещами, скотом и пр. Хозяева готовили угощение, часто приглашали музыкантов (особенно при обрезании первенца или долгожданного ребенка). Кусок отрезанной плоти хранили в банке с маслом (чтобы рана зажила безболезненно).

Дети с самого рождения становились объектом забот и внимания всех членов семьи. С 3–4-летнего возраста для девочек мастерили нини-куклы. Их обычно делали из старых лоскутков и шерсти. Все это происходило перед заинтересованными глазами девочки, которая и сама пыталась что-то резать, шить и, таким образом, с детства приобретала навыки кройки и шитья. Игрушками служили разные камешки, самодельные мячи, набитые шерстью, вырезанные из дерева фигурки (людей, животных, птиц) и пр. Девочки часто играли в камешки, чуну-чунух (прятки). Любимой игрой девочек была игра в “свадьбы”, в которой одна из девочек играла роль невесты.

Мальчики играли в более подвижные игры – кинт-лаш (городки), альчики, в мяч и т. д. Среди детей (мальчиков и девочек) распространены были словесные развлечения-загадки (имуча-муча – что это?), рассчитанные на сообразительность.

Дети принимали самое деятельное участие во всех праздниках, обрядах, некоторые из которых (Пеш апай – обряд вызывания дождя) происходили исключительно с участием детей.

Большое значение придавалось трудовому воспитанию детей. Именно труд определял моральные, физические и другие качества человека. Умение трудиться, его (человека) отношение к труду, были основными определителями его достоинств. Все это внушалось детям с самого детства. “Аял кепинаваз, дана эпинамаз” (“ребенка с колыбели, теленка, пока он на веревке (на привязи)”, – говорили лезгины, имея в виду воспитание детей с раннего детства).

В каждой семье детей стремились обучить всем необходимым видам работ, связанных с сельским хозяйством, животноводством, т. е. тем трудовым процессам, которые будут им необходимы в повседневной жизни. Девочки уже с 4 – 5-летнего возраста учились подметать пол, двор, подносить

топливо, ухаживать за младенцем и т.д. Мальчики выгоняли скот, пасли лошадей, принимали посильное участие в перевозке сена, молотье и т. д.

Заключая изложенное, отметим, что обряды и обычаи детского цикла лезгин обнаруживают много общего с такими у других народов Дагестана и Кавказа, но в то же время имеют локальные особенности (в приемах лечебной магии, при бесплодии, обрядах, связанных со снятием чиллы и пр.). Многие охраняемые меры, направленные на обеспечение благополучных родов, включали положительные практические действия, выработанные многими поколениями. Другие, которые можно характеризовать как ритуальные, скорее носили магический характер и часто могли давать положительный результат, основанный на психотерапевтическом воздействии. Многие правила, запреты в период беременности женщины, которым в народе придается магический смысл, на деле, впитав в себе многовековой опыт и наблюдения, направлены на обеспечение беременной женщине физической безопасности, душевного покоя, что в конечном счете отражается и на ребенке, носимом ею.

§ 4. Похоронные обычаи и обряды

Обряды и обычаи погребально-поминального цикла лезгин в большей степени, нежели все остальные обряды и обычаи семейного быта, подвержены влиянию ислама. В основе своей они почти идентичны у всех мусульманских народов, хотя и имеют некоторые местные особенности.

Прежде чем приступить к описанию обрядов и обычаев погребально-поминального цикла лезгин исследуемого периода, не лишне, на наш взгляд, обратиться к археологическим раскопкам на территории лезгин, что позволяет установить существование иных, отличных от мусульманских обрядов, в частности, относящихся к способам погребения. Это Мугерганский могильник, относящийся к периоду перехода от поздней бронзы к раннему железу – рубежи III тысячелетия до н. э., памятники раннего железа – VII–IV в. до н. э., близ совхоза им. Герайханова, селений Мака, Цмур, Шаракун. Мугерганский могильник свидетельствует, что покойника хоронили не в лежащем, а в скорченном положении, на боку, в грунтовой яме с обмазанным дном, перекрытой каменными плитами, плоскими речными валунами. У изголовья покойника ставили глиняные сосуды.⁵⁵ В различных погребениях Макинского могильника обнаружено много изделий из железа: обломок меча, обломки сильно окислившихся ножей, многочисленные обломки сосудов и разнообразных по форме, цвету и величине бусы, височные кольца из бронзы и серебра, изделия из сплава свинца и олова. Погребальный обряд идентичен Мугерганскому (глубокие грунтовые ямы с скорченным захоронением на боку, сопровождаемым глиняными сосудами).⁵⁶

Замечательным памятником эпохи раннего железа является курганный могильник в местности Шаракун близ совхоза Герейханова. Он состоит из пяти курганов. Каждая курганная насыпь имеет продолговатую яйцевидную в плане форму при высоте до 5 м и длине до 35 м. Здесь найден большой керамический материал, кости крупного рогатого скота, овцы, свиньи.⁵⁷

Перейдем к обрядам и обычаям погребально-поминального цикла относительно близкого к нашему времени периода, т. е. XIX – нач. XX в.

Следует отметить, что из всех обычаев и обрядов семейного быта самыми консервативными остаются обряды и обычаи, связанные со смертью и похоронами.

У постели тяжелобольного собирались родственники, соседи. Узнав о безнадежном состоянии больного, кто-нибудь постоянно дежурил у постели последнего. Подготавливали человека, умеющего читать ясин. О приближении смерти узнавали по ряду примет и признаков, как реального порядка, т. е. исходя из состояния больного, так и относящихся к верованиям и приметам религиозного характера. Так, считалось, что смерть предвещает обострение носа и западение ноздрей, беспокойные движения рук и т. д. Приближение смерти предвещали сны: явление умершего сородича, зовущего больного с собой, выпадение зуба, обвал кровли жилища и пр. Плохой приметой считалось, если больной или его близкие видели во сне буйвола. К предвестникам смерти относилось необычное поведение животных: так, если курица кричала петухом – значит, это к смерти. Чтобы предотвратить беду, ее резали и давали кому-нибудь в качестве садака. Самым реальным признаком приближения смерти считался вой собак. Считалось, что они видят ангела смерти Азраила (Джабраила).

При приближении смерти все родственники собирались у постели больного. Спрашивали его последнюю волю, последнее желание, просили у него прощенья за реальные или возможные обиды (о которых просящий не знал). Больного укладывали на пол, головой к югу – Мекке. Когда наступает агония, мулла начинает читать ясин (сначала тихо, с наступлением смерти – громко). Сразу после наступления смерти покойнику закрывают глаза и завязывают челюсть. Мужчины выходят во двор, женщины окружают умершего, соблюдая степень родства (у изголовья – мать, дочь, у ног – сестры и т. д.) и громко оплакивают умершего. Мужчины во дворе читают дуа. Спустя некоторое время приступают к процедуре обмывания покойника. При этом присутствуют только те, кто непосредственно участвует в обмывании, ибо считается, что покойник «очень стыдится своей наготы». Один наливает воду, второй переворачивает покойника, третий обмывает. Это в основном пожилые люди, известные своим благочестием. Мужчину обмывают мужчины, женщину – женщины.

При этом надеваются специальные белые рукавицы. Тот, кто поливает воду, читает специальную молитву. Обмывают на специальных носилках – гур (лег), под которыми ставится корыто, куда стекается вода. Воду выливают в чистое место, куда не ступает нога человека (в уголок двора, огорода). Затем покойника облакают в саван (кафан). На женщину надевают на один слой больше (от 3-х до 5-ти), на мужчин около 3-х слоев. Перед тем, как завернуть в саван, на женщину одевают еще и белую рубаху – эхиратдин перем (последнюю рубаху), голову завязывают белым или зеленым платком. Саван завязывают у головы и ног. Сверху по возможности закутывают еще и в зеленый материал (шелк, саржу и пр.). Если умирает беременная женщина, для неродившегося младенца на грудь матери кладут дополнительный кусок белой ткани. Ноздри и уши покойника закрываются ватой, а челюсть завязывается платком, что, по всей видимости, связано с поверьем о том, что душа человека отлетает через рот и ноздри. Возможно, обычай порожден извечным страхом людей перед душами умерших, что заставляет их заточить душу умершего в его земной оболочке, или, наоборот, страхом возвращения духа в тело умершего.

После завершения облачения мулла читает ясин. Женщины начинают оплакивание. Плачи–причитания выражают скорбь по умершему: по осиротевшим детям, горе матери, сестер и т. д. При этом одна из женщин начинает оплакивание, говорит о достоинствах умершего, о горе родных и т. д., в паузах все остальные женщины громко рыдают, близкие родственницы бьют себя в грудь, по коленям. Элемент самостязания близких родственников наиболее ярко выражается в поведении сестер, оплакивающих брата. По обычаю они распускают волосы и рвут их. Видимо, это трансформировавшийся элемент (обычай) отрезания кос в прошлом. До наших дней у лезгин сохранилось проклятье – “Киф атлай вах” (Да отрежешь ты косы по брату).

Плачи включали в себя элементы упреков умершему. Так, обращаясь к покойному, оставившему детей, лезгинки причитают: “Вуна балаяр нел вигъизва? Абруз ни фу гуда?” (На кого ты оставляешь детей? Кто их накормит?). Мать, потерявшая сына, говорит: “Вучиз вун залай вилик фена? Зун гила сура ни твада?” (Почему ты ушел раньше меня? Кто те-

перь меня похоронит?). Иногда плач ведется как бы от имени самого покойного: “Чан диде, буба, стхаяр, вахар! Зи балаяр квел аманат я”. (Дорогие мать, отец, братья, сестры! Поручаю вам своих детей). Иногда две женщины вступают в диалог – одна от имени покойника, другая от имени его родных.

Яркие образцы песен–плачей опубликованы в сборниках песен лезгин. Приведем краткие фрагменты:

Песня-плач по сыну:

Къвекъведайла чил зурзадай
Акъахайла шив къугъвадай
Жергеда чка амай
Хва вай, дидедин!

Рехъ авачир хуъруъз физвай
Рақлар квачир кІвализ физвай
Беркъубадиз аватзавай
Хва вай, дидедин

Когда ты шел – земля дрожала,
Когда садился на коня – конь играл,
В кругу друзей место осталось
О, сын матери!

Ты идешь в село без дороги,
В дом без дверей,
В темноту погрузишься.
О, сын матери!⁵⁸

Плач жены по мужу:

Гурмагъдин гум атІай
НикІерикай гум хкатай
Дердиниз дарман тахъай
Аллагъдиз тува татай
Я иеси ясарин

Ви балаяр за гикІ хуъда?
Ваці атайла ваціув вугудан?

ЦІай авай тІанурдиз вигъидан?
Заз абурун гъил гъиле къуна
Уъркъутмиш жаз кІанзава
Я иеси ясардин!

Погас наш очаг,
С полей исчез урожай,
Твоей болезни не было лекарства,
И Аллах тебя не пожалел.
О, мой хозяин!

Как мне воспитать детей?
Бросить их в реку?
Или в огонь?
Возьму их за руки,
Уйду, куда глаза глядят.
О, мой хозяин!⁵⁹

Плач дочери по отцу:

Чи акъун хкатиц къав ацахъна
Кирпич къакъятиц цал ацахъна
Парудин пад галатай
КІеледин кІук алатай
Малдин мелик
Мулкунин шерик
Чан буба рушан
Къизилдин дестек
Буба рушан.⁶⁰

Упал опорный столб – рухнула крыша,
Упал кирпич – рухнула стена,
Крепости часть рухнула,
Крепости стена упала,
Хозяин скота.

О душа моя, отец,
Золотой столб (дома),
Отец дочери!

Когда умирал жених:

Цамни тупАл ягълухъдик кумай
Уълчияр рекъел аламай
Яр къаншардал аламай
Либасар чиркин тахъай
Суруз къисмат хъай
Хва дидедин!⁶¹

Браслет и кольцо остались,
Сваты посреди дороги остались,
Любимую оставил,
Наряды неизношенными оставил,
Для могилы предназначен.
О, сын матери!

Когда умирал юноша, молодой мужчина или нестарый глава семьи, лезгины Курахского района плач начинали с воспоминаний о шахских хараманах (см.: в начале работы о борьбе народа с Надир-шахом и “шахских хараманах”), тем самым напоминая всеобщего народного горя, “... усиливая эмоциональную траурную обстановку в каждом конкретном случае смерти человека”.⁶²

Ай, шагъ-шагъ, вай шагъи-шагъ
Шагъ хармандин югъ я
Иеси квахъайдан югъ я
Жегъил фейи югъ я!

Ай, шах-шахов, вай, шах-шахов,
Сегодня день шахского хармана,
Потерявшей хозяина (в смысле – мужа) день,
День ухода молодого.⁶³

Часто в плачах вспоминают и оплакивают умерших незадолго до этого, особенно молодых людей.

Песен-плачей у лезгин великое множество, многие из них опубликованы. Многие песни-плачи персонифицирова-

ны, т. е. в общую канву плача часто вносились выражения, предназначенные именно данному покойнику, исходя из его возраста, пола, социального положения и т. д. Так, при смерти старого человека говорили о его долгих муках, болезни, о его заслугах перед семьей и тухумом, затем выражалась радость по поводу того, что он оставил многочисленных продолжателей рода и пр. В песнях-плачах по умершему на чужбине (“гъурбатда къейидаз”) говорилось о его одиночестве, тоске по родному краю и т. д.

В первый и третий дни после смерти, затем и на седьмой день лезгины, как и все горцы Дагестана и Кавказа, резали скот и готовили угощение. Каждая семья, даже малообеспеченная, считала своим долгом справить поминки по умершему. В похоронах и поминках участвовали не только родственники, но и все сельчане и нередко – люди из соседних селений, в которые отправлялись специальные всадники – “къара хабар гувайбур” – (всадники черной вести”). Так, на похоронах умерших в Усухчае, Каракюре и др. участвовали мискинджинцы, микрахцы, каладжухцы и др. Участие было взаимным. Уклонение от тазие – выражения соболезнования семье умершего, осуждалось обществом.

Умершего хоронят в день смерти, если она наступила до полудня, на второй день, если человек умер после полудня или ждали отсутствующего близкого родственника – сына, отца, дядю и т. д. За два-три часа до похорон на кладбище отправляются несколько человек (не обязательно родственники) для рытья могилы. Могилу роют с ориентацией на Мекку, глубиной около 2-х метров и шириной 1 метр. В стенке делают лакан-нишу, куда укладывают покойника. Глубина могилы для женщин и мужчин разная – для женщин примерно на полметра глубже, чем для мужчин. Объясняется это тем, что мужчина считается чище женщины. Похоронные носилки поднимали на плечи несколько близких родственников – сын, отец, братья, двоюродные братья. Несли, не ставя на землю, меняя друг друга. Шли очень быстро, чтобы быстрее доставить покойного на кладбище и предать земле, ибо считалось, что земля ждет его и покойник сам стремится к зем-

ле, из которой он вышел и куда возвращается (“накъвадикай хъана, накъвадиз хъфизва”). По прибытии на кладбище похоронные носилки ставят около могилы, мулла читает дуа, в которой выражается пожелание умершему покоя, райской жизни, просьба к богу о прощении его грехов т. д. Присутствующее в конце каждой фразы произносят “аминь”. После этого два человека спускаются в могилу, несколько человек передают им покойника. Перед укладыванием в лакан – (нишу) ему развязывали узлы у головы и ноги укладывали так, чтобы большой палец правой ноги и правая щека касалась земли; нишу закладывали плоскими камнями. Могилу засыпают очень быстро, передавая друг другу лопаты. При этом строго соблюдалась степень родства – первыми бросали землю близкие родственники (отец, сын, брат), затем двоюродные братья, после – все остальные. У изголовья устанавливали надмогильный камень, который со временем заменяли специально изготовленным высоким камнем с именем покойного. Могильный холмик поливали водой из взятого с собой кувшина. Считалось, что когда вода попадает на лицо покойного, он пробуждается и предстает перед ожидающими его ангелами Мункиром и Накиром. Присутствующим раздают хлеб с халвой и куски мяса. После завершающей молитвы участники похорон возвращаются в дом умершего. Во дворе дома их ожидает кто-нибудь из родственников умершего и льет им на руки воду. Затем заходят в комнату и садятся за поминальную трапезу. После еды снова совершают дуа, и мужчины выходят во двор дома, где три дня утром и вечером совершают дуа. На третий день после похорон мужчины утром идут на кладбище к могиле умершего и читают дуа. Все три дня после похорон в доме умершего готовят угощение и кормят всех приходящих. Ночью третьего дня совершают зикр, который повторяют сто раз – “Я илла-ла-гь илла-ла”. Женщины и мужчины при этом сидят в разных комнатах.

В традиционной похоронной обрядности лезгин отсутствуют поминки на 40-й, 52-й дни и годовщину. Но в семье в течение года специально режут много скота и раздают агсан (жертвоприношение) из расчета около 1 кг на каждый дом.

В доме умершего устраивается угощение – шурва, халва и др. с приглашением всех родственников, соседей. Принимая поминальную пищу, присутствующие говорили “Къейидан пай хъуй” (Пусть будет доля умершего). Забота об умершем не прекращается и в последующем. Родственники посещают своих покойных сородичей по праздникам (Курбан и ураза байрам, на праздник весны – Яран сувар и др.). При этом на могилах умерших раздается садака – халва, хлеб, сладости и пр. Мертвых не забывают и в случаях семейных торжеств (свадьбы, рождение детей и т. д.) – обязательно выделяют долю умерших.

У лезгин, в отличие от многих другие народы Дагестана, специальной траурной одежды не было. Старые женщины, как и в повседневной жизни, приходят в темных одеждах. Женщины среднего возраста и молодые надевали повседневную одежду не особенно ярких цветов. Мужчины ограничивались тем, что не брились сорок дней.

Через несколько дней после похорон в семье умершего приступали к очистительным мерам – всю одежду умершего раздавали: часть участникам его обмывания, часть нуждающимся сельчанам. Постельные принадлежности умершего тщательно стирали, посуду, к которой он прикасался, тщательно мыли, комнату, в которой он лежал, белили белой глиной. По поверьям лезгин, все эти меры связаны с тем, что Джабраил отнимает жизнь, перерезав своей жертве горло, и хлынувшая при этом кровь забрызгивает все вокруг.

Приведенный материал позволяет сделать некоторые выводы.

В семейно-бытовой обрядности лезгин, связанной со смертью, погребением и поминовением человека, при кажущемся приоритете мусульманских традиций прослеживаются реликты древних языческих верований. Прежде всего это касается способов погребения. Глубина могильной ямы, устройство ниши (лаканы), которую еще закладывают камнями, устройство поминок и т. д. – все это восходит к атавистическому страху людей перед мстительностью мертвых. К этому же разряду представлений относится обычай хоро-

нить мертвого в день смерти (чтобы скорее избавиться от его духа, который, по представлениям древних, до похорон витает около своей телесной субстанции) и поспешное возвращение с кладбища (чтобы дух умершего не догнал их) и т. д. Страх перед духом умершего заставлял живых оказывать ему почтение, устраивать поминки и т. д.

Обрядность похоронно-поминального цикла менее всего подвержена изменениям и в силу своей консервативности донесла до наших дней самые стадийно различные представления и культовые действия.

В обрядах похоронно-поминального цикла лезгин много общедагестанского, общемусульманского. Это видно по содержанию обрядов, различным представлениям, часто по терминологии и т. д., что является результатом как общности исторических судеб (в частности – распространение ислама), так и общности социально-экономических, культурных условий и этнокультурных связей.

Примечания

1. Подробно о семейной общине и большой семье горцев Дагестана см.: *Магомедов Р.М.* К вопросу о семейной общине в Дагестане // Труды II научной сессии Дагестанской базы АН СССР. – Махачкала, 1947; Его же. Общественно-экономический строй Дагестана в XVIII – нач. XIX в. – Махачкала, 1957; *Гаджиева С.Ш.* К вопросу о тухуме и большой семье у каякентских кумыков // СКИЭ, 1952. Вып. 14; Ее же. Кумыки. – М., 1961; *Косвен М.О.* Семейная община и патронимия. – М., 1963; *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Очерки истории Южного Дагестана // Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до нач. XX в. – Махачкала, 1964; *Агаширинова С.С.* Материальная культура лезгин XIX – нач. XX в. – М.: Наука, 1978; *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – нач. XX в., – М.: Наука, 1988 и др.

2. См.: *Агаширинова С.С.* Материальная культура лезгин XIX – нач. XX в., – М.: Наука, 1978. – С. 121–154.

3. См.: *Хан-Магомедов С.О.* Лезгинское народное зодчество. – М.: Наука, 1969. – С. 28–29.

4. См. также: *Агаширинова С.С.* Указ. раб., – С. 136.

5. *Косвен М.О.* История и этнография Кавказа. – М., 1961. – С. 32.

6. *Агаширинова С.С.* Указ. раб. – С. 136.

7. См.: *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. Т. 2. – М., 1890; *Леонтович Ф.И.* Адамы кавказских горцев // Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 2. – Одесса, 1882–1883; *Косвен М.О.* История и этнография Кавказа. – М., 1961; Его же. Семейная община и патронимия. – М., 1963; *Магомедов Р.М.* К вопросу о семейной общине в Дагестане // Труды 2-й научной сессии Даг. ФАН СССР. – Махачкала, 1949; *Хашаев Х.О.* Общественный строй Дагестана в XIX в. – Махачкала, 1967; *Гаджиева С.Ш.* К вопросу о тухумах и большой семье у каякентских кумыков // КСИЭ. Вып. XIV, 1952 и др.

8. *Хашаев Х.О.* Общественно-экономический строй Дагестана в XIX в. – Махачкала, 1954.

9. См.: *Маршаев Р.Г.* К вопросу о социальном строе

Ахтыпаринского “вольного общества” в XVIII – нач. XIX в. // УЗ ИИЯЛ Даг. ФАН СССР Вып. 3. – С. 106–121.

10. Агаширинова С.С. Указ. раб. – С. 136–154.

11. Адаты Южно-дагестанских обществ // ССКГ. Вып. VIII. Тифлис, 1875. – С. 66.

12. Памятники обычного права Дагестана XVII – XIX вв. Архивные материалы, составленные Х.М. Хашаевым. – М.: Наука. Глав. ред. восточн. лет, 1965. – С. 40.

13. Там же. – С. 40–43.

14. Косвен М.О. Семейная община и патронимия. – М., 1963. – С. 61.

15. Ольдерогге Д.А. Иерархия родовых структур и типы большесемейных домашних общин // Социальная организация народов Азии и Африки. – М.: Наука, 1975. – С. 15. По: Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. – М.: Наука, 1983. – С. 28.

16. Там же.

17. Там же.

18. См.: ЦГА РД. Дагестанский статистический комитет. Темир-Хан-Шура.: Посемейные списки жителей Ахтыпаринского наибства Самурского округа. Ч. 1. Ф. 21. Оп. 5. Д. 58. 1886. – С. 472–525.

19. ЦГА РД. Посемейный список жителей Докузпаринского наибства Самурского округа. Ф. 21. Оп. 5. Д. 56. 1886. – С. 182–249.

20. ЦГА РД. Посемейный список жителей сел. Рухун Кюринского округа Кутур-Кюринского наибства. Ф. 21. Оп. 5. Д. 79. – С. 220–242.

21. См.: ЦГА РД. Посемейный список жителей Докузпаринского наибства Самурского округа. Ф. 21. Оп. 5. Д. 56, 1886. – С. 218.

22. См.: ЦГА РД. Посемейный список жителей Ахтыпаринского наибства Самурского округа. Ч. II. Ф. 21. Оп. 5. – 1886. Л. 283.

23. ЦГА РД. Посемейный список жителей сел. Зизик Корчагского сельского общества Кюринского округа. Ф. 21. Оп. 5. Д. 80. – С. 234.

24. ЦГА РД. Посемейный список жителей селения Кара-

Кюре Докузпаринского наибства Самурского округа. 4. 1. Ф. 21. Оп. 5. Д. 55. – С. 94.

25. Адаты Южно-дагестанских обществ. § III. Самурский округ. // ССКГ. Вып. VIII. Тифлис, 1875. – С. 72.

26. См.: Адаты Южно-дагестанских обществ. Самурский округ // ССКГ. Вып. VIII. – Тифлис, 1875. – С. 72.

27. Адаты Южно-дагестанских обществ. Кюринский округ // ССКГ. Вып. VIII. – Тифлис, 1875. – С. 13.

28. Там же.

29. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VIII. Тифлис, 1875. – С. 13–14.

30. Там же.

31. Адаты Южно-дагестанских обществ. Кюринский округ // ССКГ. Вып. VIII. 1875. – С. 18.

32. Адаты Южно-дагестанских обществ. Самурский округ // ССКГ. Вып. VIII, 1875. – С. 72.

33. Там же. – С. 9.

34. Агаширинова С.С. Свадебная обрядность лезгин XIX – нач. XX в. // Ученые записки Даг. ФАН СССР. Т. 12. 1964. – С. 142–143.

35. См.: Гроссе Э. Формы семьи и формы хозяйства. – М., 1897. – С. 236; Ольдерогге Д.А. Из истории брака и семьи // СЭ, 1947, № 1. – С. 14; Ковалевский М.М. Первобытное право. Вып. II. – М., 1886. – С. 82–84; Кисляков Н.А. Калым и приданое у таджиков. Сб. “Родовое общество”. Труды института этнографии АН СССР. Т. XIV. – М., 1951 и др.

36. См.: Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т. I. – С. 179.

37. Там же.

38. ССКГ. Вып. VIII. – Тифлис, 1875. Гл. I, § 3. Адаты Южно-дагестанских обществ. Самурский округ. – С. 72.

39. Памятники обычного права Дагестана XVIII–XIX в., – М.: Наука, 1965. – С. 26.

40. Там же. – С. 29.

41. Адаты Южно-дагестанских обществ. Самурский округ // ССКГ. Вып. VIII. 1875. – С. 67.

42. Етим Эмин. Вил атИудач дувньядихьай. – Махачкала, 1995. – С. 112. Здесь и далее перевод наш.

43. Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. – М., 1961. – С. 70.

44. Там же. – С. 68.

45. Памятники обычного права Дагестана XVIII – XIX в. – М., 1965. – С. 30.
46. Лезги халкъдин манияр. Из серии “Песни народов Дагестана”. – Махачкала, 1970. – С. 23–24.
47. Агаширинова С.С. Свадебная обрядность лезгин XIX–нач. XX в. УЗ ИИЯЛ Даг. Фан СССР. Т. 12, 1964. – С. 246–247.
48. См.: Халилов Х.М. Народы Дагестана. /В сб. ст. “Семейно–обрядовая поэзия народов Северного Кавказа. – Махачкала, 1985. – С. 33.
49. Лезгин халкъдин манияр. – Махачкала, 1970. – С. 19–20.
50. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. – М.: Наука, 1983. – С. 58–59.
51. Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Ч. II. – Одесса, 1883. – С. 371.
52. См.: Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. – М., 1961. – С. 77–79.
53. Там же. – С. 77–83.
54. См.: Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. – М.: Изд-во политической литературы, 1980. – С. 49–51.
55. Пикуль М.И. Итоги археологических разведок в Южном Дагестане в 1959 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Д. 2641. 9–48, 65.
56. Котович В.Г. Новые археологические памятники Южного Дагестана // МАД, № 1. – Махачкала, 1959. – С. 139–142.
57. См.: Пикуль М.И. Указ. раб. – С. 50–53.
58. Лезги халкъдин манияр. – Махачкала, 1970. – С. 29–30.
59. Там же. – С. 32–33.
60. Там же. – С. 34–35.
61. Там же. – С. 34.
62. Ганиева А.М. Народная лирическая поэзия. – Махачкала, 1976. – С. 38.
63. Там же.

ГЛАВА IV. ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ

§ I. Общественно–политический строй

В политическом отношении территория лезгин не представляла собой единого целого. В исследуемое время здесь было два самостоятельных владения – Самурский округ (велаит) и Кюринское ханство. Самурский велаит состоял из пяти обществ:

1. Ахты–пара первая; включала в свой состав селения Ахты (главный пункт общества), Хкем, Хуля, Гра, Усур, Кака, Гдынк, Кочах, Миджах, Смугул, Хал.
2. Ахты–пара вторая; включала селения Хнов, Борч, Гдым, Маза и Фий.
3. Алты–пара в составе селений Микрах, Каракюре, Куруш, Пиркент, Мака и Каладжух;
4. Докуз–пара – селения Джаба, Балуджа Джиг–Джиг, Ихир, Пиркент, Ухул, Филидзах, Храх и Яжиг.
5. Рутул–чай состоял из селений Ртул, Хрюк, Зрых, Хулют, Киче, Кахул, Иче, Икрах, Кала, Амсар, Лучек, Шиназ, Чруш, Палек, Уна, Кина и Хунук.

Кроме этих селений в состав Самурского округа входило селение Мискинджа, представляющее совершенно отдельное организованное общество, управляемое своим судом и только находившееся в районе Самурского округа. Оно причислялось к Докузпаринскому обществу. Хотя ихрекское наибство и находилось под властью Сурхай–ханов Казикумухских, но жители его называли себя братьями населения Самурского округа, пособляли им в войне против их противников. Казикумухские ханы не препятствовали им в этом, так как и сами часто пользовались помощью самурцев в войне с кубинским и хунзахским ханами.¹

Каждый из указанных 5 участков управлялся отдельно. Ахты–пара 1–я управлялась ахтынскими аксакалами. Преимущество ахтынцев перед жителями других селений

состояло в том, что: а) без ахтынских маслагатчи (посредников) жители других селений участка не имели права разбирать свои обоюдные претензии; б) по первому требованию ахтынцев должны были являться на помощь в войне; в) в свою очередь, каждое из селений этого участка имело право на обязательную защиту ахтынцев; г) ахтынскими аксакалами и эфендиями проверялось исполнение жителями других селений зеката (ежегодного пожертвования богатыми в пользу бедных (скотом, зерном и т. д.); относительно зеката преимущество ахтынцев заключалась в том, что они имели право требовать исполнения его в пользу своих бедных. При этом, однако, они ограничивались только побором определенного процента с баранов, и то оставляли у себя только третью или четвертую часть побора, а остальное оставалось обществу данного селения, внесшего зекат для раздачи своим неимущим, для общественных нужд, на военные расходы и т. д.; г) жители других селений отбывали пахту, заключающийся в том, что каждый из ахтынцев один раз в год имел право поехать в гости в любое из селений 1-го участка и они (ахтынцы) зачастую отправлялись партиями в 100 – 500 человек и гостили в каком-нибудь селении целые сутки. Хозяева домов, где они останавливались, кормили не только их самих самым лучшим, что у них было, но и содержали их лошадей; е) ахтынцы сами платили за кровь 300 баранов (т. е. если житель Ахтов убивал жителя подчиненного участка), а с жителя подчиненного участка, т. е. в случае, если убитый – ахтынец, убийца – житель другого селения – брали 600 баранов.²

В исследуемое время в Ахтах было 40 тухумов. Каждый тухум из своей среды выдвигал одного аксакала в органы управления участком, и эти 40 выборных лиц управляли всеми общественными делами как ахтынцев, так и жителей всех селений участка. Это управление распространялось и на военные действия. Распорядительным правом в военных действиях пользовались также и духовные лица – эфенди и кази. Срок службы каждого аксакала ограничивался только желанием его тухума. Звание аксакала было наследственным по прямой линии (нисходящей), пока были в тухуме способные люди, если таковых в прямой линии не оказывалось, то избирался родственник бывшего аксакала из боковой нисходящей линии, если же при этом условии не оказывалось

подходящего человека, тогда выбор падал на члена другой фамилии, но того же тухума. Таким образом, одна наследственность не давала права быть аксакалом, кроме того, требовалось согласие тухума на выбор преемника.³

Награждение ахтынских аксакалов за их службу обществу ограничивалось тем, что: 1) общество обязано было давать им лошадей, если они предпринимали поездку по общественным делам; 2) непременно все приглашались на свадьбы и поминки, имея при этом право приводить одного из своих домочадцев; 3) после разбора дел о крови каждый из аксакалов той стороны Ахтов (селение делилось на две части рекой Ахты-чай), в которой проживал обвиняющий, получал от удовлетворяемого по суду истца какую-нибудь вещь из оружия и посуды и кусок ткани, называемый “гурмет” (“гьюрмет” – букв. “уважение” – М.Р.) на архалук. При этом соблюдалось, чтобы общая ценность вещей, розданных каждому аксакалу, был одинаковой. Таким же подарком в этих случаях наделялся и эфенди.

Таков был порядок вознаграждения аксакалов за суд по крови, если происшествие было в Ахтах. Что касается других селений, то тяжущиеся по всякого рода претензиям обращались за разбором в Ахты, кроме дел по крови. В последнем случае суд в количестве 10 аксакалов и одного эфенди поочередно отправлялись из Ахтов на место происшествия.⁴

Исполнителями решений аксакалов и эфенди были чауши. В Ахтах их было 2, по одному от каждой части Ахтов. Так как в других селениях 1-го участка не было ни аксакалов, ни чаушей, то чауши ахтынцев в случае надобности посылались в селения этого участка (первого). Ахтынские чауши избирались аксакалами – с одобрения общества. За службу свою они получали: 1) от общества по одному быку в год; 2) при каждой свадьбе и поминках они получали небольшое количество масла, мяса, крупы, дров; 3) при наделе аксакалов и эфенди после разбора дела о крови в Ахтах наделялись и чауши; каждый из них получал какие-нибудь вещи ценой на 3 рубля, т. е. – 3 барана.

Главным пунктом 2-й-Ахты-пара было селение Хнов. Каждое из пяти селений, составляющих этот участок, имело своих представителей – аксакалов и чаушей. В Хнове и Гдыме, как и в Ахтах, каждый тухум избирал своего акса-

кала, а в 3-х остальных селениях участка число аксакалов соответствовало не числу тухумов, а количеству народонаселения, однако, соблюдался принцип, чтобы приблизительно на каждые 20 дымов приходился 1 аксакал, избиравшийся из наиболее достойных людей. Все 5 селений этого участка имели по одному чаушу.

Наследственность аксакалов в Хнове была такая же, как и в Ахтах. Они не получали никакого вознаграждения даже при разборе дел по крови. Что касается хновского чауша, то как его выбор, так и вознаграждение были такие же, как и в Ахтах. В остальных селениях этого участка аксакальство не было наследственным. Правителями избирались люди, известные своей правдивостью и опытностью. Служба их, как и в Хнове, не вознаграждалась ничем. Чауши этих селений избирались по принципу Ахтов, но не получали ежегодного вознаграждения по 1 быку и трехрублевого пая при разборе дел по крови, а имели не только право на такие же поборы при свадьбах и поминках, как я в Ахтах. Зекат, как шариатское постановление соблюдался и на этих участках округа, но не подлежал никакому контролю. Пахты и барху (о барху мы говорили в части работы, касающейся свадебной обрядности) не было.

На 3-м участке главным пунктом было селение Рутул за исключением Шиназа, Калы, Уны, Амсара и Хрюка. Селения этого участка относились к Рутулу, как селения 1-го участка Ахты-пары к Ахтам. Из исключаемых же селений, не дававших Рутулу пахты, Шиназ не делал этого, как настолько большое селение, что могло отстаивать свою самостоятельность в этом отношении, а Кала, Уна и Амсар не отбывали пахты, глядя на Шиназ, к которому относились, как Гдым к Хнову, во 2-й Ахты-паре. Последствия попытки Хрюка отказать рутульцам в пахте были следующие: в числе селений, составляющих 1-й участок Самурского округа, были и селения Гогаз, Усур и Кака. До завоевания края Россией селения эти принадлежали Рутулу, т. е. относились к нему так, как 1-й участок провинции к Ахтам. Во время одной из войн Рутула с Хрюком за отказ последнего в пахте, Рутул обратился за помощью к ахтынцам. Те охотно согласились поддержать их не столько из-за предложенного рутульцами вознаграждения, сколько из-за желания наказать хрюкцев за отказ рутуль-

цам отбывать пахту: если бы это сошло хрюкцам безнаказанно, то подобному примеру могли последовать и селения 1-го участка, в свою очередь обязанные пахтой ахтынцам. Результатом войны, в которой были убиты 12 ахтынцев, было сожжение Хрюка. Так как рутульцы, обращаясь к ахтынцам за военной помощью, обещали им дать лесистый склон горы, принадлежащий Хрюку, то по окончании войны ахтынцы стали требовать вознаграждения. Рутульцы же, пожалев разоренных войной хрюкцев, в судьбе которых принимали участие и соседи, взамен обещанной ахтынцам горы дали им селения Гогаз, Усур, Кака как ближайших соседей 1-го участка.⁵

4-й участок был Докуз-пара с главным пунктом Джаба. Преимущество этого селения перед другими восемью селениями состояло: 1) в обязанности всех селений участка пособлять джабинцам в их почти постоянной войне с ахтынцами; 2) в многолюдности Джаба; 3) в том, что для обсуждения дел, касавшихся всего участка, аксакалы всех селений должны были собираться в Джаба.

Каждое селение участка имело своих аксакалов. Вознаграждение аксакалов за службу состояло только в первенстве при сходах всякого рода и в том, что, как и в Ахтах, они приглашались на свадьбы и поминки, имея право приводить одного из своих домочадцев. Чаушей на этом участке не было, как и барху.⁶

5-й участок – Алты-пара. Главный пункт – Микрах. Для обсуждения дел участка аксакалы всех селений должны были собираться в Микрахе. Микрах, Кара-Кюре и Куруш имели своих аксакалов и по одному чаушу. Пиркент и Каладжух управлялись макинскими и каракюринскими аксакалами. Аксакалы выбирались не от тухумов, а от сельских магалов. Вознаграждения не имели. Барху здесь не было. Зекат не проверялся никем.⁷

Особо стояло селение Мискинджа. В нем было 6 магалов, из которых выбиралось по 1 аксакалу. Чауш был один. Все дела общества решались на месте без всякого постороннего вмешательства. Вознаграждение аксакалов состояло только в первенстве при сходах, а чауш получал пай мяса, крупы и дрова при обрядах свадьбы и поминках.

Большое влияние во всех участках округа имели духовные лица – кази, эфенди, муллы. Они участвовали во всех

джамаатских делах и принимали решения наравне с аксакалами. В Самурском округе было 4 кази (в Рутуле, Ахта, Хнове, Шиназе). Тяжущийся, кто бы и откуда он ни был, имел право судиться у любого из этих казиев. Число эфендиев и мулл не превышало 30 человек.

Кази как верховное лицо не присутствовал в аксакальских судах, а разбирал дела у себя, эфенди же присутствовал в сельских сходах.

Как муллы, так и эфенди избирались обществом и утверждались казием после тщательной проверки степени их знаний. В Мискинджа был один эфенди и назывался он ахундом. Муллы были по числу мечетей. При решении дел по наследству, кази получал 2 % от 100 и из этого дохода частот отавал эфендиям, которые приглашались также на разбирательство дел по тэрике. По зекату духовные лица получали столько, сколько богатые пожелали им дать.⁸

Что касается Кюринского округа, то до введения ханской власти все селения этого округа управлялись кевхами – старшинами, избравшимися обществом преимущественно из какого-либо одного рода. Обязанности кевх заключались в наблюдении за порядком и в разборе споров и жалоб в своих селениях. В последнем случае они приглашали для разбирательства дел несколько человек почтенных стариков – аксакалов. По решениям таких судов кевха мог штрафовать виновного и даже разорить его дом. Со временем старшины селений Курах, Хутарг и Цнам приобрели такое влияние на другие селения своих магалов, что им представлялось право разбора наиболее важных дел, таких, как кровных, по уводу девушек и др. Кевхи никакого вознаграждения за свою службу не получали, за исключением старшин сел. Курах, Хутарг и Цнам, которым при примирении кровных врагов убийца или виновный давал по адату по одному быку.⁹

Исполнителями и глашатаями решений кевх были чауши, избравшиеся обществом. Они получали вознаграждение, определяемое обществом или же в зависимости от щедрости хозяина дома, куда приходили объявлять решение. Для решения шариатских дел в каждом селении имелись муллы, избравшиеся обществом из грамотных людей. Одни из них за службу получали зекат, другие же пользовались

только известной частью при разделе имущества между наследниками.

Кюринские евреи – переселенцы из табасаранского селения Карчаг – обычно подчинялись власти, которая существовала в месте, где они селились. Для решения же дел между собой евреи избирали старшину – насси и высшего духовного учителя – доян.¹⁰

Рассмотрим порядок судопроизводства. Система общинно-административного управления и сельского судопроизводства у лезгин, как и других народов Дагестана, были основаны на адате и шариате. Адат, как известно, основан на правилах и законах, установленных обычаем и освященных давностью. Адат первичен. Он господствовал до ислама. С установлением мусульманской религии адат начал заменяться шариатом, но многие вопросы все же продолжали решаться на основании адата. Одной из причин, по которым горцы так привержены адату, по мнению А. Лилова, было то, что Коран налагает наказания слишком строгие (напр., лишение членов тела, наказание палками и др.), тогда как по адату таких наказаний нет. Помимо этого, чтобы привести в исполнение столь строгие меры, каких требует шариат, нужна была крепко организованная власть, а такой в горах не было.¹¹

Таким образом, в исследуемое время у лезгин существовало смешанное судопроизводство, основанное на адатах и шариате. Адатом решались такие вопросы, как воровство, наследование, раздел имущества, отношение детей к родителям и т. д. По шариату решались в основном все вопросы, касающиеся религии.

Разбор всех жалоб, споров, тяжб и т. д. производили гласно. Аксакалы при этом оглашали дело, выслушивали обе стороны. Джамаат выражал свое мнение с места или отдельными выступлениями. Вопрос решался большинством голосов. Решение оглашалось и заносилось в специальную книгу жалоб и состоявшихся по ним решений.

Преступления большей тяжести, такие как: убийство, нанесение ран, изнасилование, побои и т. д. решались немедленным мщением, т. е. кровной мезтью (о чем мы скажем специально).

Для разбора тяжб и ссор по адату прибегали к постоянным судьям (аксакалам), выбранным джамаатом. Часто на

диван (место постоянного заседания судей) приглашали по желанию тяжущихся и почтенных стариков селения. Число временных судей зависело от важности разбираемого дела. Для обвинения необходимо было, чтобы истец представил одного или двух свидетелей мужского пола (совершеннолетних). Если истец не представлял свидетелей, то обвиняемый оправдывался присягой на Коране. Кроме того, в его оправдание должны были присягнуть шесть его векилов – представителей. Судьи выслушивали обе стороны, всех свидетелей, совещались между собой и выносили приговор.

Обсуждение дел, касавшихся всего джамаата, происходило на общем сходе, собиравшегося обычно около мечети. Дела решались большинством голосов, но часто случалось, что решение зависело от влиятельных и сильных тухумов. Более важные дела, относящиеся к целому обществу, обсуждались собранием выборных лиц от каждого селения. Собрания эти, куда, впрочем, разрешалось приходить всем желающим, происходили в известных, освященном обычаем местах. Так, курахцы собирались на площади выше селения Курах, называемой “Яргъи Къела” (“Высокая башня”), Катур–кюринцы – у родника возле дороги из селения Цналь в селение Захит, на место, называемое “Руат”, гюнейцы, картасцы, сталсельцы и гедджинцы на горе Калян.

Такой порядок сельского управления, характерный для всей территории лезгин, в Кюринском округе хотя и был ослаблен при ханах, которые для решения общественных дел стали назначать угодных им назыров и наибов, но оставался неизменным до Юсуф–хана, который не только не отнял права у курахских, цнальских и хутаргских чаушей, представляя их иногда чаушам других селений, угодных им, но часто назначал их в селения по своему усмотрению (до этого ханы только утверждали избранных обществом) и вообще обратил чаушей в простых исполнителей своих и наибских распоряжений.¹²

На территории же лезгин Самурского округа ни бекских, ни ханских владений не было, если не считать селения Кака, где в конце XVIII в. обосновались беки из рода казикумухских ханов. Какинским бекам подчинялись и соседние селения Ялак, Луткун, каждое из которых обязано было подстав-

лять бекам по 75 рупе (один рупе – 32 кг) пшеницы и обрабатывать в хозяйствах беков по три дня с дыма.¹³

Согласно архивным материалам (1886 г.) какинские беки Ибрагим бек оглы, Абдул Гади бек Муса бек оглы, Абдил Сабаст Тадягиб бек оглы, Магомед бек амир Галя бек оглы, Закарья Сурхай хан Юсуф бек оглы, Шуай бек Юсуф бек оглы имели следующее имущество: земли, находящиеся в районе какинской сельской дачи, которой они пользовались на правах собственности, приблизительно: пахотной поливной – на 200 пудов посева, пахотной неполивной – на 80 пудов посева, сенокоса – на 60 пудов посева, земли под садами – на 80 пудов посева. Кроме того, на 1861 год с разрешения бывшего кавказского наместника в пользовании этих беков находились следующие земли: пахотной поливной земли при селении Лучек – на 120 саб посева, два пастбищных горы – Хачордахоло и Лушнялю, находящиеся в Самурском округе, приносящие им доход ежегодно на 125 баранов и т. д.¹⁴ В то время, как в пользовании этого довольно большого селения (Кака) находилось всего: общественных земель под выгоном – около 50 десятин; принадлежащих жителям на правах собственности – пахотной поливной на 400 пудов посева, сенокоса – на 60 пудов, пахотной неполивной – на 300 пудов, под садами – на 30 пуда посева.¹⁵

Что касается Кюринского округа, то после введения Кюринского ханства (в 1812 г.) ханы управляли подчиненным им населением на особых ханских правах (за исключением лишения жизни, а также раздачи кому–либо в собственность земель, им не принадлежащих). С введением ханства начинается социальное расслоение среди населения. Все лучшие земельные угодья ханства, куда входили в основном предгорные районы, были розданы бекам, также принадлежащим к казикумухскому ханскому дому. Закрепощенные крестьяне (райаты) обязаны были платить бекам подать и отбывать повинности. Так, жители селений Нутюг, Куркент, Карчаг, Екендик, Зизик и Чилак, подчинявшиеся бекам из селения Карчаг, не имели права без разрешения последних отлучаться из своих селений, платили подать, обрабатывали земли беков, возили им дрова на своих подводах и т. д.

Во второй половине XIX в. с проникновением элементов

капиталистических отношений в лезгинские районы, наряду с выделением горстки крупных землевладельцев и барановодов, быстро росло число крестьян – бедняков. По переписи населения 1886 г. из 2927 хозяйств Курахского наибства, считавшегося крупным скотоводческим районом Дагестана, совершенно не имели крупного рогатого скота 655 хозяйств, овец и коз – 1851 хозяйств и лошадей – 1961 хозяйство. В Самурском округе в 1917 году не имело крупного рогатого скота 39,9 % хозяйств и земли 20 % хозяйств. В то же время отдельные хозяйства сосредотачивали в своих руках большое количество скота и земельных угодий. Так, житель селения Маза Джафар Гаджи Джалил оглы имел 20 голов рабочего скота, 11 голов крупного рогатого скота, 1470 голов мелкого рогатого скота и 45 сабов пахотной земли.¹⁶ Такие же или имеющие несколько меньшее количество скота и земли имелись в каждом селении лезгин.

С покорением русскими Дагестана, в том числе и лезгинских земель, в административном управлении происходят значительные изменения. Приказом по Кавказской армии от 25 мая 1860 года за №218 первым начальником управления Южного Дагестана назначается Лорис-Меликов.¹⁷ В 1862 году прекращает свое существование Кюринское ханство. Управление ханством на правах окружного начальника было поручено майору Тренко, при котором было образовано окружное управление и словесный суд. Кюринское ханство было переименовано в Кюринский округ с учреждением в нем окружного управления с разделением его на 3 наибства: Гюнейское, Курахское и Кутур-Кюринское. Жители кюринского округа взамен отбываемых ханских налогов были обложены с 1 января 1864 года общим денежным сбором, из которого: 14085 рублей 30 коп. – в местные доходы Закавказского края взамен прежней подати в 7583 руб. 34 коп., 9080 руб. 39 коп. – на содержание окружного управления и 500 руб. Юсуф-беку.¹⁸ 22 октября 1864 года по ходатайству военного начальника Южного Дагестана генерал – майора Джемаржидзе Южный Табасаран (народ которого отказывался подчиняться чьей-либо власти) был присоединен к Кюринскому округу.¹⁹

Что касается сельского управления, то оно оставалось за некоторыми исключениями прежним: как и раньше, селе-

нием управляли выборные от общества старейшины (аксакалы, кадии). Сельское общество согласно уставу сельского управления состояло из всех жителей одного селения, имеющих постоянное жительство. Сельское общественное управление состояло:

1) из сельского схода (джамаата), состоящего из совершеннолетних членов дымов. Сельскому управлению подлежало избрание лиц, определение податей и повинностей и т. д. Но, в отличие от прежнего (см. выше), сельский старшина (чауш) назначается русским начальством. Ему вменяется в обязанность сохранение общественного порядка и спокойствия в пределах сельского общества. Сельские духовные лица – кази, эфенди, муллы, хотя и избирались обществом, но тоже утверждались русским начальством. На них, помимо исполнения религиозных обязанностей, возлагалось ведение писмоводства и метрик, а также надзор за порядком в школах. Наибы, пользующиеся распорядительной и политической властью, избирались преимущественно из местного населения, но преданных русскому правительству.²⁰

Судопроизводство по-прежнему осуществлялось в основном джамаатским судом, осуществляемым адатом и шариатом. Решение суда, как и прежде, выносилось большинством голосов. Но недовольные решением джамаатского суда теперь могли обращаться к командующему русскими войсками, который пересматривал дело на основе русского законодательства.

§ 2. Обычай взаимопомощи

Значительную роль в общественном быту лезгин играла традиция взаимной помощи – мел, коллективная форма труда, возникшая в далеком прошлом как неперемное условие существования определенной общественно-хозяйственной группы людей: рода, общины, тухума. Помочь соседу, родственнику, сельчанину, попавшему в беду, или в случаях, когда семья не в состоянии справиться своими силами с работой, требующей значительных усилий и рабочих рук, каждый считал своим священным долгом. Широкое распространение этого обычая у всех народов Дагестана и Кавказа отмечают многие исследователи.²¹

К взаимной помощи лезгинки прибегали при уборке урожая, что диктовалось необходимостью в короткие сроки убрать созревший урожай. При этом строгой регламентации очередности не придерживались – убирали в первую очередь участок, на котором раньше созревал урожай. Хозяин участка оповещал о предстоящей работе родственников, соседей, друзей. Приходили и не приглашенные, считавшие нужным оказать помощь в работе, требующей быстрого завершения во избежание потери урожая. В этой форме взаимопомощи в основном участвовали женщины. Каждая приходила со своим серпом (мангалом, баскумом). Несмотря на то, что предстояла физическая работа, все, особенно молодые женщины, старались одеваться в приличную одежду, так как работа проходила в торжественной, праздничной обстановке. Женщины становились в ряд, каждая старалась завершить свой ряд быстрее других. Ленивых беззлобно высмеивали, ловких хвалили, часто в экспромтом сложенных стихах. Работа сопровождалась весельем, танцами, песнями. Хозяева готовили еду и угощали участников мел. Мел при сенокосении проходил в основном при участии мужчин. И здесь каждый приходил со своим инструментом – косой (дергес). Работа проходила в более сдержанной, деловой обстановке. Косили в ряд, стараясь не забегать вперед, но и не отставать. В меле при перевозке снопов на ток и молотье, как и при вспашке поля, принимало участие ограниченное число людей, в основном из числа близких родственников. Помощь при этом боль-

шей частью выражалась в предоставлении рабочего скота, саней или арб.

Одной из самых распространенных форм взаимопомощи было участие в строительстве дома. Постройка нового жилища – большое событие в жизни каждого человека, и поэтому, прежде чем приступить к строительству, хозяин обсуждал этот вопрос со своими родственниками, друзьями, сельчанами. Как отмечает С.С. Агаширинова, “лезгинская традиция держать совет перед строительством дома со всеми родственниками является очень древней и, вероятно, сохранила следы того времени, когда судьбой отделившейся семьи интересовались все члены рода”.²²

Во всех циклах работ, связанных со строительством дома (подноска камня и бревен, рытье фундамента, изготовление кирпича, штукатурка и обмазка стен, перекрытие и засыпка кровли и т. д.), принимали участие все родственники и сельчане. Приходить на мел по строительству дома считалось делом чести и долгом каждого. Нарушение этой традиции влекло за собой не только обиду со стороны хозяев строящегося дома, но и порицание родственников и сельчан. В этом легко проследить не только пережитки тухумной взаимопомощи, но и роль всей общины, когда в строительстве каждого жилища принимали участие все члены общины.

При этом помощь выражалась не только в трудовом, но и в материальном плане. Каждый приносил какой-нибудь подарок в зависимости от степени родства и материальных возможностей. Близкие родственники приводили барана, завязав ему на шею шелковый платок, муку, зерно, сельчане и соседи – сладости, утварь, постельные принадлежности и т. д. Работа сопровождалась весельем, песнями, а завершающий этап – перекрытие кровли – музыкой, танцами, угощением.

Помощь оказывалась при изготовлении кустарных изделий, особенно ковров, сумахов. В работе принимали участие только женщины. Все предварительные работы по отбору и мытью шерсти производили сама хозяйка и члены семьи. Приготовив необходимое количество шерсти, она оповещала о предстоящем меле несколько человек из числа ближайших родственников, соседок и сельчанок, отличающихся особой сноровкой в чесании шерсти. Все приглашенные приносили с собой “регъ” – гребень на деревянной основе общедо-

гестанского типа. Работали до тех пор, пока не расчесывали всю шерсть. Часто такой мел длился всю ночь, но, несмотря на продолжительность работы, на него собирались с охотой. Совместная работа сближала людей, облегчала труд. Мел сопровождался песнями, шутками, в перерывах устраивались танцы, иногда с переодеванием в мужской костюм для составления “партнера” для девушки. При этом “партнер” позволял себе с девушкой вольности, недопустимые в отношениях между полами в повседневной жизни. Иногда сюда заглядывали и старые женщины – послушать песни, посмотреть на танцы, рассказать о событиях своей молодости. Такой мел давал возможность юношам, которые при существовавшей строгости нравов не могли общаться с девушками непосредственно, увидеть и даже перекинуться словом с избранницей. В комнату с девушками юношам категорически запрещалось заходить, но они сторожили у дверей и окон, бросали реплики, шутки, старались что-нибудь стащить, как правило, – цикен – слоеный пирог, который был непременным атрибутом такого мела.

Мел по тканью ковра проводился в основном для натягивания основы. Хозяйка приглашала двух-трех опытных мастериц для натягивания основы – “гам рушун”. Помимо приглашенных, приходили родственницы, соседки и, пока мастерицы натягивали основу, беседовали, обменивались новостями, при необходимости помогали мастерицам, помогали хозяйке готовить угощение – халву, хлеб и пр. В дальнейшем при каждой возможности соседки, родственницы и сельчанки старались помочь хозяйке в тканье, ибо оставлять ковер или сумах в станке долго считалось признаком нерадивости женщины, и это вызывало толки среди сельчан.

Одной из форм взаимопомощи была помощь во время свадьбы. Все родственники, соседи, сельчане принимали самое деятельное участие во всех этапах свадьбы. Кто-нибудь из уважаемых людей села (не обязательно родственник) руководил всеми мероприятиями, связанными со свадьбой – организацией свадебных церемоний, угощением, танцами и т. д. Женщины помогают в приготовлении хлеба, халвы и т. д. Помощь выражалась не только в трудовом, но и в материальном плане – все родственники и сельчане принимали

участие в материальных затратах на свадьбу – приводили барана, приносили пшеницу, муку, масло, мед, предметы обихода (посуду, постельные принадлежности, вязаные узорные носки, платки, ткани и пр.).

Моральная и материальная помощь оказывалась на похоронах. Выразить соболезнование семье, потерявшей близкого человека, приходили все сельчане и даже жители близлежащих селений. Материальная помощь выражалась в том, что в день похорон гостей из других селений приглашали и угощали родственники и сельчане умершего. Помимо этого близкие родственники приносили плов на больших подносах, чтобы угощать проходящих на соболезнование людей.

Одной из распространенных форм соседской и родственной взаимопомощи были взаимные одалживания. Предметами одалживания могли быть рабочий скот, предметы обихода, продукты питания и т. д.

Узаконенной адатом формой взаимопомощи была материальная помощь при несчастных случаях – пожаре, падеже скота и т. д.

Существовал обычай, согласно которому активная помощь оказывалась девушке-сироте в подготовке приданого – вязаных носков, постельных принадлежностей, утвари и пр. (все это дарилось девушке заранее, до свадьбы).

Как можно заключить из изложенного, взаимопомощь распространялась на многие сферы жизни общества и была большим подспорьем для семьи, так как она всегда могла рассчитывать на помощь сельчан, родственников в трудный момент (как материальной, так и моральной).

§ 3. Гостеприимство и куначество

Одним из самых стойких и свято соблюдаемых обычаев у лезгин, как и у всех горцев Кавказа, является обычай гостеприимства. “Гостеприимство – одна из отличительных черт населения Кавказа, и это похвальное свойство кавказских жителей присуще здесь и богатым, и бедным. Кавказец рад гостю, готов все для него сделать и ни копейки не возьмет за гостеприимство. Можно отдарить за гостеприимство подарками, но предложить деньги за это нельзя. Это означает обидеть хозяина. Это кавказское радушие и гостеприимство наблюдается во всех слоях населения”²³ – писал Н.И. Кузнецов о гостеприимстве народов Кавказа.

Возникнув в недрах родового строя, обычай гостеприимства при сохранившихся у горцев Дагестана и Кавказа кровно–родственных и патриархально–родовых отношениях и весь последующий период не теряет своего значения.

Обычай гостеприимства у лезгин, как и у других народов Дагестана, предполагает ряд обязательств, условий по отношению к гостю.

Важнейшей обязанностью хозяина считалось обеспечение гостя ночлегом с максимальными удобствами. Недаром лезгины большое внимание уделяли гостевой комнате – “тавдин квал”. В ней хранили неприкосновенный запас постельных принадлежностей, содержащихся в чистоте, чтобы в любой момент можно было принять гостя. Пол и стены этой комнаты застилали и увешивали лучшими коврами и сумахами. Двери и шкафы этой комнаты украшали резьбой. “Исключительный художественный интерес представляет архитектура интерьера кунацкой – пишет С.О. Ханмагомедов, – которая не имеет аналогии в зодчестве других народов Кавказа и является одним из самых замечательных и самобытных достижений лезгинской народной архитектуры”²⁴.

В кунацкой обязательно устраивали очаг (“тавун”), возле которого всегда хранилось топливо.

Гостеприимство считалось священной обязанностью каждого человека. Не принять гостя, не угостить его самым лучшим считалось позором и унижением для семьи. Обряд принятия гостя у лезгин, как и у других горцев, сложился в строго определенные формы. Когда приходил гость, хозяева

выходили ему навстречу и принимали у него коня. Здесь же отметим, что уход за конем входила в обязанность младших членов семьи мужского пола. Они расседывали его, обтирали, чистили, поили и кормили. В летнее время чаще всего отводили на присельское пастбище. Гостя провожали в кунацкую, где женщины тут же разводили огонь (в холодное время года). Гостя усаживали на лучшее место, подложив для удобства под спину налчаяр – специальные нарядные подушки. Старшие представители мужской части семьи усаживались рядом с ним. Женщины среднего и пожилого возраста приходили здороваться с гостем, коротко спрашивали о семье, о здоровье и тут же удалялись. Все члены женской части семьи и подростки мужского пола включались в хлопоты по подготовке угощения для гостя. Женщины срочно пекли хлеб, готовили какое–нибудь мясное блюдо. Чаще всего для гостя резали барана и, чтобы не заставлять гостя долго ждать угощения, в первую очередь готовили къавурма – мелко нарубленные печень, сердце, легкие, жареные на нутряном жире и приправленные специями. Все хлопоты, связанные с приготовлением угощения, проводились бесшумно, чтобы не привлекать внимание гостя, не беспокоить его. Каждая уважающая себя семья имела запас продуктов, специально хранимых для гостя “Жува немир, мутьмандиз це” (сам не ешь, но дай гостю) – гласит лезгинская поговорка.

У лезгин считалось в порядке вещей одалживать недостающие продукты в случае прихода гостя.

Приветствовать гостя приходили родственники, соседи, друзья хозяев дома. Угощение (разные мясные блюда, хлеб, сыр и пр.) заносили в кунацкую молодые парни. Это могли быть сыновья хозяина дома или его родственники. Никто из присутствующих не расспрашивал гостя о цели его приезда до тех пор, пока он сам не начинал разговор на эту тему. В тех случаях, когда гостю требовалась помощь в его делах, хозяин дома и его родственники считали своим долгом помочь ему.

В состоятельных домах для развлечения гостя приглашали музыкантов – зурначияр. При малейшем проявлении усталости гостя, все расходились. Кто–нибудь из молодых мужчин дома приносил теплую воду и таз для мытья ног и лили ему воду. В селении Куруш гостю (пожилому или средних лет) ноги мыли две молодые женщины дома (дочери или

невестки). Гостя укладывали в лучшей комнате (тав кІвал), стелили лучшую постель, специально хранимую для этих целей. В комнате с гостем спал кто-нибудь из членов семьи – хозяин дома или один из его сыновей, в зависимости от возраста самого гостя.

Никто не мог безнаказанно обидеть гостя. Обиду, нанесенная гостю, хозяева воспринимали как собственную. Если гость имел кровного врага и последний настигал его в доме человека, приютившего его, он мог чувствовать себя в полной безопасности, так как не только хозяева, но и их родственники становились на его защиту, порой ценой собственной жизни. Но это правило действовало в пределах дома. Стоит гостю выйти за пределы приютившего его дома, и обязанность хозяина охранять гостя от врагов и мстить за его обиду прекращается. М. Ковалевский связывает это с сакраментальным характером домашнего очага. Чужеродец пользуется привилегиями гостя лишь до тех пор, пока остается в общении с очагом.²⁵

При отъезде гостя снабжали всем необходимым на дорогу, одаривали каким-нибудь ценным подарком, провожали на значительное расстояние за селом.

Гость в свою очередь придерживался определенных правил поведения по отношению к хозяевам дома. Он должен был вести себя весьма скромно, быть немногословным; верхом неприличия считалось, если гость позволял себе засматриваться на женщин дома и т. д.

Он не должен был гостить долго, не объясняя цели своего приезда. У лезгин говорили – “Мугъман сифте йкъуз къизил я, къвед лагъай йкъуз – гимиш, пуд лагъай йкъуэцурун кепек” (Гость первый день – золото, второй день – серебро, третий день – медная копейка). Это, разумеется, не относилось к тем гостям, которые задерживались по какой-либо нужде, в последнем случае отношение к гостю оставалось таким же радушным и уважительным, как и в первый день.

Гость не должен был заходить в дом, если там оказывались только молодые женщины. Если хозяина дома или старших женщин не оказывалось дома, гость ждал его на киме – годекане, где все наперебой приглашали его в гости к себе. Но гость (если он раньше был знаком с хозяином дома, куда

он приехал) не принимал приглашения других из опасения обидеть его.

В тех случаях, когда гость попадал в селение, где он не имел знакомых, он шел на годекан (ким), где после общих разговоров давал знать присутствующим, что он впервые в этом селении и не имеет знакомых. В этом случае каждый считал своим долгом предложить свои услуги, но незаметно уступали право гостеприимства человеку относительно состоятельному, который имеет больше возможностей для лучшего приема гостя.

Часто отношения гостя и хозяина перерастали в куначество (“кунакар, хванахаяр”). Редко встречалась семья, которая не имела бы кунаков. Отношения куначества переходили из поколения в поколение. Кунаки у лезгин подразделялись на три категории в зависимости от степени давности куначеских связей. Кунаки первой группы – “ата бубайралай авай хванахаяр (кунаки с праотцов), “Чехи бубайралай авай “хванахаяр” (кунаки со старших отцов) и “хванахаяр” (куначество, установленное между одним – двумя поколениями семей).

Отношения между кунаками напоминали отношения между близкими родственниками. Они советовались между собой при решении важных вопросов, касающихся семей, помогали друг другу во всех трудоемких работах, в семейных торжествах, праздниках и т. д. К кунакам относились почти как к членам семьи, причем самым уважаемым и почитаемым. В лице кунака лезгин имел самого рьяного защитника своих интересов при решении межтухумных проблем, вопросов, касающихся кровной мести и пр.

§ 4. Кровная месть

Одним из традиционных обычаев, существовавших у лезгин, как и других народов Дагестана, еще до распространения ислама, был обычай кровной мести, соответствующий ветхозаветному правилу: “кровь за кровь”. Здесь же отметим, что законы шариата по кровмщению в основном соответствовали обычаям и нравам горцев в этом вопросе. Согласно источникам “... относительно убийств и поранений та часть арабского уголовного законодательства, которая практикует об ответственности за кровь, не только в основаниях своих не противоречит нравам и обычаям горцев, но, напротив, подтверждает и даже освящает их, как постановления, согласные с божественными откровениями”.²⁶

Кровная месть (кыясас) была не только требованием, но и обязанностью каждого при защите своего рода, как и каждого члена рода, тухума. Эти начала входили в программу воспитания молодежи, которой с детских лет внушалась необходимость мщения обидой за обиду, кровью за кровь. Так, старшие, передавая молодежи основные принципы нравов, говорили: “Чандик кыясас кувачирди кый!” (Да умрет тот, кто не может мстить).

Кровная месть понималась не только как мера возмездия, но и как необходимое последствие суверенитета рода. Мщение за кровь являлось не только дозволенной, но и прямой обязанностью каждого человека. Обязанность мстить за кровь лежала на всем роде и, даже, селении, в котором жил убитый, если последний не имел близких родственников, которые могли отомстить за его кровь.

Пока не отомстят за кровь, родственники убитого чувствовали себя униженными в глазах общества. Неисполнение этого обычая считалось позором для членов рода и родственников. В качестве мстителей выступали родственники по восходящим и нисходящим линиям.

У лезгин, как и у других народов Дагестана, кровная месть не распространялась на родственников убийцы в тех случаях, когда убитый и убийца принадлежали к одному роду. Причину этому М. Ковалевский находит в области анимистических представлений, в частности в тех обязанностях, какие живущие поколения несут по отношению к

умершим. “Кавказский горец мстит убийце потому, – пишет он, – что этого требует тень убитого; но такое требование не может быть предъявлено в том случае, если убийца и убитый принадлежат к одному и тому же роду. Ведь месть родственнику ведет к дальнейшему ослаблению рода. Понятно поэтому, что преступления, совершенные членами рода по отношению друг к другу, остаются безнаказанными. Однако это не значит, что род совсем оставляет безнаказанным преступника. Он наказывается разными способами: конфискацией имущества, но более всего – подвержением убийцы остракизму.²⁷ С убийцей и членами его семьи остерегались поддерживать отношения, они не допускались к семейным торжествам и общественным мероприятиям и т. д.

Одним из главных преступлений, за которое карали смертью, было убийство. На убийство отвечали убийством. Убивали в первую очередь самого убийцу. Но если он успевал скрыться, убивали его близких родственников – отца, брата и др., за исключением женщин и детей (чем кровная месть горцев Дагестана и Кавказа отличается от корсиканской вендетты). Как правило, убить убийцу или его родственников сразу не всегда удавалось. Дело в том, что, как сам убийца, так и его родственники тотчас после совершения убийства принимали меры к защите – убийцу скрывали, родственники тоже старались спрятаться. Это не рассматривалось как проявление трусости, ибо здесь речь идет о жизни не только одного человека, а многих людей с той и другой сторон. Помимо этого, сразу после убийства человека вмешивались посредники – векилар, из числа почетных людей общества, которые немедленно уводят убийцу с места преступления и начинают активные переговоры с потерпевшей стороной о примирении (маслагат). До завершения переговоров семья, в которой прятался преступник, тщательно охраняла его. Она не выдавала его ни при каких обстоятельствах. При необходимости защищали его с оружием в руках: нарушение этого обычая пятнало честь дома, и члены его сами подвергались мщению родственников убийцы.

Посредники в первую очередь пытались обеспечить участие виновной стороны (кроме самого убийцы) в похоронах убитого. Сторона убийцы подгоняла на похороны убитого быка, выражала всем своим видом сострадание стороне

убитого и осуждение убийце. Если пострадавшая сторона не отвергала приношение, выслушивала сочувствие, то считалось, что примирение возможно и имеет смысл приступить к переговорам о высылке убийцы в канлы – изгнание. В канлы вместе с убийцей часто отправляли одного или двух его близких родственников (брата, сына). Их удаляли, как правило, в другое, дальнее селение. После водворения убийцы в канлы другие родственники освобождались от преследований и могли спокойно жить там, где жили.

Срок высылки убийцы и побочных канлы, т. е. людей, которых высылали вместе с убийцей, был разным. Побочные канлы могли примириться с врагами без особого затруднения и через очень непродолжительное время после совершения убийства (40 дней или полгода). Иногда этот срок мог быть заметно уменьшен, если побочные канлы принесли ущерб своему хозяйству и их семьи лишались средств к существованию. Сам же убийца должен был оставаться в изгнании, пока его векилы и родственники не склоняли сторону убитого к примирению.

Изгнание не всегда избавляло убийцу от мести родственников убитого. Право на его убийство имели ближайшие родственники убитого. Если последние убивали канлы, то кровь принималась за кровь, и вражда между сторонами прекращалась. Если же убивали кого-нибудь из родственников убийцы, то возникала новая вражда, если противники через векилов не соглашались принять кровь за кровь. То же самое было, если канлы убивал кто-либо из родственников убитого, не имеющего на то права.

Между тем родственники убийцы не прекращали через вакилов попыток к примирению сторон. Примирение могло быть осуществлено через определенное время в зависимости от желания родственников убитого.

В Кюринском округе срок изгнания в канлы мог исчисляться от одного года до 5 лет. В Самурском округе – от полугода до одного года.²⁸

При примирении сторона убийцы должна была заплатить родственникам убитого за кровь известное вознаграждение (деньгами, скотом, домашним имуществом и пр.). Старинное проклятье лезгин – “Ви шейэр къандай хъфирай” (Да уйдет все твое имущество за кровь) дает основание пред-

полагать, что вознаграждение это было значительным. Это подтверждается и документами. Так, согласно источникам, плата за кровь в денежном выражении в Кюринском округе составляла: за кровь мужчины – 250 рублей, за кровь женщины половина, т. е. 125 рублей.²⁹ Согласно этому же источнику “... в прежние времена платилось при примирении канлы: за кровь мужчины 4 ёола, или двадцать четыре тумана (туман составлял три быка, или три коровы, или три ружья, или три сабли, или три паласа, или три участка земли и так далее, т. е. по три штуки одинаковых вещей). В качестве платы за кровь могла выступить и девушка, которую предназначали в жены одному из мужчин рода убитого. Девушка принималась за 6 туманов, хорошая лошадь – в один туман и во столько же хороший буйвол. Одних и тех же предметов больше одного тумана не назначалось, но могли поступить в уплату две девушки, составляющие половину цены крови... назначение всех этих предметов зависело от примирителей (вакилов).³⁰

В Самурском округе цену крови составляли 300 рублей, практически 300 баранов. Господствующее положение селения Ахты этого округа состояло в том, что за убийство ахтынцы сами платили 300 рублей, а с жителей подчиненного им участка брали 600 рублей или баранов.³¹

Если убийство совершалось несколькими лицами, то в канлы выводились все участники убийства и оставались в изгнании до примирения. Этот адат в некоторых обществах лезгин изменялся тем, что из выводимых в канлы один, по выбору потерпевшей стороны, назывался главным (башканлы), а остальные побочными (мальканлы). В этих случаях плата за кровь вносилась поровну. Но если до примирения один из канлы был бы убит по кровомщению и тем прекратилась бы вражда, то оставшийся в живых канлы следующую с каждого часть за кровь уплачивает родственникам убитого (а также часть своего соучастника). Если убийство совершалось целым обществом, причем трудно бывало указать, кто именно убийца, то в этом случае канлы не назначается, но общество было обязано удовлетворить за кровь родственников убитого.³²

Обряд примирения канлы состоял в следующем: у кюринских лезгин на канлы одевали белый саван и опоясывали его шашкой. В этом наряде в сопровождении почетных чле-

нов рода канлы идет в дом ближайшего родственника убитого "... как бы в знак того, что он является с повинною головою, принеся с собою оружие для казни, платье для погребения".³³ Подойдя к воротам дома, процессия останавливается. С противной стороны выходило доверенное лицо потерпевшей стороны, снимало с канлы шашку, саван и папаху и гладило по голове. Затем мулла читал первую главу Корана (Фатиха) и примирение считалось совершенным. Обряд примирения самурских лезгин мало чем отличался от описанного, только здесь канлы сам просил прощения у родственников убитого и затем, заплатив цену крови (300 рублей за мужчину, 150 – за женщину), уходил.

Если после примирения родственники убивали канлы, то возникала новая вражда, но потерпевшей в последнем случае стороне предоставлялось право, по соглашению, зачесть кровь за кровь и принять обратно уплаченную во время примирения сумму. Таким образом, даже обряд примирения не избавляет убийцу от мести родственников убитого. Но, как правило, таких случаев было мало.

Если отец убивал сына или дочь, то он за кровь не отвечал, так как удовлетворение за нее следовало ему же. При убийстве брата братом убийца уплачивал за кровь прочим братьям или детям убитого, если они были и не желали иметь дядю канлы, а если их не было, то освобождался от ответственности. То же самое при убийстве сестры братом, если это убийство совершено за какой-нибудь поступок, пятнающий честь братьев.

Несовершеннолетние с того возраста, в котором мальчик может понимать, что такое преступление, не освобождались от вывода в канлы, но обычно родственники убитого, проявляя снисхождение к возрасту убийцы, соглашались получить плату за кровь.

За нечаянное убийство виновный не выводился в канлы, но обязывался заплатить родственникам убитого за кровь.³⁴

Следует отметить, что изгнание в канлы как мера наказания за убийство в прошлом, когда были сильны кровнородственные, родовые и тухумные связи, считалось большой карой. Если судить по источникам, в далеком прошлом у народов Кавказа изгнание являлось универсальной карой за убийство. Вот что можно прочитать по этому поводу у

Страбона: "У других же из этих народов (живущих в горах Кавказа – М.Р.) есть обычаи никого не убивать, даже самого преступника, но изгонять из родной земли вместе с детьми".³⁵ Как нам представляется – навсегда. Видимо, обычай со временем трансформировался, и круг мер, применяемых к убийце, расширился, т. е. преступник мог быть убит сразу после совершения им преступления (если не успевал скрыться) или выслан в канлы на относительно небольшой срок.

Причины убийства могли быть разными. Приведем некоторые выдержки из горской криминалистики (в сокращенном (нами) варианте).

"18 сентября 1868 года житель Кюринского округа селения Ашага–Картас Магомед–Рагим Гасан–оглы убил кинжалом односельчанина своего Рамазана Кирхляр–бек оглы. При разборе дела в окружном суде выяснилось, что за несколько часов до убийства Магомед и Рамазан сидели вместе, причем первый попросил у последнего шило. В доказательство того, что у него шила нет, Рамазан распахнул шубу, и Магомед увидел, что у того под шубой нет никакого оружия. Вечером того же дня при повторной встрече Магомед без слов нанес ему кинжалом смертельную рану, от которой Рамазан умер. При выяснении причин выяснилось, что причиной послужила вражда 15–летней давности событий. Оказалось, что 15 лет назад Рамазан (убитый) и брат его Ага–Рза подозревал Салмана, брата Магомеда (убийцы) в прелюбодеянии с женой Ага–рза, захватив его в поле одного, связал и избил, за что хан (Кюринский) строго наказал Рамазана и Ага–Рзу, после этого между противниками не было открытой вражды".³⁶

3–го мая... житель селения Худых Кюринского округа Рамазан Магомед оглы убил жену односельчанина своего Курбана Раджаб оглы, Бицы Фатьму Яхья кызы, которая, по показаниям убийцы, обманом взяла у него 150 рублей, обещая развестись с мужем, а потом выйти за него – Рамазана, но не только не выполнила обещания своего, но постоянно оскорбляла его при встречах словами и бросала в него камни".³⁷

Жители селения Сендарь–кент и Алкадарь Кюринского округа, имеющие смежные и частью смешанные хлебопашотные земли, выгоняли на них после уборки урожая свой

скот. 21-го августа 1871 года сендарькентские пастухи пустили своих баранов на алкадарскую землю. Увидев это, алкадарский пастух потребовал вывода баранов со своей земли, но сендарькентцы не хотели выводить. Между ними завязалась драка. На шум прибежали жители обоих селений. В завязавшейся драке сендеркентский пастух Коджо-Рамазан оглы ранил из ружья алкадарца Казы-Велибек оглы. Усилиями старшин удалось замять драку. Однако жена Селимхана, брата Коджо-Рамазана, донесла ему неверную весть о смерти его брата. Селимхан прибежал на место драки. Увидев его, брат раненого (Каз-Велибека) Карабек бросился на него с кинжалом. Селимхан тоже обнажил кинжал. Жители обоих селений опять ввязались в драку, кончившуюся тем, что были ранены Селимхан, Абдул-бек, Ксуха Курбан и снова, раненый прежде – Каз. Из них Селимхан был до того изранен, что вскоре умер.³⁸

11 июня 1871 года жители селений Ашага-картас Кюринского округа Исабек Кача-оглы и двоюродный брат его Асали Рамазан-оглы, поссорившись между собой из-за границы покосного места, вступили в драку. Асали обнажил кинжал и кинулся на Исабека. Исабек, защищаясь от него косою, задел его по спине так, что Асали упал и вскоре умер.³⁹

1 января 1872 года между жителями селения Юхари-Яраг Кюринского округа Абдуллой Мирзамет оглы и Мухаммадом оглы произошла ссора из-за того, что бараны Мухаммеда забрели на маренник Абдуллы. И в последовавшей драке они поранили друг друга кинжалами. Брат Мухаммеда – Абдул Муталиб вступился за брата и также ранил кинжалом Абдуллу, от которого и сам получил рану.⁴⁰

2 июня 1872 года между жителями селения Хухыхь Кюринского округа Акжа-Шихом Рамазан-оглы, братом его Али, с одной стороны и Эюбом Рамазан-оглы и Гасаном Мазаласт оглы – с другой, произошла драка из-за пастбищного места для баранов, в котором Гасан, Акжа-Шихи и брат его Али, были убиты, а Эюб Рамазан-оглы с женой Тамань ранены.⁴¹

19 февраля 1873 года житель селения Хуля Самурского округа Юсуф-бек оглы, напав на шедшую по воду со своими подругами 18-летнюю девушку, Гову Мухаммед Шерифкызы, убил ее наповал, нанеся ей семь кинжальных ран. При

расследовании оказалось, что за год до этого Юсуф сватал Гаву, но родители отказали ему наотрез ввиду его известной всем безнравственности. За это Юсуф отомстил им убийством дочери.⁴²

1 июля 874 года жители селения Курах Кюринского округа Гасан-Ярмет-оглы и брат его, Гаджи-Курбан, во время ссоры из-за барана ранили друг друга кинжалами, от чего последний из них вскоре умер.⁴³

Другим преступлением, вызывавшим кровную месть, было прелюбодеяние. По адату, за прелюбодеяние следовало убить на месте преступления виновника и виновницу. Право на убийство в этих случаях имели: если виновная женщина незамужняя, то ближайшие ее родственники, если замужняя, то ее муж. В адатах Самурского округа говорится: “За убийство жены, которую муж застал в прелюбодеянии и убил ее вместе с любовником, он за кровь, как жены, так и любовника, не платит и освобождается от преследования родственников. В случае же убийства при этом только одного лица, т. е. жены или любовника, виновный платит родственникам убитого по существующему адату”.⁴⁴

Если виновный в прелюбодеянии при открытии преступления успевал скрыться, то он выводился в канлы и к нему применялись все правила, установленные для убийцы. Жена в таком случае получала от мужа немедленный развод. Участь незамужней женщины зависела от милосердия ее родственников, если она не успевала скрыться. Весьма распространенной карой в таких случаях, по рассказам старожил, было закидывание ее камнями до тех пор, пока она не оказывалась погребенной под ними. Около селения Нутюг Сулейман-Стальского района есть местность “Руш кьейи гевре” (букв. “Склон, где убили девушку”), где, по преданию, забили камнями девушку, избличенную в прелюбодеянии, а любовника убили кинжалом. О таком же случае нам рассказывали в селении Каракюре.

“Если из виновных в прелюбодеянии будет убит только мужчина, то убийца должен доказать действительность прелюбодеяния, и тогда за кровь не отвечает”,⁴⁵ – гласят адаты Кюринского округа.

Если прелюбодеяние не обнаружено, а только есть силь-

ное подозрение, тогда муж или родственник вправе требовать от мужчины, на которого падает подозрение, очищения.

Другим тяжким преступлением, вызывающим кровную месть, являлось преступление против чести женщины. Действия, совершенные против чести женщины, расценивались как кровные, и виновные в них подвергались по адату тем же видам наказания, какие полагались за убийство, только в более слабой степени. «Явление это объясняется тем положением, которое создало для женщины вообще магометанское учение, а также тем своеобразным уважением, которое дагестанские женщины успели себе завоевать в общественном мнении своих соотечественников. Честь женщины оберегается настолько ревниво, что всякое насилие над нею, как, например, срывание головного платка и т. п., делает виновного в таком проступке кровным врагом семьи оскорбленной женщины»⁴⁶ – отмечается в источниках.

Особенно тяжким преступлением против женской чести являлось изнасилование. По адату, за изнасилование женщины отвечали как за убийство мужчины. В этих случаях виновный выводился в канлы и при примирении платил родственникам изнасилованной за полную кровь, т. е. 250 руб., а в Самурском округе – 300 рублей.

За похищение («гуваз кат авун») отвечали как за убийство мужчины. Увезший выводился в канлы, и родственники похищенной могли безнаказанно убить его. Но, как правило, в этих случаях вмешивались, как и при убийстве мужчины, посредники (бекилы), которые принимали меры к предотвращению убийства и кровной мести. В первую очередь они прятали виновного в безопасном месте и приступали к переговорам с родственниками похищенной. При положительном решении вопроса похититель должен был заплатить полную цену крови, т. е. 250 руб. если похищенная была замужняя женщина, и половину цены крови, т. е. 125 руб., если похищенная была девушка или вдова. Если похищенная была девица, часто дело заканчивалось ее обручением с похитителем. Так, согласно адатам Самурского округа «За растление девицы виновный платит за кровь и если родители желают выдать ее за виновника, то кебин должен быть

совершен, хотя бы лишивший девицу невинности и не желал жениться; при нежелании же родителей выдать дочь свою за растлителя последний не может жениться, хотя бы того и желал; если же он вторично похитит ее, то снова платит за кровь родителям ее»⁴⁷.

По адатам Кюринского округа, если похищенная была обручена с другим, с совершением кебина, то взыскивались с похитителя деньги в пользу жениха, как законного мужа похищенной. Если же жених не желал примирения, то ему, как и родственникам похищенной, предоставлялось право на убийство похитителя. Если же похищенная была замужняя женщина, то деньги за кровь получал муж, если он прощал жене и соглашался принять ее обратно (такое могло случиться, если женщина была увезена без ее согласия, силой, и муж не хотел лишиться детей матери), то в этом случае и похититель освобождался от преследования, так как, простив жене, муж лишался права преследовать другого.⁴⁸

После присоединения Дагестана к России происходят некоторые изменения в обычаях и судопроизводстве горцев, в том числе лезгин. Однако, опасаясь вызвать гнев народа (что имело место) коренными преобразованиями в вековых устоях жизни горцев, к которым относился и адат, регулировавший и все сферы общественной жизни, царские власти считали, что путем постепенного внесения в нормы адата начал и принципов русского права они сумеют создать благоприятные условия для введения российского законодательства. В «Положении об управлении дагестанской областью», утвержденном 5 апреля 1860 г., устанавливалось, что местное население Дагестана управляется по народным обычаям и особым постановлением, а суд отправляется под наблюдением местной военной власти по адату, в некоторых случаях по шариаду, а по особым постановлениям, постепенно вводимым по указаниям опыта и развивающейся потребности»⁴⁹. Были разработаны меры по ограничению и ослаблению кровной мести. Кровнику строго запрещалось появляться в селении, где жили родственники убитого. Виновные в умышленном убийстве по военному суду высылались на определенный срок в отдаленные губернии России. На ссылку убийцы из пределов Дагестана горцы смотрели

вначале как на нечто незаконное и временное, скорее как на отсрочку, нежели на наказание... Только после многих лет судебной практики ссылки за убийства приняли в глазах горцев характер наказания, вследствие чего резко сократилось число актов кровной мести. За годы Советской власти кровная месть почти полностью исчезла из жизни горцев.

Заключая изложенное по общественному быту лезгин, отметим, что основной формой социальной организации лезгин в исследуемое время была сельская община – Джамаат. Органом управления был сельский сход во главе с должностными лицами, избираемыми самим народом. Система общинно-административного управления и судопроизводства были основаны на адате и шариате, в основных своих формах единых для всех народов Дагестана.

Характерными чертами общественного быта лезгин, отражающими уровень социально-экономического развития народа, специфику правовых, этических и моральных норм были такие общеизвестные в Дагестане обычаи, как взаимопомощь, гостеприимство, куначество и кровная месть.

Примечания

1. См.: Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. – М.: Наука, 1965. – С. 31.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. Указ. раб. – С. 31
6. Там же. – С. 28.
7. Там же. – С. 28–29.
8. Там же. – С. 29–30.
9. Там же. – С. 42–43.
10. Там же. – С. 43.
11. См.: *Лилов А.* Очерки быта кавказских горцев // СМОМПК. Вып. XIV. – Тифлис, 1892. – С. 10.
12. См.: Памятники обычного права Дагестана XVII – XIX в. – М.: Наука, 1965. – С. 43.
13. См.: Народы Кавказа. Т. I. Глава “Лезгины”. – М., 1960. – С. 513.
14. См.: ЦГА РД. Посемейный список жителей сел. Кака Ахтынского наибства Самурского округа. Ф.21. Оп. 5. Д. 58. – С. 55–563.
15. Там же. – С. 526–527.
16. См.: Народы Кавказа... – С. 513.
17. См.: Памятная книжка дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895. Русская типография В.М. Сорокина. – С. 27.
18. Там же. – С. 33–34.
19. Там же. – С. 35.
20. Памятная книжка дагестанской области. – С.23–25.
21. См.: *Омаров А.* Как живут лаки // ССКГ. Вып. 6. – Тифлис, 1870; *Габиев С.* Лаки, их прошлое и быт // СМОМПК. Вып. 36, – Тифлис, 1906; *Львов Н.* Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени // ССКГ. Вып. 3, – Тифлис, 1870; *Егорова В.П.* Из народных традиций Дагестана // Сборник научных сообщений исторического факультета ДГУ. Вып. 2, – Махачкала, 1970; *Лугуев С.А.* Взаимопомощь в хозяйственной деятельности лакцев (2-я пол. XIX – нач. XX в.) // Хозяйство народов Дагестана в XIX – нач. XX в. – Махачкала, 1979 и др.
22. *Агаширинова С.С.* Материальная культура лезгин. XIX – нач. XX в. – М., 1978. – С. 183.

23. Кузнецов Н.И. В делях Дагестана./ Известия РГО. Т. X. – СПб, 1913, – С. 80.
24. Хан–Магомедов С.О. Лезгинское народное зодчество, – М., 1969 . – С.175.
25. Ковалевский М. Закон и обычай на Кавказе. Т.1. – М., 1890. – С. 37.
26. По: ССКГ. Вып. VIII. – Тифлис, 1975. – С. 8.
27. См.: Ковалевский М. Закон и обычай на Кавказе. Т.1. – М., 1890. – С. 40.
28. Адагы Южно–дагестанских обществ. Самурский округ// ССКГ. Вып. VIII. – Тифлис, 1875. – С. 63.
29. Там же. – С. 6.
30. Адагы Южно–дагестанских обществ. Кюринский округ// ССКГ. Вып. VIII. – Тифлис, 1875. – С. 6.
31. Памятники обычного права Дагестана XVII – XIX вв. – М.: Наука, 1965. – С. 31.
32. Там же. – С. 7.
33. Адагы Южно–дагестанских обществ. Кюринский округ// ССКГ. Вып. VIII. – Тифлис, 1875. – С. 6.
34. Там же. – С. 6–7.
35. См.: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). Вып. 4. – Тифлис, 1884. – С. 78.
36. Из горской криминалистики // ССКГ. Вып. III. – Тифлис, 1870. – С.11.
37. Там же. – С. 79.
38. Из горской криминалистики, § 1. Горская летопись// ССКГ. Вып. 8. – Тифлис, 1875. – С. 12.
39. Там же. – С. 15.
40. Там же. – С. 17–18.
41. Там же. – С. 18.
42. Там же. – С. 26.
43. Там же. – С. 34.
44. Там же. – С. 10.
45. Там же.
46. Кавказский календарь на 1893 г. Дагестанская область. – Тифлис. 1891. – С. 168.
47. ССКГ. Вып. VIII. – Тифлис, 1875. – С. 68.
48. Там же. – С. 10.
49. Омаров А.С. Изменения в праве и суде после присоединения Дагестана к России //УЗ ИИЯЛ им. Г. Цадасы. Даг. ФАН СССР. Т. XX. – Махачкала. 1970. – С. 186–187.

ГЛАВА V. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

§ 1. Народное образование

До недавнего времени считалось, что лезгины, как и другие дагестанские народы, до распространения арабской грамоты не имели своей письменности. По последним сведениям,¹ албанский алфавит, созданный Месропом Маштоцом (361–440 г. н. э.), имел распространение в Южном Дагестане. По предположению исследователей, этот алфавит создан на основе гаргарского языка, богатого гортанными звуками, и насчитывал 52 буквы. Хотя, по другим источникам, Маштоц не создал, а восстановил и усовершенствовал албанский алфавит. Так, биограф Маштоца – армянский писатель V в. Корюн сообщает, что Месроп Маштоц, придя в 415 году “...в страну албанов, возобновил их алфавит, содействовал возрождению научных знаний и, оставив у них также наставников, вернулся в Армению”²

Наиболее достоверным источником сведений о наличии у албанов в V в. письменности А. Шанидзе считает “Книгу писем” (“Книгу переписи”). Так, во втором письме армян к единоверцам в Персию сказано: “Мы писали вам раньше о согласии с грузинами и албанами письмом каждой страны. А теперь повторяем то же самое”³.

Как утверждает Г.А. Абдурагимов, есть и прямые письменные данные, что при албанском царе Вачагане в Албании были открыты школы, и дети обучались грамоте, очевидно, на родном языке и с использованием воссозданного алфавита. Так, по сведению Моисея Каганкатваца, “...царь Вачаган приказал собрать детей волхвов, чародеев, жрецов, персторезов и знахарей, отдать их в училище, учить их божественной науке... Когда он сам приходил в села., то заходил часто в школы, вокруг себя собирал детей жрецов и волхвов, кругом его собиралась большая толпа, у некоторых в руках были книги, у дру-

гих доски, он приказывал всем читать громко и сам радовался более, чем если бы нашел великое сокровище".⁴ О наличии у албан еще в V в. своей письменности свидетельствуют сообщения и ряда других исследователей.⁵

В результате экспансии сасанидского Ирана в Южном Дагестане появляется так называемая пехлевийская письменность. По свидетельству Е.А. Пахамова, в VI – VII вв. в Дербенте имелся целый ряд грамотных резчиков и более или менее широкий круг хранителей сасанидских культурных традиций.⁶ С проникновением ислама в Дагестан (VII в. н. э.), на территории лезгин, как и во всем Дагестане, широко распространяется арабская письменность. На территории лезгин обнаружена большая серия памятников арабской эпиграфики, различные куфические надписи на надмогильных камнях, деревянных частях (дверях, окнах, балках и пр.) мечетей. Так, на кладбищах селений Курах и Микрах зафиксированы эпиграфические памятники первой половины XIX в. На арабском языке составлялись летописи, записывались основные исторические события, создавалась литература.

На основе арабской графики путем приспособления системы знаков (дополнительных и подстрочных) к фонетическим особенностям местных языков, в Дагестане, в том числе на территории лезгин, создается так называемая аджамская письменность. Самый ранний источник – цахурские переводы ("Компедий Музани" и "Книга Имама аш-Шафеи"), зарегистрированные XIII веком, дает исследователям основание предположить, что зарождение аджамской письменности на территории Дагестана относится именно к этому периоду, т. е. XIII в.⁷

Народное образование лезгин исследуемого нами периода было представлено мектебами и медресе, в которых ученики обучались арабской грамоте и чтению Корана, а в школах Самарского округа наряду с этим и азербайджанскому языку. Центрами религиозного образования лезгин были миски (мечети), которые имелись почти в каждом селении, а в областных центрах и по несколько. Так, в одном только селении Ахты было 16 мечетей, самой большой из которых была мечеть Абумуслима (Абумуслиман миски). Согласно источникам, школ при сельских мечетях по со-

стоянию на 1891 год по Кюринскому округу было 19; в них обучалось 322 учащихся обоего пола, в том числе мальчиков – 254, девочек 68. По Самурскому округу школ при мечетях было 116. В них обучалось 732 ученика, в том числе 636 мальчиков, 94 девочек.⁸ Преподавали в школах в основном муллы (фекъияр). Учение в медресе ограничивалось механическим (без понимания смысла) заучиванием начальных правил мусульманской веры (Мухтасаруль-мингаж и Мара-патуль ислам).

Обучение девочек ограничивалось чтением Корана и заучиванием молитв. Наиболее способные ученики продолжали учение и приобретали более глубокие знания – писали и читали на арабском языке, умели переводить Коран. На этой ступени познания многие из них получали звание муллы. Высшая ступень образования достигалась изучением грамматики арабского языка, риторики, логики и др. Людей, обладающих этими знаниями, называли алимами (учеными). К алимам лезгины относились с большим почтением.

С включением Дагестана в состав России начинается новый этап истории просвещения лезгин. Он характеризуется появлением светских школ и учебных заведений, в которых детей обучали основам современных (для того периода) знаний, проходили предварительную ступень для подготовки к последующей службе в местных военно-административных аппаратах власти". Так, 2-го января 1892 года в селениях Касумкент и Ахты были открыты начальные училища. Касумкентское двухклассное училище содержалось средствами Министерства народного образования с некоторой помощью местного населения. Расходы на Ахтынское одноклассное училище целиком покрывались из общественных (штрафных) сумм Самурского округа.⁹ Так, на содержание Ахтынского училища ежегодно ассигновалось общественных денег в сумме 800 рублей.¹⁰

В школах преподавалась русская грамота и арифметика. Учителями были воспитанники учительских семинаров и институтов, назначенные учебными ведомствами, в основном русские. Для обучения детей мусульманскому закону и арабской грамоте нанимались муллы из числа местных жителей. Как свидетельствуют документы, общее

число учащихся в училищах составляло незначительный процент от общего количества населения (примерно около 0,03 %).¹¹

Это объяснялось прежде всего тем обстоятельством, что русская школа была явлением новым и она не приобрела на первых порах доверия населения. Так, на 1891 год учащихся в Ахтынском общественном училище было всего 45 человек, в то время как в мектебах при мечетях Ахтов обучалось 804 учащихся, в том числе 569 мальчиков и 235 девочек. При этом Ахтынское училище, благодаря тому, что лезгины этого района имели более тесные торговые и промышленные контакты с русскими, пользовалось относительно большим успехом. Помимо этого, еще в 50 – 60-е годы XIX в. в Ахтах были открыты русские школы при воинских частях, в частности при линейном батальоне, в которых обучались и дети лезгин из горской знати.¹² В светских училищах других районов дело обстояло хуже.

Причина неуспеха русской школы заключалась прежде всего в организации самой школы: дети, обучающиеся в них, не успевали в течение курса учения освоить русскую грамоту настолько, чтобы она могла иметь практическое применение, т. е. для дальнейшего продвижения как в учении, так и в обществе. Другая причина крылась в области конфессиональной. Считалось, что распространение русской грамоты и культуры богопротивно и неприемлемо для мусульман. Особая строгость в этом плане соблюдалась в отношении девочек. Согласно источникам, в светских учебных заведениях не зарегистрировано ни одной учащейся. Так, по обзору Дагестанской области за 1894 год в Касумкенской двухклассной школе Министерства народного просвещения обучалось 50 мальчиков и ни одной девочки; в Самурской сельской школе военно-народного управления обучались 45 мальчиков и ни одной девочки. Этого нельзя сказать, когда речь идет об обучении в примечетских, мусульманских школах. Так, по состоянию на 1894 год в 13 примечетских школах Кюринского округа обучалось 172 детей, в том числе 22 девочек и 150 мальчиков; в 84 примечетских школах Самурского округа обучалось 945 учащихся, из них 783 мальчика и 162 девочек.¹³

С первых же дней установления Советской власти в

Дагестане, Советское правительство уделяло особое внимание народному образованию в Дагестане. Для непосредственного руководства народным образованием и другими отраслями культурного строительства, при Дагестанском революционном комитете в апреле 1920 года был организован отдел просвещения и печати.¹⁴ При непосредственном содействии ревкомов, отделы народного образования начали открывать школы в городах и селениях Дагестана. Всего за 2 месяца Дагревком и его отделы просвещения открыли 108 школ.¹⁵

Школьная сеть в Дагестане особый размах получает в 1920–1921 гг. Так, в одном только Кюринском округе на 1 сентября 1920 года было открыто 45 школ, а к началу мая 1921 года работали уже 73 школы с 3000 учащихся и 80 учителями.¹⁶

В каждом селении были организованы пункты ликбезов, которые охватывали все взрослое население. С 1930 года начинает претворяться в жизнь закон о всеобщем обязательном светском обучении. Дети в обязательном порядке вовлекались в учебу в советских школах.¹⁷

§ 2. Фольклор

Устное народное творчество, отличавшееся богатством и разнообразием художественно-образительных средств, в прошлом имело для лезгин особое значение, представляя фактически всю народную литературу.

Лезгинский фольклор в прошлом представлял собой своеобразную устную летопись, в которой народ воспроизводил свою историю, надежды и думы о судьбах родины. Особенно показателен в этом плане героический эпос, представленный в образах легендарных героев – сильных, бесстрашных, готовых жертвовать жизнью во имя свободы и независимости своего народа.

Героический эпос в различных жанрах – сказках, преданиях, легендах, песнях и плачах и т. д., представлен в образах народных героев против иноземных захватчиков. Особенно колоритен в этом плане образ эпического героя, воина-богатыря, защитника отечества, выразителя народного духа Шарвили.

Исследователь лезгинской литературы Ф. Вагабова первой обратилась к изучению происхождения Шарвили – народного героя древнего эпоса лезгин. «Шарвили, – отмечает Ф. Вагабова, – защитник и опора лезгинского народа. Не счастье количества побед, одержанных с его помощью над врагами лезгин».¹⁸

Образ Шарвили прошел длительный путь развития, в нем воплощены представления различных исторических эпох – от древнейших мифологических воззрений до конкретных черт реального исторического героя.¹⁹

Анализируя основные произведения различных жанров лезгинского фольклора о богатыре Шарвили, А. Ганиева выделяет их в три основные группы: 1) богатырские сказки;

2) предания и легенды; 3) песни.

В богатырских сказках Шарвили изображается, подобно всем героям народного эпоса, человеком, совершающим подвиги. Он превосходит всех силой, храбростью, красотой.

Для композиции цикла богатырских сказок о Шарвили характерно развертывание сюжета в биографическом плане – от рождения героя до завершения всех его подвигов. В богатырских сказках о Шарвили историческое прошлое

народа отображается так, как оно сохранилось в памяти народа. В некоторых из них можно почерпнуть сведения об общественных и бытовых условиях, в которых жил народ в тот или иной исторический период, его обычаи, верования и общественные идеалы. Таковы сказки о рождении богатыря («Сказка о старике и старухе» – о чудесном рождении героя от яблока,²⁰ «Краснощекое яблоко»²¹, «О рождении Шарвили от мухи», «О рождении Шарвили от костной муки», «О силе Шарвили», «Меч и копье Шарвили» и др.).²² Сюжеты сказок «О том, как Шарвили убил предводителя вражеских войск», «Сармат пачагь» «О Шарвили» и др. изображают борьбу народа во главе с героем против иноземных завоевателей.²³

Одним из наиболее распространенных и широко представленных персонажей, олицетворяющих враждебные человеку силы, в произведениях о Шарвили выступают аждага – дэвы, драконы. Богатырские качества героя раскрываются чаще всего в борьбе с ними. («Сон Шарвили», «Сказка о том, как богатырь Шарвили убил полосатого дэва»²⁴).

В цикле преданий о Шарвили одно из важнейших мест занимает тема защиты Родины от иноземных захватчиков. Многочисленные легенды и предания об этом легли в основу сборника «Лезгинский фольклор о Шарвили» (рукопись) и в книге «Кайриманвилиин манияр». В них, как и в богатырских сказках и эпосе, описываются героические подвиги богатыря – защитника Родины.²⁵

В песнях о Шарвили отображены отдельные эпизоды из жизни героя, отдельные его подвиги во имя народа и Родины («Песня о том, как Шарвили приехал в город Гияр», «Слава Шарвили» и т. д.). Все они кропотливо собраны и частично изданы Ф. Вагабовой и А. Ганиевой. Приведу несколько песен, в которых выражены всенародная любовь к своему герою и горе в связи с его гибелью.

Чан Шарвили
Вун сагь хьурай
Вун нур я чаз
Гъуцаригаь

Шарвили джан (душа),
Будь здоров,
Ты – сиянье наше,
Данное богами.

къман” также воспевают мужественных героев – борцов за справедливость, за свободу своего народа.²⁹

В устном народном творчестве лезгин особое место занимают сказки, в которых, как и в сказках всех народов, доминирует вымысел, воплощены мечты народа о добре и справедливости.

Сказки лезгин делятся на три группы: волшебные, сказки о животных и бытовые.

В волшебных сказках герои подвергаются разным испытаниям, выполняют трудные задачи, побеждают дэвов, волшебников, злых людей и т. д. Как правило, в преобладающем большинстве случаев финал таких сказок – счастливый, ибо в судьбы героев вмешиваются силы в лице добрых волшебников или людей, которые помогают обездоленным, обиженным.

Многочисленные сказки этой группы собраны в сборниках “Лезги халкъдин манияр” Клеви ахвар” (“Крепкий сон”), “Рустам зал”, “Ирид юкI алай пагъливан Магъамад” (Семиметровый богатырь Магъамад”), “Кесибдин хва Къагъриман” (“Сын бедняка Къагъриман”), “Гъульуьн руш” (“Морская дева”), “Гъульуьн шив” (“Морской конь”) и многие другие.³⁰ Мы приведём краткое содержание тех, которые записаны нами и не нашли отражение в публикациях.

В сказке “Об Адугузеле и Асланшахе” повествуется о том, что два брата после смерти отца – царя уходят из родного города из-за козней его визиров. Прибыв в соседнее царство, братья приходят на площадь, где выбирают царя. Волшебная птица – “Туьтуь къуш”, которая играет главную роль в выборе царя, садится на плечо старшего брата – Асланшаха, которого тут же уводят в шахский дворец. На радостях он забывает о младшем брате. Адугузель день за днем приходит в шахский дворец, чтобы его пропустили к шаху, но слуги его не пропускают. Адугузель, необычайной красоты юноша, претерпевает всевозможные бедствия из-за любви к нему прославленной красавицы Назлу-ханум, возлюбленной Миши чувуда – известного богача в государстве. Его сажают в яму, топят в море, где его проглатывает огромная рыба – нака балут и выплевывает на берег, где его находит известный богатырь Али Чубан. Али Чубан наказывает Миши чувуда, отводит Адугузела к брату – царю. Финал сказки

– счастливый: царь назначает Али Чубана своим старшим визирем, объявляет брата наследным принцем и женит его на красавице Назлу-ханум.

В волшебной сказке “О Гай-Гате” рассказывается о том, что некий бедняк с сыном шли в соседний город устраивать сына на работу. По пути остановились отдохнуть. Усаживаясь на землю, бедняк от усталости застал: “Гай-Гат”. Тут же из земли вышел пожилой человек и спросил, кто его позвал. Оказалось, его звали Гай-Гатом. Узнав куда держат путь бедняк с сыном, Гай-Гат предложил отдать сына ему на обучение, обещал выучить юношу в течение года многим полезным ремеслам и, чтобы отец ровно через год пришел на это же место и забрал своего сына. Бедняк после раздумий согласился. Гай-Гат ушел с юношей под землю, где жил в роскошном дворце. Он оказался волшебником. У Гай-Гата была красавица дочь, которая с первого взгляда влюбилась в юношу. Улучшив момент, девушка предупредила юношу, что отец ее – злой волшебник и, что он, обучив юношей своему ремеслу, тут же убивал их. Она посоветовала юноше выучить все, но не показывать отцу, что он все усвоил. Гай-Гат учил юношу, как превращаться в животных, птиц и т. д., но последний делал вид, что ничего не понимает. Долго бился волшебник, но, убедившись в бестолковости юноши, решил отправить его к отцу. Через год отец пришел в назначенное место, крикнул “Гай-Гат”. Волшебник с юношей вышли из земли. Тут на глазах изумленного отца, сын стал превращаться то в барана, то в птицу, то в змею и т. д. Как только он превращался в какое-нибудь животное или птицу, волшебник принимал облик другого, более сильного животного или птицы, и пытался его одолеть, но юноша превращался в еще более сильное и ловкое животное. Так они долго пытались победить один другого. Под конец, когда Гай-Гат превратился в просо и рассыпался по земле, юноша тут же принял облик курицы с многочисленным выводком цыплят и съел его. Затем вернулся в подземное царство злого волшебника, вывел его дочь на землю и женился на ней.

В сказках о животных речь идет о проделках животных, об их хитрости, находчивости. В них животные не всегда заботятся о соблюдении моральных норм, и сильный, но глупый, становится жертвой слабого, но хитрого, умного.

(“Къуърни Аслан” – (“Заяц и лев”), “Къве мирг” (“Два оленя”). “Тапан къин къур жанавур” (“Волк, принесший ложную клятву”), “Девени, сикІни, жанавурни, сев” (“Верблюды, лиса, волк, медведь”) и др.³¹

В сказке “Чухерхъан” (“Занимающийся выращиванием груш”), записанной нами, рассказывается о том, что лиса, попав в капкан, расставленный Чухерханом, просит отпустить его, взамен обещает ему богатства и царскую дочь. Чухерхан соглашается, хотя и не верит ей. Через несколько дней лиса идет к царю и просит дать для Чухерхана ките – мерку для зерна. Царь дает мерку. Лиса засовывает в щель медную монету и назавтра возвращает мерку. Царь удивляется, что у бедного Чухерхана столько денег, что мерит их меркой для зерна. Спустя несколько дней лиса приходит с той же просьбой. Возвращает мерку с серебряной монетой, в третий раз лиса возвращает мерку с золотой монетой. Не выдержав, царь спрашивает лису о Чухерхане. Лиса заверяет царя, что такого богатого человека, как Чухерхан, нет в царстве. Подготовив таким образом царя, лиса идет сватать царскую дочь. Царь соглашается. Собрав свадебный кортеж из бедных людей, лиса вместе с Чухерханом отправляются к царю. Остановив сопровождающих около реки, лиса отправляется к царю и говорит, что по пути жениха и сопровождающих его постигла беда – при переходе через реку все свадебные подарки и одежду царя и его свиты унесла река. Царь отправил своих нукеров с роскошной одеждой для царя и его свиты. В таком благополучном виде кортеж пришел в царский дворец и после свадебного пира забрали невесту. По пути к дому Чухерхана, лиса побежала вперед, приказав свадебной процессии идти медленно в ту сторону, куда она пойдет. А пришла она во дворец дэвов и, показав на большой свадебный кортеж, сказала дэвам, что это идет царское войско, чтобы уничтожить их. Испугавшись, дэвы убежали далеко в горы. Лиса вышла навстречу процессии и провела всех в роскошный дворец дэвов. Лиса с Чухерханом и его молодой женой стали жить в богатых владениях дэвов.

В бытовых сказках повествуется об обыденных событиях жизни. (“Гъамбал” (“Холоп”), “Кесиб кас” (“Бедняк”), “Пачагъ къабулай кесиб” (“Бедняк, принявший царя”), “КъепІина тур

фекъи” (“Мулла, которого уложили в колыбель”), “Акьулли данарбан” (“Умный пастух”), “Акьул ва бахт” (“Ум и счастье”) и многие другие.³²

Персонажи этих сказок, как правило, типизированы – это обычно царь и богач с одной стороны и бедняк – с другой. В силу счастливых обстоятельств повышается социальный статус бедняка – он становится богатым, почитаемым человеком, что в народном представлении связывается с торжеством добра и справедливости. Интересно отметить, что в сказках лезгин царь в большинстве случаев демократичен, часто справедлив.

Так, в сказке о царе Шейх оглы Шах Аббасе повествуется о том, что однажды царь с двумя своими визирями отправился путешествовать инкогнито по своему царству. В пути их настигла непогода. Царь постучался в ворота богатого дома и попросил приюта, но хозяин отказал ему, постучал в другие ворота (тоже богатого дома), но и там не нашел приюта. Наконец, царь постучался в двери самого бедного дома. Хозяева с готовностью приняли гостей. Угостили самым лучшим, что было дома. Дальше рассказывается о том, как царь отблагодарил бедняка – назначил старшиной селения, дал ему стадо овец и т. д.

Значительное место в устном народном творчестве лезгин занимают пословицы и поговорки – афористически сжатые изречения с поучительным смыслом, основанным на жизненном опыте или каких-то правилах общественного бытия. В них фиксируются общественные нормы и заповеди. В пословицах народ выражает свои представления и взгляды на жизнь, в некоторых из них отражаются общественные отношения, нормы поведения и мышления на определенной стадии развития общества.

Приведем некоторые из них:

“Къил цававаз фидайдан, кІвач къванцикъ галукъда” (Кто ходит со слишком поднятой головой, споткнется об камень”).

“Ламраз пур ягуналди, адакай шив жедач” (Оттого, что на осла наденешь седло, он не становится конем).

“Аял къепІинамаз, дана епинамаз вердишарна кІанда” (Ребенка в люльке, теленка в веревке нужно воспитывать).

“Вуч цайтІа, ам акъачІда” (Что посеешь, то и пожнешь).

“Алчах яшамыш жердала, зирек къейтІа хъсан я” (Чем жить униженным, лучше умереть гордым).

“Нагъакъан стхадилай, хъсан кунши хъсан я” (Чем плохой брат, лучше хороший сосед).

“Куьгъне душмандикай-дуст жедач” (Из старого врага не получится друг).

“Инсандалай аллагъдин этег къуртга хъсан жеда” (Чем держаться за подол человека, лучше обращаться к богу за помощью).

“Дустунин чинал, душмандин къулакъай” (Другу надо говорить в лицо, а врагу за спиной).

“Ханди гайи малдин сарариз килигдач” (Даренному ханом скоту в зубы не смотрят).

“Хъсан душмандилай, пис дуст хъсан я” (Пусть лучше плохой друг, чем хороший враг).

“Къуьншидал хъверайла, жуван къилел къведа” (Не смейся над бедой соседа, на твою голову свалится (беда).

Вичи атгай фуруз вуч аватда” (Кто роет могилу (яму) другому, сам туда попадет).

“Къерел къей лам къанда, хам хтадайвал” (Ему нужен мертвый осел, чтобы снять шкуру).

“Гъардаз вич хан хъиз аквада” (Каждый считает себя ханом, в смысле каждый считает себя выше других).

“Вакав агатайди къарада, миргив агатайди – цукведа” (Кто общается со свиньей, будет в грязи, а кто с ланью – в цветах).

“Ажус ламрал пуд рипе, зирек шиврел пурун гъебе” (На слабого осла три пуда, на шустрого коня – только седло).

“Азаб такурдаз, регъятвилин къадир чир жедач” (Кто не видел нужду, тот не оценит изобилие).

В “Хъсанвал ануна гъуьлуьз вегъ” (Сделай добро и бро-сай в море – в смысле добро нигде не пропадет).

“Хъсанвилиз хъсанвал авайди я” (На добро нужно отвечать добром).

“Кандани азарлудавай хабар къада” (Только у больного спрашивают, хочет ли он есть).

“Аманатдал хиянатвал ийимир” (На доверие не отвечай коварством).

“Лам къейитга, супа сагърай” (Если умрет осел, останется осленок – обычно говорят в случаях, когда кто-нибудь уходит из семьи; в смысле, что не потухнет род, кто-то там останется).

“Ахпа жедай мислятдилай, сифте жедей дяве хъсан я” (Лучше ссора вначале, чем согласие потом).

“Ах авуртга – чурудал, тфу авуртга – спелрал” (Если проклясть, попадает в бороду. Если плюнуть – в усы, в смысле свой человек со всех сторон).

“Са гъиле къве хъарпуз къаз къан жемир” – (Не пытайся в одной руке удержать два арбуза).

“СикI фейи патахъ тумни фида” (Куда лиса, туда и хвост).

“Гафунитлатгайди гапурди атIудач” (Кого не сразит слово, того не сразит и кинжал).

“Тпурунал нез, тумани вил акъудиз” (Кушает ложкой, черенком выкалывает глаз” – о неблагодарном человеке).

“Гъар гуьзелдиз са айиб” (Каждая красавица имеет хоть один недостаток).

“Етимдакай хъайи гъаким регъимлу жеда” (Лучший начальник тот, кто видел сиротство).

“Итимдиз гаф лугъун бес я” (Настоящему мужчине хватит одного слова).

“Угъри вичин месел рекъидач” (Вор не умрет в своей постели).

“Кесиб фей гъамамдиз къур акъатда” (Даже баня, куда пойдет бедняк, высохнет).

“Балугъ кандайда, тум вацIув вугуда” (Кто хочет полакомиться рыбой, помочит хвост в реке – в смысле, без труда, ничего нельзя добиться).

“КIвалах инсандин нур я” (Труд украшает человека).

“Буба къейила са этим, диде къейила – ирид этим” (Потерявший отца – сирота один раз, потерявший мать – сирота семь раз).

“Масадан балкъандалай жуван лам хъсан я” (Свой осел лучше, чем чужой конь).

Пословиц и поговорок, отображающих народную мудрость, его нравственные критерии и т. д. у лезгин великое множество.³³

Определенное место в устном народном творчестве лезгин занимают мискIалар (загадки). В них известные события, факты преподносятся в завуалированном, сравнительном виде в расчете на отгадку:

Имуча-муча	Что это –
Муч халича	Над горой
Дагъдин кукIал къизил	Золотой поднос?
хунча	(солнце)

“Са чубанди агъзур хеб хуъзва” (Один пастух стережет тысячи овец) (луна со звездами).

“Я гъилер квач, я кIвачер, вичи ахъайда ркIар” (Ни рук нет, ни ног, но открывает дверь) (ветер).

“Имуча-муча. Экуьнахъ къуд кIвачел, нисинихъ къве кIвачел, нянихъ пуд кIвачел” (Кто это – утром на четырех ногах, в полдень – на двух ногах, вечером на трех ногах) (человек).

“Хам къацуди, як яруди, кIарабар чIулавди” (Шкура зеленая”, мясо красное, кости черные) (арбуз).

Чилин кIеник зардил къамчи (Под землей пестрая плетка) (змея).

Фольклорные произведения передавались из поколения в поколение и пронизывали весь бытовой уклад народа, и поэтому прочно закрепились в памяти народа.

§ 3. Наука, литература, театр

Из среды лезгин вышло немало выдающихся личностей, внесших заметный вклад в науку, искусство. В вопросах физики и философии для своего времени много сделал Магарам Эфенди Ахтынский (XIX в.) Дело ученого после его смерти (он умер от удара молнии) продолжил его сын Гаджи Селим Эфенди, который жил и работал в селении Юхари-Яраг (умер в 1851 г.).

Видным ученым и поэтом XIX в. был кадий из сел. Ахты Мирза Али-Эфенди Ахтынский. Он владел персидским, тюркским и арабским языками. Он был истинным ученым. Им написано много стихотворений на арабском и тюркском языках (умер в 1858 году). Заметный след в идеологической подготовке движения горцев Северо-Восточного Кавказа и Кавказской войны оставило научное наследие шейха Магомеда-Эфенди Яраги, сына Молла Исмаила. Он закончил курс наук сначала у своего отца, затем у разных ученых Дагестана. Он был духовным наставником и вдохновителем движения горцев против царизма. Научные идеи Ярагского продолжил его сын Гаджи Исмаил Эфенди Яраги – родной дядя матери известного ученого Гасана Эфенди Алкадарского. Обучением молодежи основам научных знаний занимался также младший сын Магомеда Ярагского – Исхак Эфенди.

Одним из крупных ученых Кюринского округа был Гаджи-Али Эфенди Рухунский. Он усвоил все науки, имевшие распространение в Дагестане, более двадцати лет преподавал в своем селении Рухун, переписал много книг, в том числе Коран (умер в 1851 г.). После его смерти его место преподавателя местного медресе занял его сын Абакар-Эфенди. Эстафету научных изысканий Абакара-Эфенди принял его сын Абдул-Гамид-Эфенди. К числу известных ученых-арабистов относился Абдул-Хаким-Гамид-Эфенди – уроженец Самурского округа. Он получил инвеституру от Магомеда Ярагского на наставничество в Тарикате накшибенди (умер в 1850 г.). Видным арабистом – учеником шейха Магомеда Ярагского был Гаджи Амирали Эфенди из сел. Тахирджал. Известным арабистом был его сын Молла Магомед.

Видным лезгинским ученым был Гасан-Эфенди-Алкадарский (вторая пол. XIX в.). Родился он в аварском селе-

нии Балаканы. Кроме лезгинского языка Гасан Алкадарский знал русский, прекрасно владел персидским и тюркским языками, хорошо знал восточную литературу, сам сочинял и писал стихи, в совершенстве знал физику, философию, изучению которых посвятил ряд лет под руководством Ахтынского кадия Мирза-Али эфенди. Ряд лет после завершения учения работал в Табасаране. Впоследствии был сослан в Тамбовскую губернию по подозрению в участии в восстании 1877–1876 гг. против царизма. Научные трактаты Алкадарского по философии и религии не потеряли значения и в наши дни.³⁴

Заметный вклад в дагестанскую литературу внесли поэты-лезгины Салих Ярагский (XVII в.), который кроме лезгинского владел арабским, персидским и тюркским языками и был хорошо знаком с восточной литературой; Ялчуг Эмин (XVII – первая пол. XVIII в.), Абдулхалик Ахтынский, Магарам Ахтынский, Ашук Шайда из Тагиркента (XVIII в.). Видное место в культуре лезгин занимает творчество поэта-бунтаря Саида Кучхурского (XVIII – нач. XIX в.). Под влиянием поэзии Саида Кучхурского творил поэт Лезги Ахмед из Кусара (XVIII – нач. XIX в.). Широкой известностью среди народа пользовались поэты Мазали Али из селения Маза, Молла Нур из селения Ахты, СтIал Саид из селения Ашага СтIал и многие другие.

Наибольшего расцвета поэтическая культура лезгин достигла в середине XIX в. Она ознаменовалась появлением такого ярчайшего таланта, как Етим Эмин.

Поэзия этого непревзойденного мастера слова возникает на основе традиций, заложенных устным народным творчеством, на поэзии плеяды ашуггов, на всей истории народа.

Етима (сироту) Эмина (1838–1889), чей могучий талант проникает в самые глубины человеческих душ, можно считать родоначальником национальной литературы лезгин.

Етим Эмин по происхождению, воспитанию и образованию принадлежал к среде зажиточной прослойки горского общества. Ф. Вагабова отмечает, что именно выходцы из этих кругов предпринимали попытки обновления средневековой письменной литературной традиции на национальной почве. Древняя традиция не могла просто отмереть. В поэзии

Востока появились совершенно иные, чрезвычайно приближенные к формам стихосложения, контуры.³⁵

Поэзия Етим Эмина многогранна.³⁶ Это панегирическая поэзия, уходящая корнями в классическую литературу Востока, центральным образом в которых выступает возлюбленная, "...на которую "работает" весь строй аллегорических образов, пестовавшийся седым Востоком".³⁷ Возлюбленная сравнивается с горным джейраном, солнцем и т. д. Значительное место в поэзии Е. Эмина отведено любовным страданиям, высказываемым от первого лица, т. е. от имени самого поэта:

Красавица Тамум!
Вдумайся,
В душе моей
Горит огонь.

Когда мы далеки
Друг от друга,
О моих страданиях
С кем, красавица,
Я поделюсь?

Объектами лирики Эмина выступают не только возлюбленная, женщина вообще, но и представители животного мира ("Тумахъ яц" ("Куцый вол"), птицы ("Соловей") и даже – неодушевленные предметы ("Гуьллуь чит") ("Ситец в пестрых цветах"), хотя в последних поэт от восхваления прекрасного – любования тканью, ее пестрой красоты, переходит к почти социальной проблеме – к недоступности его всякому.

Из области лирики Эмин выходит в многообразный мир народной жизни. Симпатии к обездоленным, стремление помочь им – основная ведущая тенденция всего творчества Эмина. ("Вирт квахъайдаз") ("Хозяину украденного меда"), "Дуьньядиз" ("Вселенной", "Гъарай, эллер!" ("О, люди!") и многие другие.³⁸

Болью, отчаянием, безысходностью пронизаны творения поэта о событиях Кавказской войны и восстаниях 1877 года, полыхающих во всех уголках страны гор, в том числе на родине поэта, и жестоким их подавлении. Смертной казни были подвергнуты главари восстания, в числе других в далекую Тамбовскую губернию был сослан Гасан Алкадарский с семьей, в Турцию бежит его верный соратник Казанфар Зульфугаров, повешен участник восстания Ших буба:

Прощальным вздохом прозвучала “лебединая песня”⁴⁰ Эмина “Друзьям”:

....
Вил атГудач дуьнъядихъай – ширин я
Айиб мийир – инсан я лагъ дустариз

Не хочу расстаться со светом (жизнью) – он сладок,
Не обессудьте – я всего человек, скажи друзьям!)⁴¹

Завершу сказанное о творчестве основоположника лезгинской литературы, талантливейшего и незабвенного народного поэта, непревзойденного в искусстве проникновения в глубины человеческих душ и тайны родного языка Етима Эмина словами Фирузы Вагабовой: “Нет, не напрасны были жизнь, страдания, жертвы. Вечна память о том, кто оставил такое наследие, каким является для лезгин творчество Етима Эмина, искусство, перед которым склоняют головы поколения”.⁴²

Верным учеником, продолжателем поэтического наследия Етима Эмина был Сулейман Стальский. Сам Сулейман о себе писал: “Меня жить научил народ, а песни слагать – Етим Эмин”.

Сулейман Стальский прошел суровую жизненную школу. Бывший подневольный батрак и бесправный чернорабочий, исколесивший в поисках счастья многие области дореволюционной России, он рано познал жизнь: он одним из первых дагестанских поэтов познал причины народных бедствий. В своих произведениях Сулейман протестует против носителей зла. В стихах “Судьи”, “Купцы”, “Богачи”, “Муллы”, “Старшине” и др. раскрывается правда о тех, кто притесняет народ.

Довольно грабить все и всех!
Довольно ждать земных утех,
Ужасен ваш, поймите, грех,
Вас ждет большое наказание, судьи.

Куда бежать от этих бед?
От аксакалов пользы нет,
Так Сулейман сказал – поэт,
Ведь тоже он измучен, люди.

Интересно отметить, что в творчестве С. Стальского почти полностью отсутствует любовная лирика. Это поэт – борец, безжалостно разоблачающий несправедливость, зло. Даже в песне “Соловей” – символе радости, счастья, любви, поэт говорит о страданиях, муках и нищете народа.

С. Стальский восторженно приветствует Октябрьскую революцию, все свои силы и способности отдает борьбе за победу Советской власти в Дагестане. Произведения Сулеймана Стальского всего последующего периода посвящены восхвалению новой власти. Самые лучшие свои стихи и песни Сулейман Стальский посвятил Ленину и Сталину.⁴³

Одним из любимейших и талантливейших поэтов лезгин является Тагир Хрюгский. Богат и разнообразен репертуар его песен. Это песни – раздумья о судьбах Родины, народа:

Вечерний сумрак дымом голубым
На землю опустил невесомо,
Я тоже был когда-то молодым,
Но юных лет мне счастье незнакомо.

Лишь вспомню – и встает перед глазами
В неволе изнывающий от ран,
К утесам гор прикованный цепями,
Как древний богатырь, мой Дагестана.⁴⁴

Песни-наказы:

Как младшему брату,
Даю тебе этот наказ –
Защита Отчизны
Есть долг высочайший для нас.⁴⁵

Песни-диалоги:

Разговор мужа с ленивой женой

Муж:

Ишь, в доме пыль какую развели!
Того гляди я задохнусь в пыли!
Нагрянет гость – и через полчаса
Он хлопнет дверь, плюнув нам в глаза.

Жена:

Клянусь, не помню я такого дня,
Чтоб ты, мой муж, не упрекал меня,
Коль гостя ждешь, предупреди о том,
И накануне приберу я дом.⁴⁶

Прекрасна лирика Тагира Хрюгского, воспевающая красоту женщины.

Большое место в устном народном творчестве лезгин занимают лирические песни-маньяр или бендер, в которых отражается боль, надежды, протест против жестокости судьбы. Много песен этого жанра систематизировано и проанализировано Айбике Ганиевой.⁴⁷ Поэтому мы ограничимся несколькими песнями этого жанра, записанными нами в селении Усухчай Докузпаринского района у Везирхановой Мунажат (1910 г. р.).

Закай вили лиф хъанайтIа
Ви айвандик къекъведай зун
Ви рикIин сир чир хъанайтIа
Гатфаралди хкъведай зун

Если бы я стал сизым голубем,
На балконе твоём ходил бы я,
Если бы я знал тайну твоего сердца,
До весны вернулся бы я (из отхода – М.Р.).

Бахтунин къил кур хъайила
Дустуникай душман жеда
На зун туна масад гъайтIа
Вун эхирни пашман жеда

Когда отворачивается счастье,
Друг становится врагом,
Если оставишь меня, женишься на другой,
Ты пожалеешь об этом.

Значительный пласт лирических песен составляют песни об отходничестве. Как известно, лезгины, как и многие народы Дагестана, из-за нехватки пахотных земель, отсутс-

твия сфер приложения рабочей силы и ряда других причин в поисках заработка ежегодно уходили в промышленно развитые города, в первую очередь в Баку. Это историческое и социальное явление находит широкий отклик в народном фольклоре лезгин. Песни об отходничестве относятся к типу семейно-бытовых лирических песен. В них выражается тоска по любимым людям, по семьям, по родным местам.

Особым трагизмом пронизаны песни, в которых передается тоска девушки по ушедшему на чужбину возлюбленному. В широко распространенной среди лезгин песне “Журавли” говорится о том, что родители девушки, не дождав-шись ее жениха, выдают ее за более обеспеченного человека. Девушка обращается к журавлям, чтобы они сообщили ее возлюбленному, что ее насильно выдают за нелюбимого:

Я гъавадай фидай дурна
Зун туна хъифидай дурна
Алад бахтлу фуй куь сефер
Мус хкъведа чуйн алкъвена?

О журавли, летящие в небе,
О журавли, оставляющие меня!
Улетайте – пусть счастливым
будет ваш путь.
Когда вернетесь вы обратно?

Зи яр гала Шеки патяхъ
Куьне адаз саламар твах
Туна гъиле авай кIвалах
Фад хутураи хуьруьз, дурна

Мой возлюбленный в стороне Шеки,
Отнесите ему привет,
Оставив работу,
Пусть спешит домой, журавли.

Аманат я зи гафар ваз
Къваз тавурай къша лагъ фад
Гужуналди зун масадаз
Гузавла лагъ гъуьлуьз, дурна

Поручаю вам свои слова,
Пусть не остается, спешит домой,
Насильно за другого
Выдают меня, скажите, журавли...

Тоской и отчаянием пронизаны строки другой песни:

Къилал алаи шал чихена
Къакъан къавал акайна за
Яр феи пад чир тахъайила
Ничхирди хъиз гъарайна за

Постирав платок,
На высокой крыше повесила я,
Не зная, куда ушел любимый,
Как волчица, закричала (завыла) я.

Ушедшие на заработки лезгины за свой каторжный труд получали мизерную плату, что нашло отражение в следующем четверостишии:

За Бакудиз тел яна
Са шиблитар къутъваш лугъуз
Заз Бакудай тел хтана
Шалвардин кек кумач лугъуз

Я отправила в Баку телеграмму (весь),
Чтобы мне привезли туфли,
Я из Баку получила ответ:
У брюк штанины нет.⁴⁸

Целый цикл песен об отходничестве собран и систематизирован А. Ганиевой.⁴⁹ Среди произведений известных лезгинских фольклористов М.М. Гаджиева, А. Гаджиева, Г. Алкадари, Д. Хедирова и др. также содержится значительный пласт песен об отходниках. В сборнике “Лезгинский фольклор” они напечатаны под заголовками “Бакудиз” (“Песни о Баку”) и “Бакудиз къаргъишар” (“Проклятия Баку”).⁵⁰

Многие песни поражают содержащимся в них чувством отчаяния, тоски, безысходности:

Зун дередин кафанда тур
Зун сурарал твах жегъилар
Зи дуьньядихъ вил галамач
Сура пенжер тур кІани яр

Заверните меня в саван из дарая,
Отнесите меня в могилу,
Но я еще жить хочу,
Оставь в могиле окно, любимый.⁵¹

Во многих песнях отражается тяжелая, безрадостная жизнь отходников, их жалобы на жестокую долю:

Хабар къуртІа зи гъалдикай
Зи рикІ пара дар я хьи, дуст
Айиб мийир ин чІалариз
Зулуматдин къар я хьи, дуст

Если спросишь, как я живу,
Сердце печально, встревожишь, друг,
Не кори, что ответил так,
Дни гнетущие ныне, друг.

Ин Баку чаз сад шегъер я
Недай къвадайди зегъер я
Хкверди вучдин къагъар я
Лугъур агъузар я хьи, дус

Этот город Баку – не для нас,
Съеденное, выпитое – отрава для нас,
Только жалобы здесь для нас,
Рыдания и стоны, друг.

Гъурбат жедач завай эхи
ЧІулав чІарар хъана рехи
Яш тІемил яз, уьмуьр чІехи
Саилдин гъалар я хьи, дуст

Невозмогу здесь больше страдать,
Черновоლოსый, я стал седым,

Молод еще, а жил, как старик,
Точно нищий живу я, друг.⁵²

Особый вид лезгинских маньяр (бендер) составляют песни о героической борьбе лезгинского народа против иноземных захватчиков.

Гневом и ненавистью полны народные песни о нашествии Надир–Шаха:

Деред сиве карван–сара
Цай аватна кана, эллер
Ирандикъай атай гавур
Пехъи я вин кицин вилер

Перед ущельем караван – сарай
Сгорел от огня, о люди,
Пришедший с Ирана неверный,
Бешены твои собачьи глаза.

Серкер, аман, гъарай хъуй ваз!
Рехъ гумир, девлер атана
Къабанарин сурьуръ члехи
Къаралмиш кьеркьер атана

Предводитель, веленье тебе,
Не давай дороги – дэви пришли.
Огромные кабаньи своры,
Закованные в черные латы пришли.⁵³

Къаралмишар атана мад
ХупІ ламрал курчар хъана хьи
Аш я лугъуз гъил вигъейла
Цу кана хабар хъана хьи.

Черный злодей снова пришел,
Вот ведь осел, да еще с рогами,
За пловом потянувшаяся рука,
Обжегшись огнем, опомнилась ли?⁵⁴

В песнях также отражено торжество народа после позорного бегства шаха:

Гъаргъар Надир, атана гил
Жуван падар шалвар хутах

Хвастун Надир, вернись же за своими падурскими (презрительное название персов) шароварами.⁵⁵

Полны горечи песни о Шамиле, о колонизации русскими горных районов:

Атана, атана
Шамиль атана
Шамилан къушун
Темил атана
Темил къушундин
Сурьсет атана
Алчх душмандиз
Нуьсрет атана

Пришел, пришел,
Шамиль пришел,
Мало Шамиля,
Войско пришло.

Малочисленных войск,
Все потеряно,
Даже подлый враг
пожалел.

Ахцегъиз атана
Къеле къачуна
Залум пачагъди
Уьлке къачуна

Пришли в Ахты,
Взяли крепость,
Жестокий царь
Мир взял.

Шамиль гъатай гъазаватда
Я чан гайи кьейи гада
За зи хиял нел вигъин гил
Чан аслан яз кьейи гада

В Шамиля священной войне
Отдавший жизнь юноша,
О ком мне теперь думать,
Как лев погибший, юноша?⁵⁶

Театр

Как известно, истоки театра, драмы, прежде всего восходят к устному народному творчеству, к той тяге народа к театрализованному, зрелищному и игровым представлениям, обрядовым танцам, которые широко бытовали у лезгин, как и у всех народов Дагестана.

Издавна лезгины в дни празднеств, на свадьбах, при рождении сына и т. д. устраивали представления пехлеванов, сопровождаемые веселыми шутками, комическими диалогами. В выступлениях пехлеванов участвовали их помощники – квасаяр (ряженые). Одетые в вывороченные овчинные шубы, со смешными или страшными масками на лицах (изображающих волка, медведя, козла и др.), квасаяр забавляли людей: гонялись за детьми, в шутку приставали к девушкам и молодым женщинам, осыпали мужчин мукой, которую прятали за пазухой, кувыркались и т. д. Часто их шутки, высказывания были сатирическими, носили социальный характер. Они бесстрашно критиковали мулл, власть имущих, но все им сходило с рук (как и шутам во все времена).

Ввиду особых условий, близкого соседства с Азербайджаном, где искусство было достаточно развито, лезгинский народ во многом впитал эту культуру, сохранив, несомненно, и самобытность. По примеру азербайджанцев были сделаны первые попытки не только ставить спектакли, но и создать собственную пьесу еще в 1905 году.

Первым режиссером – любителем лезгинского самодеятельного театра и создателем инсценировки был Идрис Шамхалов. Вернувшись из Баку, он в 1906 году поставил в Ахтах первый любительский спектакль “Буржали” по мотивам лезгинского фольклора. Спектакль имел огромный успех. Женские роли в нем играли мужчины. Постановка следующего спектакля не была осуществлена, так как за несколько минут до его начала в зал явилась полиция и разогнала зрителей. Шамхалов был арестован: содержание пьесы показалось властям крамольным.⁵⁷

Однако зародившийся самодеятельный театр не прекратил своей деятельности. В 1914 году ахтынский кружок воплотил на своей сцене пьесу Л.Н. Толстого “Первый винокур”. Пьеса была переведена на лезгинский язык и шла с большим

успехом.⁵⁸ Следом за ней в 1915–1916 годы ахтынцы играют “Аршин мал алан”, “Ашуг Гариб” З. Гаджибекова и ряд других переведенных с азербайджанского языка пьес. В 1914 году на сцене ахтынского театра выступают две женщины – Саят и Сафият Аскеровы. Сафият впоследствии снималась в главных ролях кинофильмов “Крылья холопа”, “Под властью адата”.⁵⁹ Ахтынский коллектив стал тем ядром, из которого впоследствии вырос профессиональный театр лезгин.

В первые годы Советской власти лезгинский театр наряду с переведенными ставит и первые оригинальные драмы – “Пери Ханум” И. Шамхалова, “Большевик Ахмед” А. Кисриева, “Слепые ханы” Эфендиева и др.

В заключение отметим, что общность исторических судеб определяла развитие сходного художественно-эстетического мышления, литературы и фольклора народов Дагестана. По тематике, по идейной направленности и художественной специфике устное народное творчество лезгин имеет много общего с общедагестанским фольклором, но в то же время отличается особенностями, определяемыми спецификой быта и истории народа.

§ 4. Народная медицина

Традиционная народная медицина лезгин была представлена двумя направлениями: бытовой, когда каждая семья владела элементарными познаниями в лечении членов семьи, и профессиональной, представленной джаррахами – лекарями, владеющими профессиональными секретами, умеющими выполнять специальные лечебные ритуалы, недоступные другим.

Широко были известны имена народных лекарей Мирзы Али из селения Ахты, Шахбаза из селения Испик, Табиб Магомы из селения Касумкент и многих других.⁶⁰ Часто знахарские знания передавались из поколения в поколение, от родителей к детям, и в таких семьях складывались универсальные традиционные приемы и методы лечения тех или иных заболеваний. Так, в селении Кара-Кюре был род джаррахов, который занимал самый известный в селении квартал – квартал Джарахов (“Жерегьрин мягьле”).

В своей лечебной практике джаррахи применяли разные методы: хирургию, терапию, психотерапию. Есть много примеров успешного лечения джаррахами переломов костей. По словам информаторов, почти исключались случаи неправильного сращения переломов.

Почти в каждом лезгинском селении имелись женщины, владеющие познаниями в акушерстве и гинекологии – мамачияр. Они успешно оказывали помощь при родах, в лечении различных женских болезней.

Как в бытовой, так и в профессиональной медицине значительное место отводилось применению лекарственных растений.

В народе был накоплен значительный опыт в области фармакологии. Наиболее распространенными в народной медицине были лекарства растительного происхождения. Круг лекарственных растений у лезгин был довольно обширен.

Так, особыми лечебными свойствами при головных болях, особенно хронических, при болезнях глаз (покраснение, слезоточивость и др.) наделялась мазулад векьер – мелкая трава, напоминающая кинзу. Траву настаивали на горячей воде и пили три раза в день до полного исцеления.

Универсальным средством для лечения гипертонии, ки-

шечных заболеваний и для общего укрепления организма считалось дагъдин кларасар (горные дрова) – растение, основная часть которого находится в земле, а небольшой пучок мелкой травы – на поверхности. Растение раскапывали (при этом старались выкопать целиком, не повредив многочисленные разветвления), сушили, размельчали и хранили в специальных мешочках. При возникновении необходимости заваривали, как чай. Пили, не соблюдая дозировки.

Незаменимым средством при ревматических заболеваниях считалась крапива – верг. Старой (сильно колючей) крапивой хлестали больные участки тела до появления на всей поверхности кожи волдырей. Крапиву широко применяли от малокровия и как общеукрепляющее средство. Начиная с ранней весны и осенью лезгины собирали крапиву, сушили и запасали впрок, но чаще применяли в свежем виде – мыли, посыпали солью и, потеряв немного между ладонями, (во избежание ожогов рта) ели.

Крапиву широко применяли как начинку для приготовления афарар-чуду – одного из излюбленных блюд лезгин.

Особыми целебными свойствами обладал подорожник – дамардин пешер. Его применяли как средство для лечения нарывов, ран, для вскрытия фурункулов. Настойка из подорожника считалась идеальным средством при гастрите и других желудочно-кишечных заболеваниях.

Хорошим средством для лечения желудочно-кишечных заболеваний считался щавель – лурсар. При обострении болезни щавель применяли в свежем виде – толкли и, выжав сок, пили, готовили настойку или просто ели, но чаще всего использовали как профилактическое средство от названных болезней. При этом щавель в составе других съедобных трав применяли как начинку для афарар-чуду. Щавель в больших количествах заготавливали впрок. Почти во всех семьях лезгин хранились связки щавеля, заплетенные в виде косы. В зимний период его замачивали и добавляли в творог для приготовления чуду, очень полезным считался чигьер аш – плов из пшеничной крупы с добавлением щавеля.

Лезгины известны особым пристрастием к съедобным травам. Считалось, что в весенний период, когда организм истощен и особенно подвержен авитаминозу, употребление любых съедобных трав очень полезно. Для приготовления

афарар и пичекар (вареников) широко использовались черемша – сулар и дикий чеснок – цираяр, кекремичер – пас-тушья сумка, царцарар – трава с мелкими круглыми листьями.

Верным средством для лечения геморроя была жанавурдин векер – волчья трава. Ее применяли в составе других трав – в частности цантарар и дудгвердин цуьквер – горных трав с глянцевыми листьями на стебле. Вызывает недомогание добавка к составу: считалось, что для успешного лечения болезни необходимо добавить в травы кусок крайней плоти молодого бычка. Состав прикладывали к больному месту до полного излечения.

Одновременно из названного состава готовили вареники и применяли в пищу (только как лечебное средство).

Значительное место в лечебной практике лезгин отводилось чесноку – серг. Его применяли при простудных заболеваниях. Больному в этих случаях готовили хинкал и давали с приправой из чеснока и простокваши.

Чеснок считался незаменимым средством и при малярии. При этом чеснок толкли, перемешивали с густой простоквашей и этой смесью заливали листья цингиар – мать-и-мачехи. Продержав определенное время, состав прикладывали к голому телу больного.

При этом листьями обкладывали все тело больного, начиная со ступней ног до горла, и оставляли так в течение 10–12 часов.

После процедуры приступы малярии прекращались на длительное время.

Отвар полыни использовали как средство для изгнания глистов. Для этой же цели использовали семена тыквы. При этом семена очищали от шелухи, толкли, смешивали с медом и давали больному натощак.

При сердечно-сосудистых заболеваниях, а также болезнях нервного характера применяли настой шиповника и мяты (вместе и по отдельности).

Значительное место в лечебной практике лезгин отводилось продуктам питания.

Лезгины, как и другие народы, большое значение придавали пчелиному меду. Его лечебные свойства универсальны. Мед применяли при сердечно-сосудистых заболеваниях, бо-

лезнях нервной системы, туберкулезе, простудных заболеваниях и др.

Пища из продуктов животноводства считалась полезной и легкоусвояемой. Прежде всего это касалось молока. Молоко, молочные каши готовили для больных желудочно-кишечными заболеваниями.

При простудных заболеваниях, особенно при воспалении легких, больному давали теплое молоко с козьим жиром (цегьре кьуцур), который специально хранился почти в каждой семье.

При простудных заболеваниях больному давали простоквашу с чесноком. Простокваша с чесноком или без него считалась действенным средством при аллергии. Тугь-сыворотка, оставшаяся после сбивания масла, хорошо очищала кишечник. Свежесбитое коровье масло хорошо укрепляло организм после тяжелой болезни.

Лезгины считали, что каждая роженица после родов в течение одного месяца должна съесть три килограмма коровьего масла.

При болезни уха действенным средством считалось разогретое коровье масло, при этом обязательным условием было, чтобы масло было собрано с семи домов по одной ложке.

Универсальным желчегонным средством считалась сильно подсоленная сыворотка. После ее приема больной качался на качелях (при этом больной качался не обычным способом – взад-вперед, а кругами – чтобы ему стало плохо и он освободился от желчи).

Значительный опыт накоплен в народе и в области диетологии, т. е. в отношении употребляемой пищи, ее совместимости и действию на людей различного возраста. Диетология – смыкается с диетотерапией (лечением разными диетами и отдельными видами пищевых продуктов). Этот подход к питанию и подобные способы лечения были распространены у всех народов, и опыт в этой области очень ценился.⁶¹

Так, в лечебной практике лезгин немаловажное место отводилось пище из мяса некоторых птиц и животных, считавшихся полезными для лечения многих болезней.

Пищу из домашней птицы готовили для выздоравливающих, особенно после простудных заболеваний. Она счита-

лась хорошо усваиваемой, и поэтому незаменимой при желудочно-кишечных заболеваниях.

Весьма целебной для укрепления организма, особенно истощенного после тяжелой болезни, считалось мясо голубя. Хотя убивать и применять в пищу мясо этой птицы у мусульман, в том числе и лезгин, считалось большим грехом, шариат ввиду его целебных свойств разрешает съесть каждому человеку в год одного голубя.

При хронических головных болях (мазула) лезгины применяли мясо ежа. Для это ежа убивали, потрошили и плотно накрывали им целиком голову внутренней стороной. Мясо ежа считалось незаменимым средством от геморроя. В последнем случае годилось и сушеное мясо, для чего его готовили впрок и применяли до тех пор, пока больной не излечивался.

Для лечения легочных, желудочно-кишечных и других заболеваний использовали мясо и жир крота.

При ослаблении зрения полезным считалось применение печени крупного и мелкого рогатого скота. Для этого печень ставили на огонь и больной наклонялся над посудой, в которой она жарилась, так, чтобы пар попадал в глаза. За жаренную печень применяли в пищу. При этом считалось полезным не пережаривать ее.

При воспалении легких больного закутывали в шкуру только что зарезанного козла.

В лечебной практике лезгин немаловажное место занимала гидротерапия. Широкой известностью не только среди лезгин, но и по всему Дагестану и за его пределами пользуются Ахтынские минеральные источники, расположенные в пяти километрах от Ахтов, у подножья горы Хуьнпад. Они состоят из 4-источников, расположенных недалеко друг от друга и соединенных под землей между собой.

Над каждым из них имеется постройка. Помимо них построены так называемые офицерские и солдатские ванны. Воды источников содержат поваренную соль, железо, сернокислую соль. Эти минеральные воды оказывают существенную помощь при болезнях кожи, хронических язвах на теле, ревматизме, болезнях суставов, параличе, рахите, различных женских заболеваниях и т. д.

Целебными свойствами для лечения ревматических за-

болеваний обладает Купул уьр (Озеро ревматизма), небольшой, обложенный камнем водоем в местности Къакъвар, расположенной высоко в горах около селения Каракюре. Вода источника даже в летнюю жару ледяная. Озеро считается священным, и поэтому паломники в первую очередь, прибыв сюда, совершают молитву, жертвоприношения (скотом, хлебом, сладостями и пр.). После этого больной раздевается донага и погружается в воду. Считается, что если святая вода помогает больному (шуфа жезва), последнего сильно лихорадит (но, несмотря на невыносимый холод, больной продолжает сидеть в воде), в противном случае, т. е. если больной относительно легко переносит ледяную ванну, считается, что он трудно поддается лечению. Пробыв в воде сколько хватает выдержки, больной выходит из нее и закутывается в овчинную шубу и старается заснуть и пропотеть (что и происходит под горячими лучами солнца – паломничество совершают, как правило, в самый жаркий период года). Очевидцы уверяют, что ревматизм после такой ванны исчезает бесследно. Бывали случаи, когда привозили людей на санях, неспособных двигаться, скрюченных, а после погружения в Купул ур они уходили самостоятельно.

В лечебной практике лезгин использовались целебные свойства чистого горного воздуха. Так, при легочных заболеваниях больному рекомендовалось чаще бывать на воздухе, желательно вдали от селения. Чтобы лечение было более эффективным, больной поднимался в горы в период, когда они покрывались душистым ковром цветов. В селении Чах-Чах (Магарамкентский район) была известна местность Къелегъар, куда специально уходили больные туберкулезом на весь теплый период года.

В народной медицине лезгин выделялись компоненты как эмпирического знания, так и религиозно-магические представления и действия, сочетающиеся в самых разных комбинациях.

Все болезни детей младенческого возраста, особенно без ярко выраженных признаков болезни, связывались с чилла (чила хъанва). При этом использовали вначале всевозможные методы лечения – гадания, жертвоприношения, хождение (паломничество) к пирам – святым местам и т. д. Если все это не оказывало желаемого действия, ребен-

ка относили на кладбище и три раза протаскивали через сквозную дыру, после чего бросали в яму железный предмет, чаще всего гвоздь, яйцо и древесный уголь, затем ногой разравнивали землю. Более эффективным считалось проведение обряда в дни “яр” – весеннего праздника.

В последнюю очередь прибегали к действию, которое одобрялось не всеми лезгинами. Больного ребенка относили на старое кладбище и со словами “Возьмите его, он нам не нужен” оставляли там на некоторое время (около часа), затем забирали. Считалось, что после этого ребенок или быстро умрет, если ему суждено умереть, или быстро выздоровеет.

Обрядов и приемов для снятия чилла у лезгин было много.

Так, лезгины селения Каракюре, помимо указанных, применяли приемы, связанные с водой. Здесь имелось несколько железных или медных тарелок с сорока отделами – чилад чанг, специально изготовленных для этих целей. Внутри посуды были выбиты суры из Корана. В посуду наливали воду с таким расчетом, чтобы наполнились только сорок отделений. Этой водой в течение трех недель, как правило в четверг (арбаг), при непрерывном чтении молитв обмывали больного ребенка. Процедуру проводил джаррах или мулла.

Действенным средством лечения от чилла считалось ношение больным ребенком носков, связанных из разноцветной шерстяной пряжи, собранной у семи невест. Этот метод лечения годился для детей обоего пола. Помимо этого, на девочку надевали платице, сшитое из лоскутов, собранных с семи домов (магия, связанная с числом семь).

Оригинальным способом лечили каракюринцы экзему у ребенка. Существовало поверье, что болезнь вызывается ношением или даже прикосновением ребёнка к отцовской одежде. Как мы уже отметили в разделе, касающего одежды, специальной детской одежды у лезгин не было. Ребенка до года заворачивали в лоскутки от старой одежды. При этом старались не использовать отцовскую одежду, что не всегда удавалось в несостоятельных семьях.

Заболевание ребенка экземой всегда связывали с нарушением этого запрета. В этих случаях больного ребенка обмазывали густой простоквашей и давали облизывать щенку.

После нескольких приемов этой процедуры ребенок излечивался, т. е. тельце ребенка становилось чистым. Видимо, лечение таким способом не лишено рациональной основы – ведь известно, что в слюне собаки содержатся ферменты, благотворно влияющие на лечение ран.

Таким образом, народная медицина лезгин, сложившаяся на основе многовекового лечебного опыта, включала ряд рациональных способов и средств, несомненно оказывающих положительное действие при лечении болезни. Что касается иррациональных приемов лечения, несомненно одно: магические обряды вызывали, особенно при безраздельной вере больного, значительный психотерапевтический эффект, “...который иногда уже сам по себе мог оказывать положительное лечебное действие; а при удачном сочетании с действительно лекарственными средствами приводить в ряде случаев к быстрому излечению”.⁶²

При отсутствии специальных медицинских учреждений народные знания в области медицины были единственным спасением для больных. Но такие болезни, как тиф, корь, оспа и другие, трудно поддающиеся лечению народными средствами, ежегодно уносили сотни и тысячи жизней. Так, только за один 1891 год в Самурском округе погибло сотни людей от черной оспы, занесенной из Нухинского уезда Елизаветпольской губернии. В трех селениях Кюринского и одном селении Самурского округа в этом же году свирепствовала корь, которая унесла много детских жизней, в Кюринском округе были зафиксированы случаи брюшного тифа, а в селении Ахты четыре человека заболели сибирской язвой, причина которой осталась невыясненной.⁶³

Территория лезгин как горная область в общем обладает здоровым климатом. Но некоторые места плоскостной части, представляющие впадины, где задерживаются подпочвенные воды, особенно на берегу Самура, отличаются крайне нездоровым климатом. Местности эти вследствие постоянного гниения воды и разложения органических остатков, способствовали развитию болотного яда, заражающего все окрестности.

Подобные же гнезда малярии создавались и искусственно там, где разводились рисовые плантации, как, например, в Кюринском округе. Местности эти являлись постоянным

источником лихорадки, которая разносилась жителями во все места области.⁶⁴

Все эти неблагоприятные условия, теснота помещений, когда больного инфекционной болезнью не могли изолировать от здоровых людей и т. д., делало санитарное состояние края весьма неблагоприятными.

Несколько улучшилось положение, когда в некоторых округах лезгин открылись лечебные заведения. Так, в селении Касумкент Кюринского округа на 1891 г. функционировал приемный покой на пять кроватей, содержащийся на общественные деньги. Здесь лечились жители названного округа, для которых по роду их болезни требовалось продолжительное лечение под непосредственным наблюдением врача. Врачебный персонал на 1891 год в остальных округах лезгин состоял всего из 9-ти окружных врачей, при каждом из которых находилось по одному старшему медицинскому фельдшеру. По количеству жителей в округах один врач приходился на население от 35,246 до 80893 душ.⁶⁵

В этот же период при окружном управлении были учреждены аптеки, из которых лекарства выдавались за счет общественных (штрафных) средств области.

Следует отметить, что местные жители весьма редко обращались к помощи официальных медицинских работников, как правило – русских.

Так, согласно источникам, всех больных, обращавшихся к окружным врачам за медицинской помощью в 1891 году, было: по Кюринскому округу всего 1,874; по Самурскому округу – 3,455 человек. По числу заболеваний в 1891 г., как и прежние годы первое место, занимала малярия, которая свирепствовала в Кюринском округе почти постоянно. Много было случаев со смертельным исходом.⁶⁶

При всех болезнях население обращалось прежде всего к местным лекарям – джаррахам, и лишь в исключительно редких случаях (после испытания всех местных средств) – к представителям официальной медицины. Вот что можно прочесть по этому поводу в Кавказском календаре на 1893 год: “Лечение у туземных врачей – знахарей, а также мулл, посредством молитв и наговоров, распространено по всей области (речь идет о лезгинских селениях – М.Р.), к помощи туземного врача прибегают в особенности в случаях хирур-

гических при лечении ран и ушибов. Женщины обращаются к нашим врачам очень редко, из опасения подвергнуться телесному осмотру, расспросам, оскорбляющих женскую стыдливость”.⁶⁷

Такое положение весьма неблагоприятно сказывалось на приросте народонаселения края. Из ведомости о движении населения за 1891 год можно видеть, что рождаемость в Кюринском округе превышала смертность всего на несколько процентов, а в Самурском округе была даже ниже смертности.⁶⁸

Заключая изложенное, отметим, что народная медицина лезгин, как и других народов, обнаруживает тесную связь с экономическими особенностями среды обитания. Она – продукт коллективного народного творчества, комплекс сложившихся рецептов и приемов лечения, передаваемых из поколения в поколение.

Народная медицина лезгин, как и других народов Дагестана, в исследуемое время отличались синкретизмом, неразрывной связью, сочетанием рациональных (диетология, физиотерапия, психотерапия, хирургия и др.) и иррациональных (магические приемы) элементов.

§ 5. Народный календарь, календарные обычаи и обряды

Народный календарь лезгин, как и других народов, прошел длительный путь развития. По всей вероятности, начальным этапом являлся период, когда календарные наблюдения фиксировались на объектах наблюдения, т. е. на самой природе, в том числе на небесных телах.

К фенологическому периоду или этапу относилось выделение определенного числа сезонов и закрепление за каждым из них соответствующей производительной деятельности.

Один из древнейших способов исчисления времени связан с тем периодом, когда счет времени велся согласно последовательности годовых праздников. Но праздники не имели четких временных границ, и потому для точного летоисчисления этот способ не годился. Это постигается на определенном уровне развития общества, т. е. с возникновением производящего хозяйства. Развитие земледелия и скотоводства требовало необходимость увязки циклов хозяйственных работ с определенными погодными условиями. Так возникает определение времени, исходя из цикличности сезонов тепла, жары, холода и т. д.

В исследуемое время сложилась устойчивая система исчисления времени, во многом универсальная для всех народов Дагестана.

По форме бытования народный календарь лезгин синкретичен.

В ходе экономического и культурного развития лезгины, унаследовав древние традиции исчисления времени, дополняли их новыми, на основе наблюдений, регламентирующих различные сферы жизнедеятельности – производительную, общественную, семейную.

Хозяйственная деятельность – занятия земледелием и скотоводством, определила необходимость наблюдения за небесными телами, за изменениями в природе, связанными с различными сезонами. Ритмическая повторяемость движения небесных светил во времени и пространстве давала народу наиболее объективные, универсальные ориентиры (суточные, сезонные и т. д.), необходимые для хозяйственной деятельности. Именно астрономические единицы счета

времени были у лезгин прообразами календарных единиц.⁶⁹ Согласно структуре народного календаря лезгин, разработанной Г.А. Гаджиевым, лезгинам были хорошо известны и имели национальные названия такие элементы сферической астрономии, связанные с солнцем, как восход (“рагъ экъечІун, экуьн ярар”), зенит (“нисин вахт”), закат (“рагъхъфин, рагъ эгисун”); связанные с луной: новолуние (“цІий варз”), полнолуние (“ацІай варз, вацран эквер”), конъюнкция (вацран ми-чІер); календарные звезды: Венера (“Экуьнин гъед, Зуьгъре гъед; Чубандин гъед–Пастушья звезда, Марс (“Яру гъед–красная звезда”), Медведица – Чіехи кицІ (“Большая собака”), ЧукІватІ – Ковш); Малая Медведица (“Гъвечи кицІ–малая собака”).⁷⁰

Звездное скопление в центре Галактики – Млечный путь, у лезгин имеет несколько названий: “Регъуьн рехъ” (“букв. “Дорога к мельнице”), “Яргъи руш” “Высокая” (длинная) “девушка”, “Хважам–Жам” (Пестрая). По свидетельству Г. Гаджиева, отдельные представители лезгин, знакомые с арабской культурой, знали также зодиакальные созвездия и примерную продолжительность пребывания солнца по суткам в пределах созвездий в переводе на календарь исследуемого периода: Рыба (“Хут”) – 15 марта – 21 апреля; Овен (“Гьамал”) 21 апреля – 17 мая, Телец (“Савур”) – 17 мая – 21 июня, Близнецы – (“Жавда”) 21 июня – 23 июля, Рак (“Сират”) 23 июля – 14 августа, Лев – (“Эсед”) 14 августа – 20 сентября, Дева “Самбал” (20 сентября – 3 ноября); Весы (“Мизан”) 3 ноября – 25 ноября, Скорпион (“Экьреб”) 25 ноября – 21 декабря, Стрелец (“Къавус”) – 21 декабря – 22 января, Козерог (“Жада”) – 22 января – 19 февраля, Водолей (“Далав”) – 19 февраля – 15 марта.⁷¹

Лезгины пользовались лунным, лунно–солнечным и солнечным календарями, что характерно и некоторым другим народам.⁷² Основы лунного календаря возникли у лезгин еще в древности. Им были известны последовательность смены фаз луны, верования, связанные с луной и т. д. Но развитая форма лунного календаря была привнесена мусульманской религией.

Год по лунному календарю равнялся 354 дням. Календарным месяцем считался месяц лунных фаз, начало месяца совпадало с новолунием. Период лунных фаз равнялся 29,5

или 30 дням, поэтому в лунном календаре 29–дневные месяцы перемежались с 30–дневными. Через каждые два года к одному из 29–дневных месяцев добавлялось по одному дню и, таким образом, среднее количество дней в году равнялось 365 дням.⁷³ Таким образом, лунный календарь был кочующим и не отражал изменений в окружающей природе, и поэтому не мог заменить земледельческий календарь, которым стали пользоваться лезгины. Лунным календарем пользовались только для определения сроков мусульманских религиозных праздников.

Лунно–солнечным календарем пользовались в основном скотоводы, которые приурочивали перегон скота к новолуниям, и земледельцы, которые старались производить пахоту, посев, жатву в новолуние – чтобы урожай был хорошим.

В исследуемое время лезгины в основном в своей хозяйственной деятельности руководствовались солнечным календарем, в основе которого лежала продолжительность тропического года в 365, 5 суток, входящих в 12 месяцев по 30 дней в каждом. В конце каждого года к календарю добавлялось еще 5 дней, и через три года – 6 дней, подгоняя начало года к периоду весеннего равноденствия.⁷⁴

Судя по эпиграфическим памятникам, лезгины в прошлом пользовались и животным циклом тюрко–монгольского счета времени, подтверждением чего является надпись на стене мавзолея святого Шейх–Ахмада Гельхенского около селения Гельхен Курахского района, впервые обнаруженная и опубликованная А.Р. Шихсаидовым.⁷⁵

Текст перевода гласит: “Шабан и Мухаммад, сыновья Иусуфа, а также Мухаммад сын Кавин Мусы построили это драгоценное здание (Канз) в селении Кулхани вилаята Риджа, подчиненного Кумуку в правление Шах–Аббаса, в год свиный, в (месяце) Рамадан тысяча тридцать первого (1622) года от хиджры пророка. Родник и мечеть на переданной в вакф горе сделал (?) мастер–суфий Махмуд, сын Шах–Кули”.⁷⁶

Календарный год лезгин, как и других народов, делится на четыре времени года: “гатфар” (весна), “гад” (лето), “зул” (осень), “кьюьд” (зима).

Весна (“гатфар”) начинается со дня весеннего равноденствия 22 марта и продолжается до дня летнего солнцестояния (21 июня).

Лето (“гад”) начинается с 22 июня – со дня летнего солнцестояния и продолжается до 21 сентября – до осеннего равноденствия; осень (“зул”) начинается с 22 сентября – со дня осеннего равноденствия и продолжается по 21 декабря, до дня зимнего солнцестояния, зима (“кьюьд”) начинается со дня зимнего солнцестояния – 22 декабря и продолжается до дня весеннего равноденствия – 22 марта.

Месяц по лезгински – “варз”, этим же словом обозначают луну, что, по всей вероятности, связано с первой мыслью о разделении года на месяцы. Первая половина месяца называется “цИи варз” (новая луна), вторая половина – “куьгьне варз” – (старая луна, ущербная луна). К 15–му дню месяца луна достигает полнолуния – “ацІай варз” (полная луна).

Год у лезгин, как и у других народов, как мы уже отметили, состоит из 12 месяцев и в прошлом начинался с марта: “Ибне” – март, “Нава” – апрель, “Тіул, Аяр” – май, “Кьаму” – июнь, “Чиле” – июль, “Пахун” – август, “Мара” – сентябрь, “БаскІум” – октябрь, “Фундукъ” – декабрь, “Ціехуьл” – ноябрь, “Гьер” – январь, “Эхен” – февраль. В исследуемое время лезгины использовали арабские названия месяцев – Мухарам, Сафар, Раби ал–аввал, Раби ас–сани, Джумада ал–уля, Джумада ал–ахира, Раджаб, Шабан, Рамазан, Шаввал, Зулкада, Зулхиджа.

Как предполагает Г.А. Гаджиев, в далеком прошлом год у лезгин состоял из 24 недель (афте) из некогда существовавших в календаре 15–дневных недель, т. е. первоначально каждая неделя состояла из 15 дней от полнолуния к новолунию и обратно. В последующем термин “афте” (неделя) был перенесен на 7–дневную неделю, привнесенную в Дагестан, в том числе к лезгинам, арабами. В исследуемое время лезгины использовали арабские названия недели: “гьяд–ахад” (воскресенье), “ислен–ислайн” (понедельник), “саласа–саласа” (вторник), “арба–арба–а”, (среда), “хамис” (четверг), “жумьа–джума” (пятница), “киш–сабт” (суббота).⁷⁷

Для определения понятия “сутки” лезгины применяют словосочетание “югьни–йиф” (день и ночь). Началом дня считается “экуьн ярар” – утренняя заря, когда появляются первые отблески солнца. Сутки делятся на более мелкие промежутки времени, определяемые по наблюдениям за луной, звездами и планетами. Продолжительность дня определя-

ют как время от рассвета (“экуьн ярар”) до вечерней зари (“негъен”). Кроме того, для исчисления малых промежутков времени суток существуют такие понятия, как: период до рассвета (“эkv тахъанмаз”), предрассветное время (“эkv ахъа хъун кумаз”), экуьн ярар (рассвет), время восхода солнца (рагъ алукуьай вахт). Этот промежуток времени определялся и как время выгона скота – “нехирар фидай вахт”, утро (“экуьн вахт – светлое время”), позднее утро (“рагъ цавуз акъатур вахт”), “нисин вахт” – полдень, нисинлай алатай вахт – время после полудня, нянин вахт – вечернее время или нехирар хкведай вахт – “время возвращения скота, йиф” – ночь, (“йифен къулар”) – полночь (букв. – “середина ночи”).

Для определения времени суток, практически светлого времени дня, лезгины пользовались деревянными шестами, вбитыми в землю. Длина и местоположение тени служили определителями времени дня. Ряд определителей существовали для установления периода наступления времен года. Почти в каждом селении существовали ориентиры (вершина или склон горы, поляна и т. д. (по положению солнца относительно которых определялось время года). Особенно показательна в этом плане Гатун даг – Летняя гора, расположенная около селения старый Гаппах, против селения Усучай. Период, когда солнце освещало вершину этой горы, считался началом лета.

Календарный год лезгин подразделялся на более мелкие подпериоды. Подробное их описание дается в работах А.Г. Трофимовой, Г.А. Гаджиева, С.С. Агашириновой, совместной работе Гаджиевой С.Ш., Трофимовой А.Г., Шихсаидова А.Р.⁷⁸

Весь годичный цикл был связан с направлением хозяйства, т. е. в каждый промежуток времени лезгины выполняли те или иные хозяйственные работы. Многие из них сопровождалась обрядами и обычаями, некоторые – праздниками, основная цель которых – проведение ритуалов, относящихся к магии плодородия.

Первый день весны – 22 марта – совпадал у лезгин с началом нового года и отмечался как Яран сувар или “Новруз байрам” (новый день – перс.). Как отмечает А.Г. Трофимова, “праздник был связан с иранским кругом религиозных верований (домусульманских и раннемусульманских) и в од-

ной из бытующих в народе легенд был связан с днем смерти жестокого хана Ирана, который ежегодно убивал людей.⁷⁹ По другой версии, этот день отмечался как праздник в честь вступления имама Али на халифский престол.⁸⁰

Но корни обрядов, связанных с весенним праздником, безусловно, восходят к языческим, домусульманским верованиям. Считалось, что выполнение этих обрядов обеспечит урожай, защитит от болезней, действий нечистой силы на людей, домашних животных и т. д.

Первоначальный смысл обрядов информаторы большей частью не помнят или объясняют неверно, сводя их к мусульманским верованиям. Они раскрываются при анализе связанных с ними ритуалов по аналогии с таковыми у других народов. Центральное место в празднике Яран сувар занимает разжигание костров и факелов. Церемонии, связанные с огнем, лезгины начинали за день (лезгины селения Мискинджа, исповедующие шиизм – за две недели) до начала самого праздника. Факелы устанавливались на крышах и воротах домов, с ними выходили на улицу и на склоны холмов, костры разжигались на площадях, улицах и т. д.

В ночь на 22 марта все население аула, не исключая стариков и детей, выходило на улицу и прыгало через костры со словами: “Заллай къада-бала цлу тухурай” (Пусть мои беды унесит огонь). Детей переносили через костер взрослые.

Обряды, связанные с огнем, обнаруживают большое сходство у всех народов (прыгание, обход костров и т. д.). Они были характерны практически почти всем народам Европы, Восточной России, арабоязычным народам.⁸¹

Церемониям с огнем исследователи дают разное объяснение. Согласно одному из них, разжигание на земле костров – это имитация солнца, т.е. подражание великому источнику света и тепла в небе (солярная теория В. Маннхардта). Согласно другой теории, ритуальные огни не имеют обязательного отношения к солнцу, а являются кострами, цель которых – сжечь и уничтожить всякое вредное влияние, исходит ли оно от одушевленных существ (ведьм, демонов) или же выступает в безличной форме – как своего рода распространяющаяся по воздуху зараза (очистительная теория Эдварда Вестмарка). С одной стороны, огонь, как и солнце, выступает в качестве создающей силы, которая благоприятствует росту растений и

развитию всего живого. Согласно другой – является стихией, разрушающей все вредные элементы материального и духовного порядка.⁸²

В день праздника вставали очень рано (до восхода солнца – чтобы весь год быть бодрым), поднимались на крыши домов и подметали их со словами: “Циц! пе́пе гьульуьхъди, гьульуьн девлет к’валихъди” (Все букашки – в море, богатство моря – в дом). Обряд, по всей вероятности, связан с очистительной магией. Средством очищения и обновления считалась вода. Рано утром лезгинки выливали всю воду и шли к источнику, чтобы наполнить всю посуду новой водой. С верованиями обновления, очищения связан обычай на новый год шить новую одежду.

С утра во всех домах выставлялось угощение – халва, сладкие слоеные пироги, мясные блюда и пр. Все родственники, соседи и сельчане ходили друг к другу, поздравляли с праздником, угощались. Особое значение придавалось калар – жареной пшенице с измельченными орехами и коноплей. Ими набивали карманы, и все взрослые и дети угощали при встрече друг друга. Большое место в обрядовой пище в эти дни отводилось яйцам. Яйца окрашивали в красный цвет и раздавали детям. Яйца – основной компонент подношений для детей, которые в день праздника ходили по дворам с мешочками. В Магарамкенте дети забрасывали мешочки в окна и двери, а сами, спрятавшись, ждали подарков. В Мискинджа мешочки опускали через отверстия в крышах (заменяющих в прошлом окна). Хозяева клали в мешочки орехи, сладости, яйца, хлеб и пр.

Окрашивание и раздача яиц имеют широкие параллели. Они играли большую роль у многих древних народов – египтян, римлян, персов, греков в весенних обрядах. В языческий период яйца считали символом весны, источником жизни. Такое их значение в учении христианской церкви приняло форму символа таинства воскресенья.

Особое значение в обрядах цикла весеннего праздника придавалось качанию на качелях – обычай, бытовавший во многих странах, который рассматривался повсеместно “как магическое заклинание роста хлебных злаков”.⁸³ Качание на качелях должно было способствовать и укреплению здоровья людей для борьбы со злыми силами. Качели устраивались

поквартирно. Качались все, вплоть до людей преклонного возраста. Детей качали родители. Представление о связи качания на качелях с заклинанием роста посевов в наши дни не сохранилось, но вера в то, что от этого уходят все болезни, до настоящего времени имеет ярко выраженный характер. В некоторых селениях Магаракентского района (Бутказмаляр и др.) около качелей раздавали хлеб. Часть его ели тут же, часть брали с собой и клали на дно к’лат – специального конусообразного сооружения для хранения зерна, чтобы “был берекат” (изобилие) урожая.

Отметим еще одно представление народа, связанное с яран сувар, судя по которому Яр считался одушевленной силой, способной ударить, убить людей и животных. Если в период Яр заболел человек или животное, лезгины говорили, что его ударил Яр.

На наш взгляд верно предположение А.Г. Булатовой о том, что Яр – это древнее божество солнца, которое могло погубить людей, не почитавших его.⁸⁴ Для предотвращения этой беды лезгины повязывали на руки красные нитки. Нитки повязывались и на рога или хвосты домашнего скота. “Красная нить – оберег как бы символизировала причастность носящего ее к почитанию солнца”.⁸⁵

С этим праздником связан ряд поверий о губительной силе чилла – рока бездетности у женщин, тяжелой болезни и т. д.

Большого или бездетную женщину в дни Яр отводили на кладбище и производили процедуру прохождения через сквозную дыру, после чего в ямку бросали железный предмет, яйцо и древесный уголь и закапывали их. В селении Мискинджа бездетную женщину в сопровождении трех человек обводили вокруг четырех кладбищ, расположенных вокруг аула. После этого производили процедуру прохождения через сквозную дыру на одном из кладбищ. Эти обряды явно связаны с культом мертвых.

С культом мертвых связан также обычай обязательного посещения в день праздника кладбищ. С самого утра группы женщин в сопровождении муллы шли на кладбище. При этом брали самое лучшее из угощений, приготовленных на праздник – халву, сладости, мясо, пироги и т. д. Каждая из женщин (после общей молитвы, обращенной ко всем мертвым, захороненным на кладбище) останавливалась у могил

своих умерших родных, читала молитвы, раздавала садакья. Считалось, что мертвые способны повлиять на благополучие семьи, рост посевов и т. д. Эти обряды зафиксированы у многих народов мира.⁸⁶

В обрядовый цикл праздника Яран сувар у лезгин входили некоторые действия, связанные с водой. Так, в день праздника лезгинки прыгали через ручьи со словами: “Заллай кьада-бала ци тухурай” (Пусть вода уносит мои беды). Существовало еще одно поверье, связанное с водой: считалось, что в новогоднюю ночь вода во всех источниках останавливается на какое-то мгновение (“капI ийизва” – молится). Если человек, увидев это, успевал выразить какое-то желание, то оно, по поверьям народа, обязательно исполнялось. Обычай имеет аналоги и у других народов.⁸⁷

По погоде в дни Яр лезгинки определяли погоду на весь последующий весенний период. Ненастья в эти дни боялись. По этому поводу лезгинки говорили: “Яраз яру стIал ават та-вурай” (Пусть в дни яр не упадет с неба красная капля).

В период Яр проводились основные сельскохозяйственные работы – вывозили удобрения на поля, разбрасывали их и, если воздух достаточно прогрелся, приступали к пахоте.

Период Яр считался временем пробуждения природы “чил чилледай акъатзава” – земля освобождается от чилла. (считалось, что все зимние месяцы земля находится под чилла – роком бесплодности, а с наступлением весны выходит из-под его влияния).

Во второй период весны – эльхен – гелъхен, алкъвар – далкъвар (7 – 22 апреля) проводится интенсивная пахота. К концу периода сажают огородные культуры (картофель, тыкву, фасоль и пр.).

В народном календаре он именуется и как период выгона скота на пастбища: “Нехирар акъуддай вахт; хпер яйлахриз фидай вахт (букв. время выгона скота, время перегона овец на яйлаги).

Праздник цветов – один из самых ярких и эмоциональных в цикле весенних праздников лезгин – описан рядом исследователей.⁸⁸ Он вообрал в себе ритуалы и обычаи, связанные с эстетическим восприятием народом красоты обновленной природы. Определенного дня для проведения

праздника не было. Юноши и девушки поднимались в горы в один из теплых, солнечных дней весны, в период, когда альпийские луга покрывались цветами. Молодежь, одетая в лучшие наряды, рано утром выходила из аула. По пути в горы пели, девушки били в бубен, танцевали. Собирались на поляне “Ругун”, где встречалась молодежь многих селений. Самурской долины (селений Ахты, Маза, Мискинджа, Кака, Зрых, Джаба и др.). Собравшиеся веселились, затевали разные игры, танцевали, пели, принимали участие в совместной трапезе. Затем собирали цветы и съедобные травы. Вечером возвращались в свои селения. Собранные цветы и травы раздавались всем встречным.

В разных вариантах сбор цветов и трав проводился почти во всех селениях лезгин. Молодежь селений Каракюре, Усухчай, Каладжух и др. в весенние дни поднималась группами по несколько человек в горы. Нередко девушек сопровождали юноши (отдельно, на некотором расстоянии от девушек). Сценарий в основных чертах был тот же, что и в упомянутых выше селениях.

Перегон скота на летние пастбища у лезгин осуществлялся в торжественной, почти праздничной обстановке. Молодежь – юноши и девушки наряжались и с песнями и танцами сопровождали отары на значительное расстояние. То же самое было при возвращении скота с пастбищ. С вестью о возвращении отар приезжал верхом кто-нибудь из молодых чабанов. Все жители селения в сопровождении зурначей выходили им навстречу. По пути обратно, затем и по прибытии в селение устраивались танцы, праздничное угощение.

С периодом пастбы скота у лезгин связан магический обряд завязывания пасти волку (“жанавурдин сив кIевун”). В случаях пропажи скота при непрерывном чтении соответствующих молитв закрывали нож и не открывали его до тех пор, пока не находили скот. Считалось, что даже если скоту встретится волк, последний не сможет навредить ему, так как у него “завязана пасть”. Если пропавший скот находили живым и невредимым, из гуманных соображений “развязывали” волку пасть, т. е. раскрывали нож, иначе он (волк) может умереть медленной и мучительной смертью от голода, что считалось грехом.

Третий период весны – “уругун-туругун (22 апреля – 7

мая) считался периодом интенсивного пробуждения природы, появления листьев на деревьях. Он считался и особенно капризным – теплые, солнечные дни сменялись резким похолоданием. Об этом периоде лезгины говорили: “Туруклун турказ агуй, тара пешер гургаз агуй, кьуд – вад аял зурзаз агуй” (Пусть приходит “Туруклун”, пусть деревья покроются листьями, пусть приходят дрова, четыре – пять детей).

Четвертый период (7 – 22 мая) – “цIиг” считался периодом расцвета природы – горные склоны покрывались пестрым ковром цветов, в низменных районах на деревьях тоже распускались цветы. В этот период сеяли кукурузу, бобовые, зелень и пр. В пятый период “чIем” (22 мая – 7 июня) завершались все полевые работы, а также перегон скота на летние пастбища.

В шестой период – “ракъар” (с 7 по 22 июня) пропалывали поля.

В этот период дожди считались благодатными для полей.

Первый период лета – “ракъар” – начинался со дня летнего солнцестояния – 22 июня и продолжался до 7 июля. В этот период приступали к жатве и сенокосу. В садах созревали черешня, персики, абрикосы.

Лезгины некоторых селений Касумкентского района, где раньше всех попевала черешня, отмечали праздник черешни – “кару”⁸⁹

Участники собирали черешню, устраивали танцы, песни, скачки и т. д.

Во второй, третий и четвертый периоды лета – “хыб” (7 – 22 июля), “чиш” (22 июля – 7 августа) и “цIиг” (7 – 22 августа) завершали сенокосные работы (косили сено и после просушки, на лошадях, санях или просто на спинах перевозили ко дворам. Сжатый хлеб подвозили к токам. Это был самый горячий период в жизни земледельца.

Все стремились вовремя, до наступления периода дождей, обмолотить собранный урожай.

Особых торжеств по поводу сбора урожая лезгины не проводили, но сам процесс работы проходил в веселой, торжественной обстановке. Женщины пели, в перерывах танцевали и т. д. Во время жатвы жницы соревновались в ловкости и быстроте. Обычно каждой выделялся участок поля, и

та, которая раньше всех завершала работу, считалась самой трудолюбивой и сильной.

Отзвуком древних представлений о воплощении хлебного духа в последних колосьях, более ярко представленных у некоторых других народов⁹⁰, можно считать обычаем у лезгин собрать с поля последние колосья и, связав их в пучок, подвешивать к потолочным балкам. Весной пучки развязывали, выколачивали зерно и смешивали с посевным зерном.

После обмолота зерна каждая семья выделяла долю вдовам, сиротам и бедным многодетным семьям – “закат”, исходя из количества собранного урожая из расчёта один “киле” (мера емкостью около 3–х кг.) на один “рипе” (32 кг.).

Период жатвы и сенокосения почти совпадал. Жали зерновые и косили по мере их поспевания. Период этот продолжался около 1,5 месяцев. Период определялся словосочетанием “векъер ядай, генар гуьдай вахт” (период сенокосения и жатвы).

В пятый период лета – “чIем” (22 августа – 7 сентября) собирали урожай с садов и огородов.

Шестой и последний период лета – “кьуьгъвер” (7 – 22 сентября) – пора осенней пахоты;

Первый день начала осени – 22 сентября – считался днем осеннего равноденствия. Первый период осени начинался с этого дня и продолжался до 7 октября. В этот период проводили пахоту и сев озимых культур (озимой пшеницы, ржи и пр.).

Во второй и третий периоды осени – “хыб” (7 – 22 октября) и “чиш” (22 октября – 7 ноября) продолжались те же работы, что и в первый период.

В четвертый период “цIиг” (9 – 22 ноября) проводились подготовительные работы к зиме (заготавливали дрова, молили зерно и пр.).

В пятый и шестой периоды осени “чIем” (22 ноября – 7 декабря) и “ракъар” (7 – 22 декабря) выполнялись всевозможные домашние работы. Женщины вязали носки, ткали ковры, мужчины заготавливали дрова, чинили сельхозинвентарь и т. д. На этот период в основном приходится одно из весьма распространенных в Южном Дагестане в прошлом занятий “киридиз фин” (уход в кири) – т. е. взрослые мужчины со своим транспортом (арбами) отправлялись в города, в основном Дербент и Баку, за солью, керосином, сахаром, тка-

нями и прочими необходимыми в хозяйстве товарами. Часто уходили в кири по заказу богатых сельчан, для хозяев лавок. Уход в кири был одним из источников доходов в семейном бюджете лезгин.

Начало зимы – “ракъар” (22 декабря) – день зимнего солнцестояния, продолжался до 7 января. В этот период и последующие периоды – “чѐм” (7 – 22 января – 7 февраля) выполнялись в основном домашние работы – женщины собирались в определенном доме поквартально на “мелер” (взаимопомощь), вязали узорные носки для невест, пряли пряжу и т. д. Период “цѐг” считался самым холодным временем года.

Периодом “чиш” (7 – 22 февраля) завершалась зима. Холода отступали. С этим периодом связаны обряды и обычаи, направленные на обеспечение урожая, сохранение себя, своих близких, посева и скота от неожиданных стихийных бедствий.

В обрядах этого периода основное место отводилось ритуальной пище. Так, с целью обеспечения будущего урожая лезгины готовили ритуальные блюда “семена” – густую темно-коричневую кашу, получаемую путѐм варки сока, выжатого из проросшего зерна, и “гитI” – вареные вместе пшеницу, фасоль, кукурузу и бараньи ножки, в которые добавляли молоко. “Семена” готовила каждая семья отдельно, но обязательно угощали соседей, родственников, сельчан.

“ГитI” готовили поквартально. Каждый вносил свою долю продуктов. Лезгины говорили: “Хидир Неби бубадин пай хъуй” (Пусть будет доля отца Хедир Неби).

Подобные обряды, направленные на обеспечение будущего урожая, есть у многих народов, хотя в разных местностях имеются некоторые отличия.⁹¹

Пятый период зимы – “хиб” (22 февраля – 7 марта) – сезон окота скота и интенсивной подготовки к весенним полевым работам.

Шестой и последний период зимы “къуьгъвер” (7 – 22 марта) считается началом весны. “Къуьгъвер – къуьгъ-яр къара гатфар” (Пришел “къуьгъвер” – пришла весна).

Как можно заключить из изложенного, со многими из периодов связан ряд обрядов и обычаев, представляющих в сущности магические средства и действия, направленные на обеспечение хорошего урожая и приплода скота. Остается

отметить обряды и обычаи, направленные на предохранение урожая от стихийных бедствий – засухи и чрезмерных дождей, града и пр.

К числу древнейших обрядов этого плана, широко распространенных у многих народов Дагестана,⁹² относятся обряды вызывания дождя и солнца. Главным персонажем обряда вызывания дождя – “Пеш апай” является мальчик-подросток, которого раздевали донага и окутывали ивовыми ветками и листьями. В селении Гапцах в роли “Пеш-апай” могла выступать и женщина. На голову “Пеш-апай” ставили “ленгера” – поднос. В сопровождении группы детей – мальчиков и девочек, Пеш-Апай ходил по улицам и дворам селения, распевая заклинания:

Аи, Пеш-Апай, Пеш-Апай,
Пеш-апайдиз марф кIанда
Имир, имир, имир, марф
Дефей чка тамир марф
Марф къуьлериз
Къуьл кIатIариз
Амин минариз
Къабул урай гъуцари

Эй, Пеш-Апай, Пеш-Апай,
Пеш-апаяу нужен дождь,
Дождь хлебам,
Иди, иди, иди, дождь,
Все пропитай, дождь,
Хлеб в амбары,
Аминь.
Пусть мольбу услышат боги.⁹³

Хозяева домов выходили с кувшинами и выливали на голову Пеш-Апая воду со словами “Къвалар къурай, аминь” (Да будет дождь. Аминь!). Участников процессии и самого Пеш-Апая одаривали орехами, сладостями, хлебом, сыром, мясом и пр.

Помимо этого, для вызова дождя, совершались молитвы, жертвоприношения. При длительной засухе лезгины Самурской долины поднимались к священному озеру “Турфанд уьр”, расположенному на Шалбуздаге и брали из него воду. Весь обратный путь кувшин с водой несли на руках, передавая друг другу, ибо, по поверью, кувшин с водой нельзя было ставить на землю. Спустившись с горы, воду выливали в реку или другой водоем. После этого, по словам информаторов, обязательно шли обильные дожди.⁹⁴

В селениях Гапцах, Каракюре, Усучай и других с целью вызова дождя один из уважаемых и благочестивых людей селения ходил по улицам с кувшином воды, на дно которого

опускали бумагу со специальной молитвой. Воду из кувшина давали пить всем встречным, время от времени дополняя его.

Как можно заметить, средства, с помощью которых люди стремились вызвать дождь, сочетают в себе элементы магии и религии: если разбрызгивание, выливание воды в водоем и пр. основаны на принципах гомеопатической или имитативной магии, то поклонение святым местам, молитвы и т. д. являются ритуалами религиозными.

При частых дождях, когда они приносили ощутимый вред посевам и мешали сельскохозяйственным работам, лезгины прибегали к другому обряду – “гуьнуь”.⁹⁵ Для этого делали чучело из палок и тряпок и ходили с ними по дворам селения. Здесь главным персонажем выступала девушка или молодая женщина, которая в сопровождении молодежи ходила по селению и распевала:

А Гьунуь, Гьунуь	О, Гуну, Гуну,
Гуьн герек	Нам нужен Гуну,
Чи Гуьнуьдиз рагъ кIанда	Гуну нужно солнце,
Рахъар - варцар инихъди	Солнце, луна - нам,
Къвалар - цифер анихъди	Дожди, туманы - от нас.

Все участники процессии и встречные хором завершали песню словом “Аминь” (Да будет так).

Другой вариант заклинания солнца:

А пехъ, пехъ, ала пехъ	Эй, чучело, красное чучело,
Пехъ ацукъна ша чими рагъ	Чучело село. Приходи,
Рахъар - варцар инихъди	теплое солнце,
Цифер - къаяр анихъди	Солнце, луна - к нам,
Аминь-минариз	Туман, холод - от нас.
Къабул авурай Гъуцари	Аминь! Пусть примут боги. ⁹⁶

В народном календаре лезгин значительное место занимают праздники и обряды, привнесенные исламом. Это Ураза-Байрам, Курбан-байрам.

Ураза-Байрам – праздник поста – кочующий праздник, который каждый год передвигается на 12 дней вперед, и поэтому определенной даты не имеет. Отмечается он в ме-

сяце Рамазан, считающемся священным месяцем мусульман, ибо по поверьям мусульман, в этом месяце Мухаммад получил первое откровение (что нет бога, кроме Аллаха). В связи с этим пророк установил для всех мусульман пост, который начинается, как только в этом месяце наступает новолуние, и заканчивается с новолунием в месяце Шаввал. В течение этого времени лезгины, достигшие 12-летнего возраста, как и все мусульмане соблюдали пост, т. е. не ели, не пили, не курили от ранней зари (“экуьн эрарлай”), до сумерек (“мичIи жердал”). Завершающим этапом поста является “сив хуьн” – праздник поста, который у лезгин, как и у всех мусульман, считается одним из самых значительных праздников годового цикла. В день праздника все посещают друг друга, поздравляют с праздником, угощаются. При этом говорят: “Ви сивер Аллагъди къабулрай. Гунагъар Аллагъди багъишрай” (Пусть твое воздержание принимает Аллах. Пусть твои грехи простит Аллах). На этот праздник готовят лучшие блюда – халву, плов, голубцы, сладкие пироги и др. Обязательным считается отведать в каждом доме хоть сколько-нибудь угощенья. В этот день прощались обиды, мирились враги.

Другой праздник календарного цикла лунного календаря – курбан-байрам – наступает через 70 дней после поста. Это праздник жертвоприношений. Каждая семья в зависимости от материальных возможностей приносила жертву скотом. Это может быть бык, теленок, мелкий рогатый скот или даже домашняя птица, т. е. обязательным было в этот день “пустить кровь” (“иви акъудна кIанда”). С этим праздником у лезгин связано кораническое и библейское поверье о человеческих жертвоприношениях. Согласно преданию, когда в жертву приносился единственный сын любимого пророка Аллаха и когда уже был занесен нож над его склоненной головой, с неба спустился белый баран. Люди поняли волю Аллаха и вместо юноши закололи барана. С этих пор были запрещены человеческие жертвоприношения, но стали обязательными жертвоприношения скотом. Мясо жертвенного скота раздается в сыром виде с обязательным охватом семи домов (вернее – семи семей). Помимо этого, во всех домах устраивается угощенье из мясных блюд, в котором принимают участие все проходящие поздравлять с

праздником.

Таким образом, календарные обряды и обычаи лезгин представляют собой комплекс представлений и обычаев различных по времени и происхождению.

Земледельческий календарь лезгин, как и других народов, был связан с практическими знаниями народа в области земледелия, скотоводства, астрономии и метеорологии. В основе его лежит труд человека, и "сам он может быть понят как созданный на ранних этапах земледелия свод указаний для практической деятельности человека, свод, построенный на основании длительного опыта".⁹⁷

Календарные обычаи и обряды лезгин, как и других народов, находились в непосредственной зависимости как от географических условий, среды обитания, так и от хозяйственной деятельности народа.

§ 6. Религиозные верования

Господствующей религией лезгин в исследуемое время был ислам, хотя в религиозных верованиях народа легко можно проследить реликты ранних форм верований – анимизма, фетишизма, культа предков, демонологии и др.

Реликты доисламских верований, сосуществуя и сочетаясь с мусульманскими культурами, дошли до наших дней. Ислам не препятствовал сохранению старых форм, ибо многие из них поддерживали эмоции религиозного порядка, преданность установлениям веры. К числу верований, носящих синкретический характер, относятся поклонение святым деревьям, камням, могилам предков, почитание огня и пр.

Пожалуй, самое полное представление о смешении религиозных верований лезгин даёт исследование наиболее почитаемых народом святынь – пиров. Как отмечает Г.П. Снесарев, "по существу своему культ святых в целом, в рамках любой мировой религии, является уступкой политеизму".⁹⁸ Хотя культ святых и пронизан элементами древних верований, последние более органично вплетены в общую мусульманскую канву. Здесь ислам основательно сnivelировал чуждые его догматике черты и приспособил к своей религии.

Пиры лезгин представляют собой одиночные могилы или небольшие каменные мавзолеи. Каждый из них связан с легендой о том или ином святом. В одних, по преданию, похоронен святой, другие – места, где останавливался святой, в некоторых захоронены реальные лица, отличавшиеся при жизни особой святостью, каким-либо даром.

Часто около пиров растут деревья или кусты, также считавшиеся священными, к которым паломники привязывают куски ткани. Они часто являются местом хранения священных книг, Коранов.

Одним из почитаемых пиров лезгин селений Каракюре, Усуччая, Гапцаха, Филя, Мака и других является пир Святого Агъакиши буба. Агъакиши буба (отец Агъакиши) – реальное лицо. Он жил в селении Каракюре в конце XIX – нач. XX вв. При жизни он отличался праведностью, доходившей до фанатизма – непрерывно читал молитвы, избегал нечестных людей, но самое главное – обладал особым даром предсказывать события, судьбы людей. Отличался странностями в ха-

рактуре – ходил в одиночестве по горам, кормил животных и птиц и т. д. Перед своей смертью Агъакиши буба завещал, чтобы на его могилу в качестве садака (жертвоприношение) сыпали зерно для птиц. Каракюринцы уверяют, что после его смерти многие видели свет, исходящий из его могилы. Сохранилось предание, что тело его унесли голуби. Лезгинны верят, что пир Агъакиши буба избавляет от зубной боли. Достаточно взять крупинку земли со святой могилы и положить на больной зуб, боль тут же прекращается. К святому обращаются в беде, с просьбами об излечении разных болезней. На пир ходят обязательно с горстью зерна для птиц и садакья в виде продуктов питания – халва, сладости, хлеб и пр. Увидев около мавзолея людей (пир расположен ниже селения Каракюре), сюда приходят дети, а иногда и взрослые и обязательно – человек, умеющий читать Коран.

Паломники вполголоса просят святого о помощи, обходят вокруг мавзолея, целуют камень у изголовья святого, раздают садака всем присутствующим, привязывают кусок ткани к камню мавзолея или кустам около него. Весьма желательным считается, если больному удастся заснуть около пира. Существовало поверье, что во сне к больному приходит святой и исцеляет его. Перед уходом каждый из паломников берет с собой горсть земли с могилы святого и на этом месте оставляет “незир” – особый вид садака за святую землю (ту–ту) в виде денег. Святую землю заворачивают в кусок чистой ткани и хранят в недоступном месте – между балок потолка, на нише и т. д. Ее можно одалживать тем, кто внезапно заболел и в данный момент не может лично посетить пир. Перед приемом туьтуь больной должен очищаться водой, т. е. искупаться.

Местом поклонения жителей Магарамкентского района являются пиры шейхов Абдурахмана и Араз–буба. Шейх Абдурахман также реальное лицо, отличавшееся при жизни благочестивостью. После его смерти из его могилы шел свет. На пир святого Абдурахмана приходят во всех трудных случаях – в случае болезни, с просьбой о благополучии семьи и т. д. Мавзолей Араз–буба, расположенный на возвышении около селения Чах–Чах Магарамкентского района, возведен также на могиле реального лица. По преданию, было семь братьев – шейхов. Почувствовав приближение смерти,

Араз–буба завещал, чтобы его останки положили на белого верблюда и там, где он остановится и сядет, похоронили его. Братья так и сделали. Остановился верблюд, но не сел около селений Мугерган, в местности “пир авай хев”, Ходжа, в местности “Ходжад хив”. Только на возвышении над селением Чах–Чах, в местности Чах–Чахрин хив, верблюд остановился и сел. Братья похоронили Араз–буба в этой местности и объявили место святым.

В селении Кахцугар Курахского района до наших дней проживают потомки святого, владеющие чудодейственным камнем.

При всех болезнях больные обращаются за помощью к ним. Потомки святого при непрерывном чтении молитв опускают камень в воду, которая при этом, как уверяют, закипает. Этой водой обмывают больного. Особо сильное действие святая вода оказывает на глазные болезни, на пораженных глазом и на детские болезни.

Известными местами поклонения жителей Докузпаринского района являются пир шейха Сафара, расположенный на поляне ниже селения Гапцах, Мурад пир около селения Каракюре и пир святого Гасана в сел. Текипиркент. Местом поклонения лезгин Касумкентского района является пир святого Джалил буба. Джалил буба при жизни отличался праведностью, стремился к добру. Девиз его был такой: “Ваз тІакІан кар масадаз иймир” (Не делай другому то, чего не желаешь себе).

Пожалуй, главное место среди святынь у лезгин занимает Эренлар – священная гора выше селений Микрах и Мискинджа. Сюда в летний период стекаются паломники не только со всех лезгинских районов, но и из Азербайджана. Эренлар включает целый комплекс святых памятников. Поднимаясь по склону Шалбуздага со стороны селения Микрах, паломники останавливаются на поляне, чтобы поклониться пиру Сулеймана (брата Текипиркентского шейха Гасана). Здесь паломники совершают молитвы, раздают часть садакья и, что интересно отметить, каждый роет для себя небольшую (символическую) могилу. Последнее связано с поверьем о том, что шейх Сулейман, идя на поклонение святой горе, умер в пути, что является высшим проявлением благоволения бога.

Прибыв на место – на относительно ровную поляну, где

расположены мечеть и огромные каменные нагромождения, образующие крытые помещения, будто воздвигнутые руками циклопов, паломники, совершив молитву, на специальном плоском камне, предназначенном издревле для закляний, режут жертвенных овец. Из мяса варят в больших котлах, хранящихся здесь, еду и раздают всем паломникам. Кусок сырого мяса (около 2 кг) каждый паломник берет с собой, чтобы приобщить к освященной еде и тех, кто не смог прийти на поклон святой горе. Внутренности животных относят и оставляют в каменных дворах. С какой целью, информаторы не смогли объяснить. В углу одного из каменных дворов имеется круглое узкое сквозное отверстие, сквозь которое пролезают все желающие очиститься от грехов. Результат прохождения служит мерилем благорасположения высших сил к тому или иному человеку: если человек грешен, камни отверстия смыкаются вокруг него и не отпускают до тех пор, пока грешник вслух не сознается в грехах, не пообещает значительное жертвоприношение в пользу бедных и сирот. Если же человек неотягчен грехами, он, какой бы комплекции не был, легко и свободно проходит через отверстие.

С наступлением ночи паломники располагаются на ночлег внутри мечети, где хранятся в образцовом порядке множество постельных принадлежностей, ковров и пр. – подношений верующих.

На следующий день после повторных молений паломники отправляются в обратный путь.

Еще выше в горах, в нескольких часах пути от описанных святынь, расположено священное озеро – Тпурфанд ур – место, на которое совершают паломничество при длительной засухе, о котором мы писали выше.

Особым почитанием лезгин, особенно шиитов в селении Мискинджа, пользуется “Къасуман утагъ” – деревянный домик с ручками. К сожалению, верования и обряды мискинджинцев строго законспирированы, что, естественно, затрудняет их изучение. Из того немногого, что нам удалось узнать, выяснилось, что Али – двоюродный брат пророка Мухаммеда, женился на его (пророка) дочери Фатьме. У Али было двое сыновей – Хасан и Хусейн. После смерти старшего брата Хасана Хусейн был признан имамом и главой шиитской религии. После смерти халифа жители Куфы

призвали Хусейна на его место. Хусейн отправился из Мекки в Куфу в сопровождении относительно небольшого отряда воинов. Езид, сын умершего халифа, человек злой и мстительный, несправедливо заподозрив Хусейна в участии в убийстве своего отца, решил убить его. Во главе большого отряда воинов Езид направился навстречу Хусейну и недалеко от Багдада на равнине Кербалы вступил в бой с его отрядом. Несмотря на неравенство сил, бой продолжался 10 дней. Воины Хусейна проявляли чудеса храбрости и мужества. Но силы были слишком неравны, и один за другим пали сын Хусейна, его зять и все воины. Последним пал Хусейн.

С той поры шииты 10 дней битвы с Езидом и гибели Хусейна отмечают как траурные. Каждый год в течение 10 дней устраиваются траурные обряды – “шах-сей”, “вах-сей” по убиенным Хусейну и его сподвижникам (самобичевание цепями, порезы на голове, проклятья езидам – убийцам святых).

Среди убитых на равнине Кербалы был и Къасум, который женился в день отъезда в Куфу. Нарядная комната невесты (Фатимы) – утагъ стала святыней не только для шиитов Мискинджа, но и для всех лезгин. Каждый год в дни обрядов лезгины совершают паломничество к “Къасум утагъ”. По поверьям народа, поклонение святыне избавляет от бедности, от болезней, способствует осуществлению цели и т. д.

К домусульманскому культу объектов неживого мира, в частности камней, восходит обычай бездетных женщин прижиматься голым телом к священным камням. Так, местом паломничества бездетных женщин селений Усучай, Кара-Кюре, Микрах, Каладжух и др. был священный камень вблизи селения Кара-Кюре. Паломницы приносили с собой жертвоприношения, раздавали всем присутствующим, читали молитвы и прижимались обнаженным животом к камню.

Примером отражения в верованиях лезгин культа деревьев можно считать Дели пир (букв. “Святыня сумасшедших”) – участок леса, расположенный между селениями Худат и Велимир Азербайджана. Район около леса заселен в основном лезгинами. “Дели-пир” – божество сумасшествия, по поверьям народа, излечивает от болезней психического

характера. Как заверяют информаторы, бывали случаи, когда к святыне привозили людей с ярко выраженными психическими расстройствами, в цепях, а уходили больные сами, исцеленные и присмирившие.

Со святым лесом связано множество преданий, легенд, удостоверяющих могущество святого – хозяина леса. Так, по преданию, потомки святого Шихмагъмуд и Шихвагъаб построили в лесу мельницу, где все могли молоть зерно без оплаты. Однажды сюда пришли со своим зерном люди, известные своим безбожием и неблагоприятными поступками. Когда они высыпали зерно в емкость, мельница внезапно остановилась. И все попытки привести ее в действие были тщетны. Ночью жернова исчезли. Их обнаружили далеко от мельницы на лесной поляне. Хозяева с помощью сельчан перенесли их обратно, но в ту же ночь они исчезли снова. Снова отправились на поиски. Изумленные люди увидели, что жернова были на том же месте, что и в прошлый раз, но сквозь одого из них выросло огромное ветвистое дерево. Потомки святого объявили место около жернова святым и решили, что все обряды будут совершаться здесь. Паломники собираются около жернова, обводят больного вокруг него, при этом один из потомков святых слегка хлещет больного прутиком.

Территория леса считается неприкосновенной. Был случай, когда в первые годы Советской власти в принудительном порядке послали рабочих для рубки деревьев для каких-то хозяйственных целей. Долго ждали их возвращения. Придя на поиски, люди обнаружили их всех мертвыми. Они были порублены топорами. Люди были убеждены, что святой наслал на них сумасшествие и они убили друг друга.

Ритуал посещения святых мест в основных своих чертах стандартен. Это прежде всего круговые движения (обходы) вокруг святилищ, затем молитвы с изложением просьбы, подвязывание лоскутков от одежды к памятникам или деревьям и кустам около них. Завершающим этапом паломничества является жертвоприношение (скотом, продуктами питания, носильными вещами и пр.) и, наконец, желательно – сон около святого места.

Эти ритуальные действия на святых местах у всех народов, исповедующих ислам, как отмечает Г.П. Снесарев,

генетически восходят к весьма архаичным, в значительной степени еще первобытным религиозным представлениям и культурам.⁹⁹ Круговые обходы святилища заставляют вспомнить о сакральном значении круга и круговых движений в целом в ряде примитивных ритуалов древности. Прикосновение к могиле святого, подвязывание лоскутков к кустам, прием святой земли и т. д. не что иное, как стремление приобщиться к сверхъестественной силе фетиша, установление контакта с объектом культа.

Высшей силой у лезгин, как и у других мусульман, считается Аллах. С его именем приступают ко всем начинаниям, его именем клянутся, его именем проклинают врагов. Имя Аллаха у лезгин отождествляется с именем единого бога – Ребби. Обращаясь к Аллаху, лезгины на первое место ставят теоним “Ребби”. (Я Ребби, Я Аллах. – О, Ребби, О, Аллах!).

Как отмечают Забит и Ризван Ризвановы теоним Ребби переключается с названием древнего арамейского божества Реб (Раб), что в свою очередь близко по звучанию имени египетского бога солнца – Ра. По-лезгински солнце называется Рагъ.¹⁰⁰

До нашего времени почитаются и домусульманские боги – Первердигар, Зулжалал, Фелек, Ген, Тавар, Атар, Алпан, Худа и др. Четко сохранились представления о карающей силе богов Афата и Алпана. Обращаясь к врагу, лезгины говорят: “Вун Афатди ягъурай” (Пусть ударит тебя Афат). Алпан – божество огня – у лезгин до наших дней считается одним из самых могущественных богов. Врагу лезгины говорят: “Вун Алпандин цу ягъурай” (Пусть тебя ударит огонь Алпана). По всей вероятности, Алпан – божество, генетически связанное с огнепоклонством. Примечательно, что молнию лезгины называют “Цайлапан” – букв. “Огонь Алпана”.

Лезгины почтительно относятся и к чужим богам, но выше них ставят Аллаха. Считается, что когда-нибудь Аллах всех людей обратит в истинную, т. е. мусульманскую, веру. Когда лезгин видит или слышит о благовидном поступке иноверца, он говорит: “Вун диндал атурай” (Да придешь ты к истинной вере).

Религиозные верования лезгин в исследуемое время не ограничиваются рамками официальных мест отправления культа. В быту лезгин глубоко укоренились древние демо-

нологические представления и связанная с ними ритуальная практика.

Демонология лезгин в целом тождественна демонологии других народов Дагестана. Однако персонажи лезгинского пандемониума имеют немало своеобразных черт.

Рассмотрим основные персонажи пандемониума лезгин и связанные с ними поверья.

Среди персонажей демонологии весьма часто встречающимися и популярными являются жинерар – джинны. Образ джинна неопределенен – он представляется как нечто мелкое, аморфное, но обладающее способностью к перевоплощению. При этом самым распространенным образом, в который любят перевоплощаться жинерар, является человек. Антропоморфизм образа джинна у лезгин – явление весьма распространенное. В каждом селении нам рассказывали случаи, когда джинны являлись в образе людей и уводили их с собой.

Местами основного обитания джиннов являются заброшенные дома, кладбища, горные ущелья и т. д. В ночное время джинны приближаются к жилищам людей. Поэтому лезгины остерегаются ночью выливать горячую воду из опасения повредить им. Выходя из дома ночью, лезгин обязательно произнесет сакраментальное “бисмиллаг”, чтобы отогнать джиннов.

Джинны лезгин подразделяются на две категории: мусульманские джинны – мусурмандин жинерар и джинны гяуров (неверных) – кяфиррин жинерар. Исходя из результатов контактов с ними, лезгины определяют, с какого рода джиннами столкнулся человек. Если встреча заканчивалась относительно благополучно – значит, это были мусульманские джинны, если трагически – гяурские.

Мусульманские джинны игривы, всячески подшучивают над людьми, встреча с ними не имеет губительных для человека последствий.

В некоторых случаях лезгины даже прибегают к их помощи. Так, когда лезгинка во время работы теряет иголку, она шуточно говорит: “Жин, жин, куьгъне раб гахце, ции раб гуда!” (Джин, джин отдай старую иголку, дам новую). В Усухчае нам рассказывали случай, якобы происшедший с молодой женщиной, страстно желавшей приобрести украшения

и обратившейся для этого к джиннам. Те достали ей их, но закружили, задержали так, что она упала без сознания.

Немало у лезгин случаев, когда джинны, приняв образ людей, заманивают прохожих на свои торжества, заставляют танцевать до упаду, есть нечистоты под видом еды, затем исчезают, оставив жертву в безлюдном месте. В Усухчае нам рассказывали о случае, якобы происшедшем с человеком по имени Нежеф. Последний шел с яйлага (летнего пастбища) в Каракюре. В местности Сураp пел его окружила группа людей и с песнями, танцами и криками увлекла на поляну Сураp кал, где шла свадьба по всем правилам. Нежефа усадили за скатерть, на которой стояли всяческие яства – дымился плов, душистая мясная щурпа, халва, свежее испеченный хлеб и т. д. После еды его повели в круг танцующих. Много женщин в нарядных одеждах танцевали с Нежефом. На одной из них он увидел богатый наряд из дарая, отороченный соболями – точная копия платья жены известного бека Нажмудина из рода Баширов. Тут Нежеф заподозрил, что имеет дело с нечистой силой. Незаметно наступив ногой в навоз, Нежеф будто случайно, задел грязной ногой подол платья партнерши. Нежеф произнес “бисмиллаг”, и все исчезло. Он увидел, что вокруг глубокая ночь и на поляне, где лежала скатерть с яствами – кучки навоза. На следующий день Нежеф рассказал о случившемся с ним на годекане. Ему не поверили. Тут один из пожилых людей предложил пойти к беку и попросить позволения осмотреть одежду его жены. Бек был человеком демократичным и согласился. Когда прислуга принесла одежду, присутствующие с изумлением увидели, что она запачкана свежим навозом.

Встреча с гяурскими джиннами чревата трагическими последствиями. Они заманивают людей на такие недоступные горные кручи, что человек, придя в себя, срывается вниз и погибает. Чаще всего эти джинны вселяются в людей и вызывают сумасшествие. Исцелить одержимого джиннами весьма сложно. В Каракюре нам рассказывали случай, якобы происшедший с молодой женщиной по имени Умуниса. Ночью, когда она кормила грудью ребенка, к ней пришли джинны под видом молодых женщин – ее подруг и увлекли ее в горы. Двадцать дней искали ее и не находили. Наконец пастух увидел ее на труднодоступной скале, совершенно об-

наженную, с диким взглядом, со спутанными волосами. Когда он попытался подойти к ней, женщина стала поднимать огромные камни и с невероятной силой кидать в него. Испуганный пастух прибежал в селение и рассказал о том, что с ним случилось.

Сельчане, прихватив с собой веревки, пришли к этому месту. Женщина кричала, кидала в них камни и не подпускала к себе.

Наконец, изловчившись, родственники и сельчане поймали ее и связали веревками. В тот же день отправились на Дели пир (о котором мы писали выше). Женщина исцелилась.

Весьма неопределенны у лезгин образы шайтана и иблиса. В сущности, в образе шайтана выступает тот же джинн, но более агрессивный, более хитрый, более непримиримый. Иблис – это демон коварный, хитрый, сеющий зло и раздоры между людьми. Представляется в образах как антропоморфном, так и зооморфном.

К категории нечистой силы относится Ал-паб. (Красная женщина), широко известная в разных вариантах как народам Дагестана и Кавказа, так и народам Передней и Средней Азии.¹⁰¹

Ал-паб представляется в образе женщины с красным лицом, распущенными волосами, являющимися объектом ее постоянных забот – ее часто видят расчесывающей их.

По представлению одних Ал-паб безобразна, другие уверяют, что она довольно симпатичная особа. Наш информатор из Зрыха Джавгарат уверяет, что Ал-паб (Тал-паб) напоминает бурдюк с водой, внутри которого виднеется страшное существо, напоминающее женщину с расплывчатыми чертами. Стоит проткнуть бурдюк острым предметом, как Тал-паб превращается в воду и исчезает. Здесь (в Зрыхе) якобы был случай, когда человек по имени Аштар, увидев Тал-паб у родника, незаметно подкрался к ней и проткнул ее острым камнем. Тал-паб моментально превратилась в воду и, слившись с водами родника, исчезла. Это еще одно подтверждение предположения исследователей о генетической связи демоницы с водным духом.

Ал-паб представляется чаще всего в образе молодой женщины, но бывают случаи, когда она встречается и в об-

разе пожилой женщины и даже старухи. Наш информатор из Усухчая Везирханова М. рассказывала, что ее отец – Шакиров Рагимхан встретился с Ал-паб, когда он рано утром шел на летние пастбища в местностей “Ирид-кьил” (“Семь голов” – место, где по преданию похоронены семь голов каракюринцев, обезглавленных в междоусобной войне за землю). Ал-паб сидела под кустом и расчесывала волосы. Она была очень стара. Рагимхан принял ее за заблудившуюся старую женщину и, желая помочь ей, спросил, что с ней случилось. Старуха злобно сверкнула глазами и ответила: “Иди своей дорогой, иначе я выпущу из тебя и твоей лошади кишки”. Тут Рагимхан понял, что встретился с Ал-паб, и в ужасе, хлестнув коня, ускакал.

Особенно опасна Ал-паб для рожениц. Во время родов она невидимой проникает в помещение с роженицей и вытаскивает у ней печень, легкие и пр. У роженицы западают язык и уши, и она умирает. Чтобы отпугнуть Ал-паб и спасти роженицу, в комнату вводят ревущего осла, бьют в медную посуду, стреляют из ружей и все громко кричат. Вытащенные внутренности Ал-паб уносит и погружает в воду. Если кто-нибудь увидит её в момент погружения внутренностей в воду, схватит за волосы и пригрозит их (волосы) отрезать, Ал-паб отдает внутренности и роженицу можно считать спасенной. В Каракюре якобы был случай, когда некий мужчина рано утром гнал скот и, проходя мимо родника “Латал”, увидел, как Ал-паб погружает в воду печень и легкие. Он вытащил кинжал и погнался за ней. Ал-паб бросила внутренности в водоем и убежала. Почти вслед за этим по селу раздался плач по умершей.

Если кому-нибудь удастся поймать и отрезать ей косу, она становится безвредной для всего рода этого человека на все времена. В селений Чах-Чах есть тухум, женщины которого избавлены от страха перед вредом, наносимой этой демоницей, ибо их предок в незапамятные времена взял у Ал-паб клятву не вредить женщинам его рода под страхом лишения ее кос.

Подчеркнуто женский образ Ал (Албасты, Алки и др.), демона, связанного с родами, наводит исследователей на мысль, что это трансформировавшийся образ богини рождения и, даже более того – образ азиатской Венеры (Анахи-

ты).¹⁰² Хотя, как отмечает Г. П. Снесарев, весь фактический материал характеризует демоницу как явно вредящую деторождению, губящую роженицу и ребенка.

По его мнению, образ Албасты значительно сложнее. Он исходит от какого-то стадийного прототипа, а позднее сочетается в себе функциональные особенности разных образов демонологии.¹⁰³

К злым духам относятся Малкамут и Кускафтар, по представлениям народа, существа с безобразными лицами. Малкамут всегда мрачен и злобен. Он посещает могилы умерших. Эти духи везде сеют зло, вредят человеку и всему живому.

Другой весьма распространенный персонаж демонологии лезгин – это Хъварц – домовый. Образ его весьма неопределен. Он представляется как в антропоморфном, так и в зооморфном образах. Хъварц в основном вредит спящему человеку. Он приходит к нему во время сна в образе кошки (Усучай), в образе человека с одной ноздрей и в бараньей папахе (Чах-Чах), наваливается на спящего и душит его. Лезгины селения Чах-Чах считают, что если бы Хъварц имел две ноздри, он удушил бы спящего. Перед тем, как душить человека, Хъварц снимает папаху и закрывает ею кувшин с водой. Если кому-нибудь удастся завладеть папахой, Хъварц тут же умирает, ибо, по поверью народа, его душа заключена в папаху. В селении Зрых считают, что Хъварц (здесь – Хвал) имеет образ шара со множеством длинных вибрирующих красных рук, которыми он обвивает и душит человека.

Значительное место в верованиях лезгин занимают пережитки анимистических представлений. Представления о духах связаны с душами умерших людей, т. е. это двойники людей, покидающие тело после смерти человека.

Духи бессмертны, они обладают всеми признаками существования (едят, пьют, надевают одежду и т. д.). в образе своего живого двойника.

Духи вступают в непосредственные контакты с живыми. Почти в каждом селении лезгин нам рассказывали случаи, когда духи давали о себе знать. Чаще всего это осуществляется через посредство людей, обладающих особым даром, особыми личными качествами, помогающими им вступить в контакт с таинственным миром духов. Как правило, эти

люди (в большинстве своем – женщины) имеют определенную власть над духами, так как могут вызывать их по своему желанию.

Но иногда духи вселяются в них самостоятельно, без вызова посредника; в таких случаях посредник может пользоваться их сведениями только в тот период, когда они находятся в его теле. Духи через них передают свою волю, свои желания живым родичам. Часто предсказывают события и судьбы людей. В Чах-Чахе нам рассказывали случай о вмешательстве духов в жизнь людей. Молодого человека по имени Салегь унес селевой поток. Долго его искали и не находили. Решили обратиться к Мегъри – женщине, известной способностями вызывания духов. Вызвав духов (при этом она приносила какие-то заклинания и махала руками), женщина спросила у них о судьбе Салегья. Духи через Мегъри ответили, что Салегь мертв и находится в местности Нашрав, близ селения Неджеф, и что один его глаз уже выклеван вороном. Сельчане нашли юношу в названном месте и с выклеванным глазом.

Души умерших часто являются людям во сне, чтобы что-либо сообщить. После каждого такого сна лезгины раздают садакъя в виде еды или носильных вещей. Лезгины очень боялись вызвать недовольство духов и всячески старались угодить им. Каждый четверг обязательно готовят еду и дают садакъя – “кьейибрун пай” (доля умерших). Если в семье не могли готовить в силу разных обстоятельств горячую еду, в печь бросали кусок овечьего сала, чтобы духи услышали хоть запах еды (еще одно подтверждение бестелесной сущности духов).

Представление о плохом отношении духов покойников к людям распространены почти у всех народов. Как считает В.А. Литвинский, “причина в том, что духи вообще дурно настроены и готовы причинить зло тем, кто их пережил”.¹⁰⁴ Поэтому люди принимают всяческие меры, чтобы расположить их к себе.

Особенно боялись лезгины духа “Къурд”, т. е. духа злого человека, восставшего из могилы, человека, которого не принимает земля. Эти духи чаще всего выступают в своем телесном обличье и ходят по земле, творя зло – набрасываются на все живое и душат людей и животных.

В представлении лезгин существует загробный мир – “Ахиратдин дубнья” (последняя инстанция, подлинный мир), где обитают души умерших. В этом мире духи занимают то место, которое соответствует деяниям в земном в мире: праведные блаженствуют в раю (женнет), грешники мучаются в огне ада (жегьеннем).

Самое распространенное пожелание для пожилых людей у лезгин – это пожелание для них хорошего дома в истинном мире (Ви ахиратдин квал късни хуй” и проклятье недругу – “Ви ахиратдин квал члур хуй” – Да будет благословенен твой дом в истинном мире, т. е. на том свете. Да разрушится твой дом в последнем (истинном мире).

После страшного суда души умерших отправляются в рай через мост – эхиратдин муьгъ – тонкий, как волос и острый, как кинжал. Праведные проходят через него легко, а грешники падают в бушующее под ним пламя – эхиратдин цай.

Немало поверий у лезгин связано с дэвами – антропоморфными существами огромного роста и большой силы. Местами их обитания считались горы. Представления о дэвах у лезгин чаще всего находят отражение в фольклоре. Дэвы ведут человеческий образ жизни: они живут во дворцах, имеют несметные богатства, отары овец и т. д. Дэвы относительно безвредны, они не причиняют вреда человеку, если последний не предпринимает враждебных действий по отношению к ним.

В верованиях лезгин, особенно в фольклоре, весьма распространен образ аждагъа (аждахъа). Аждагъа имеет двойной образ – это дракон с огнедышащей пастью, пожирающий все живое на своем пути, и огромное антропоморфное существо с двумя и более головами.

Образ аждагъа в виде дракона – явление универсальное, распространенное у народов, у которых трудно даже заподозрить генетическую общность или наличие в прошлом культурных взаимовлияний. Как отмечает Г.П. Снесарев, этот мифический дракон, несомненно, принадлежит к образам каких-то стадийных верований.

Однако в нем нетрудно различить черты, сближающие его генетически с демоническими образами древнеиранской мифологии. Более того, образ этого чудовища гораздо ближе

авестийскому представлению о нем и, следовательно, весьма архаичен.¹⁰⁵

Космогонические представления. Земля, по представлениям лезгин, имеет плоскую форму. Существуют семь земель и семь небес (ирид чилер, ирид цавар). Земля, на которой мы обитаем, стоит на спине огромного быка. Перед ним все время кружится овод. Когда бык, выведенный из терпения оводом, крутит головой, происходит землетрясение. Если бык вздумает сдвинуться с места, наступит светопреставление – ахиратдин югъ (последний день земли).

Солнце и луна, по преданию, – брат и сестра. Однажды, когда сестра – солнце мазала куском овчины глиняный пол, брат – луна вступил с ней в спор о том, кому из них в какое время суток восходить над землей. Брат-луна считал, что сестре – солнцу лучше выходить в ночное время во избежание нескромных взглядов людей, а ему – мужчине – лучше днем. Сестра ответила, что это ее не пугает, так как тем, кто на нее посмотрит, она вонзит в глаза огненные иглы. В гневе на то, что брат не соглашается с ней, она ударила его по лицу мокрым куском овчины, что оставило на лице луны – брата несмываемые пятна.

Солнце и луна у лезгин считаются священными. На них молятся, к ним обращаются за помощью, ими клянутся: “Ракъунал кьин хуй”, (клянусь солнцем). “Вацрал кьин хуй” (клянусь луной), “Ваз рагъ къалим хуй” (Пусть покарает тебя солнце”), “Варз къалим хуй” (Пусть покарает тебя луна). Особенно действенным считалась мольба к луне в период новолуния. Любой лезгин, увидев новую луну, останавливается и обращается к ней с какой-либо просьбой. Дети при этом громко кричат: “Цийи варз цийи хуй, зун вирдилай члехи хуй, зун вирдилай зурба хуй” (Пусть новая луна будет новой, пусть я буду больше и сильнее всех).

Лезгины очень боялись затмений солнца и луны. По поверьям народа, затмение происходит оттого, что пророк Джабраил закрывает их своим крылом от людей в наказание за грехи и что затмения влекут за собой всяческие несчастья – мор, неурожай, падеж скота и т. д.

Универсальны у лезгин поверья, связанные с происхождением человека. Человек создан из земли и уходит в землю.

Вопрос о происхождении человека – один из первых, ко-

торый задает пророк Джабраил после смерти человека. (Два других вопроса – “Кто хозяин Вселенной (Аллах) и “Что священные – Коран или хлеб” (они равноценны). Правильные ответы на эти вопросы являются ступенью к очищению человека в потустороннем мире.

В верованиях лезгин значительное место занимают представления о вредоносной силе сглаза (чІал хьун). Представления о сглазе, восходящие к примитивным формам религиозных воззрений, уходящие в глубокую древность, пережив все формы религии, сохранились до наших дней в неизменном виде.

Вера в сглаз пронизывает всю сферу сакральных представлений лезгин, как и многих других народов. Согласно Авесте, злая сила “дурного глаза” ставилась в один ряд с враждебными действиями демонов.¹⁰⁶

Вред, наносимый сглазом, универсален – он может поразить как живые существа – людей и животных, так и объекты неживого мира – хороший урожай в поле, дом и пр. Человек или животное, пораженные сглазом, опасно болеет и, если не принять срочных мер – умирает. Поле, на которое брошен дурной глаз, засыхает, урожай на нем погибает, дом разрушается (от землетрясения, пожара и пр.). Субъектом сглаза служит человек, по представлению народа, большей частью женщина, со светлыми глазами и редкими зубами.

Сглаз осуществляется произвольно, помимо воли человека, обладающего этой вредоносной силой. Стоит ему похвалить или даже бросить взгляд на кого-нибудь или что-нибудь, как объекту наносится вред.

Другой вид вредоносной магии носит произвольный характер, т. е. человек со злым умыслом предпринимает различные действия, направленные на причинение вреда определенному лицу. Вредоносная магия проявляется по-разному: так, во время заключения никагь (мусульманский обряд бракосочетания) недоброжелатель мог завязывать узлы, запирать замок, закрывать нож и т. д. с целью вызвать ицит – половое бессилие новобрачного, намеренно приходиться на свадьбу с похорон с целью вызвать чилла – бездетность у новобрачной. В этой связи отметим, что действия, направленные на вызывание чилла, весьма многообразны (броса-

ние тухлых яиц вслед свадебной процессии, гашения лампы невесты и др.).

По поверьям лезгин, достаточно матери или другим родственникам тяжело больного ребенка придти с ним к другому больному ребенку, болезнь первого передается второму и последний умирает, в то время как первый выздоравливает.

У лезгин выработался и обширный комплекс оградительных мер, направленных на предотвращение и лечение болезней, вызванных вредоносной магией. Универсальным средством для всех случаев является серия амулетов и талисманов – сабаб. Это большей частью соответствующие суры из Корана, написанные на бумаге и зашитые в кусок ткани или кожи, которые носят на теле (во время болезни и часто – в профилактических целях).

В качестве фетишей выступали и некоторые полудрагоценные камни – кагъраба (агат и др.). Их носили на шее как украшение и как средство от сглаза. По всей видимости, их использовали в качестве амулетов задолго до того, как стали носить в качестве украшений. Амулеты связаны с самыми ранними, примитивными формами религии первобытных людей. Со множеством из них связана вера в то, что использование какой-либо части животного может передать человеку его свойства.

Существуют амулеты, изготовленные из различных веществ, используемых как самостоятельно, так и в комплексе. Так, фетишем может служить змеиный язык, зашитый в кусок ткани или кожи. Человек, носящий его, приобретает большую силу – преуспевает во всех делах, не знает отказа ни в одной своей просьбе. Недаром лезгины говорят: “Гъве-легъдин мез кувайди я” (Человек со змеиным языком). Действенными фетишами, особенно от сглаза, служат собачьи и волчьи экскременты, зашитые вместе в кусок ткани. Компонентами комбинированных амулетов служат иглы ежа, мышиный хвост или лапки, собачьи экскременты.

Универсальными оберегами от сглаза служат раковины кауры. Их пришивали к одежде ребенка в профилактических целях. Позднее их заменили “уьлун хтар” – глазные камни – небольшие черные бусинки с белым пятном.

Общепринятыми оберегами для роженицы считались

острые металлические предметы (гвоздь, нож, ножницы и др.), которые клали под подушку роженицы в течение сорока дней после родов, т. е. весь тот период, когда она находится под чилла и особенно подвержена влиянию нечистой силы. Д. Фрезер приводит множество примеров того, что железо у многих народов служил оберегом от нечистой силы. По его предположению, "...отвращение духов к железу...так сильно, что они не смеют приблизиться к лицам или предметам, охраняемым этим зловредным металлом, а значит, можно употреблять железо для изгнания призраков и других опасных духов".¹⁰⁷

Вред, наносимый сглазом, мог лечить любой человек, в основном этим занимались женщины. Не требовалось особого профессионализма, чтобы производить некоторые простейшие церемонии для лечения от сглаза. Так, чтобы вылечить больного от сглаза, собирали мусор с тех мест, где проходил человек, подозреваемый в нанесении вреда, поджигали его и окуривали больного. На ручке колыбели больного ребенка раскладывали вату и при непрерывном чтении молитв поджигали ее.

В более сложных случаях болезней, вызванных сглазом, обращались к помощи профессионалов, т. е. людей, обладающих особыми знаниями в области народной медицины или особым даром. Они умели определять болезнь, назначить лечение, сочетающее в себе как рациональные, так и иррациональные методы. В Каракюре жил человек, который владел белой и черной магией, но никогда не пользовался своими познаниями в черной магии, считая ее богопротивным делом, но в тех случаях, когда вред уже нанесен, т. е. кто-нибудь воспользовался вредоносной магией, он считал своим долгом помочь людям. При этом чаще всего он искал вредоносный амулет, который недоброжелатель спрятал в доме объекта своей ненависти (в щели на стене, в подушке, матраце и др. местах). Средства черной магии могли быть самыми разнообразными. В Каракюре нам рассказали случай, когда приглашенный к больному мулла установил причину болезни и начал искать в доме амулет, с помощью которого наслана болезнь, и нашел его в пуховой подушке. Амулет содержал горсть риса и пучок полусожженных волос.

Универсальным методом лечения от сглаза считалось

составление амулетов – сабаб, а также жертвоприношения скотом и иногда – птицей. В связи с этим хочется привести кубезный случай, рассказанный нам в Каракюре. Известный здесь фекьи – мулла посоветовал обратившимся к нему за помощью родственникам тяжело больного (как подозревали – от вредоносного влияния черной магии) зарыть в землю на старом кладбище желтого петуха, оставив при этом голову его на поверхности. Родственники больного, взяв с собой самого большого петуха, какой нашелся в селении, отправились на кладбище и закопали его, как посоветовал мулла. После процедуры вернулись в селение. Спустя некоторое время один из участников обряда случайно увидел муллу, направляющегося в сторону кладбища. Из любопытства он крадучись пошел за ним и увидел, как мулла откопал петуха и спрятал его за пазуху. Родственник больного подошел к мулле и спросил его, почему тот забрал жертвенного петуха. Растерявшийся мулла ответил, что забыл произнести над петухом какую-то необходимую процедуру. Здесь более всего интересен факт закапывания петуха, являющийся, по всей вероятности, отзвуком человеческих жертвоприношений, сменившихся позднее приношением в жертву животных. О существовании человеческих жертвоприношений в далеком прошлом на территории лезгин свидетельствовал еще Страбон, котрый пишет, что кавказским албанцам были известны человеческие жертвоприношения наряду с астральным культом.¹⁰⁸

В исследуемое время у лезгин сохранились, хотя в относительно слабой степени, реликты теротеизма, т. е. поклонения животным. Так, безвредная неядовитая змея особой породы – "бибикар алай гъвелегъ" – пестрая с яркими пятнами на голове, которая иногда поселяется между балками жилого помещения, считается покровителем дома и семьи. Ее кормят самой лучшей едой (в основном она любит молоко и коровье масло). Запрещается беспокоить ее громким криком, заглядывать в ее нору.

Культе змей сильно развит у многих народов с глубокой древности. Так, божество ацтеков Кветцалкоатль изображалось в форме змеи. У негров Бенина был сильно развитый культ змей, причем громадная змея, считавшаяся их прародительницей, жила в особом жилище близ высокого дерева

и ей оказывали всяческие почести и приносились жертвы. Отражение культа змей можно видеть и на монетах римского периода, где изображены змеи. О роли змеино-го культа в древне – индусском буддизме свидетельствуют скульптурные украшения Санчи, изображающие толпу змеепоклонников. У современных индейцев пуэбло жрецы на празднике предков – качина пляшут с живыми змеями и т. д.¹⁰⁹

Несколько слов о системе специализации религиозных запрещений – табу. Запреты эти у лезгин имеют как рациональную, так и иррациональную основу. Круг запретов и обрядов, входящих в эту систему, у лезгин не так обширен, как у некоторых других народов, скажем, у народов Полинезии, родине термина табу, где система запретов охватывает все сферы жизни.¹¹⁰

Табу у лезгин имелись двух родов. В одном из них – “гъарам” – предметы и существа, на которых распространяется табу, считаются “нечистыми”, “запретными”; во втором – “гъунагъ” – грех, объекты табуации имеют атрибут “священности”, “неприкосновенности”.

К табу первого рода – гъарам у лезгин относились мясо некоторых животных, в частности свиньи, и все то, что относилось к смерти, и частично – к родам. Табу второго порядка – гъунагъ объединяют запреты к объектам, имеющим, как мы уже отметили, атрибут святости. Это многочисленные запреты, касающиеся святых мест – нельзя подходить к святым местам, не искупавшись, нельзя подпускать к ним людей нечестивых, изобличенных в прелюбодеянии и т. д. К этой же категории запретов относятся запреты, касающиеся некоторых птиц – грех убивать голубя, ласточку и применять их мясо в пищу, за исключением особых случаев, о которых мы говорили выше. Отношение к этим птицам наводит на мысль, что, возможно, некогда они являлись тотемными, ибо и в наше время трогать их, разрушать их гнезда у лезгин считается большим грехом. Прилет ласточек весной и свивание гнезда в доме у лезгин считается счастливым предзнаменованием – они верят, что это приносит в дом счастье.

Под большим табу – “гъунагъ” находилось имущество мечетей или пиров. В Каракоре был якобы случай, когда очень бедный человек зашел в мечеть поздно ночью, чтобы взять что-нибудь из пожертвований для своих детей. Зай-

дя во внутрь мечети Абумуслима, он поздоровался: “Салам алейкум, чан Абумуслим” (Здравствуй, Абумуслим) и к своему ужасу, услышал ответ, “Къяхчуна къвач, базимискин” (Забирай и уходи, бедняк). Бедняк от страха лишился чувств. В Усухчае был случай, когда старая женщина взяла небольшой Коран с пира святого Гасана в Текипиркенте. В тот же день у колодца утонула ее пятилетняя внучка. Сама паломница и сельчане считали, что святой Гасан наказал паломницу за то, что она взяла Коран с его пира. Таких примеров, закрепляющих веру в неприкосновенность святых обителей и непреломной каре, последующей за нарушением запрета – много.

Множество запретов у лезгин связано с хлебом. Считается грехом – гъунагъ бросать хлеб на пол, наступать на него, резать его ножом и т. д.

Заклячая изложенное о религиозных верованиях лезгин, отметим, что господство в исследуемое время развитой религиозной системы – ислама, не исключало параллельного существования реликтов ранних форм религий.

Многие верования, обряды и обычаи, сложившиеся у народа с языческих времен, ислам с его гибкой идеологией использовал и приспособил к мусульманским верованиям, некоторые домусульманские верования ассимилировались, получили новую религиозную окраску.

Примечания

1. См.: *Забит и Ризван Ризвановы*. История лезгин. – Махачкала, 1990. – С. 8.; *Халифаева А. К.* Духовная культура лезгин первой половины XIX в. Автореферат диссертации на соиск. уч. ст. канд. ист. наук, – Махачкала, 1996. – С. 14.
2. Корюн. Жизнеописание Месропа. Пер. Эмина. Париж, 1869. По: *Абдурагимов Г. А.* Кавказская Албания – Лезгистан. История и современность. – СПб, 1995. – С. 29.
3. Книга переписи. Древнеармянский текст. – Тифлис, 1901. По: *Абдурагимов Г. А.* Указ. раб. – С. 29.
4. История Агван Моисея Каганкатвази. – СПб., 1861. По: *Абдурагимов Г. А.* Указ. раб. – С. 30–31.
5. См. *Тревер К. В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М. – Л., 1959; История великого армянского вардапета Гевонда. – СПб., 1887; *Еремян С. Т.* Идеология и культура Албании III–VII вв. // Очерки истории СССР. III–IX вв., – М., 1958; *Шанидзе А. Г.* Язык и письмо кавказских албан. – Тбилиси, 1960 и др. По: *Абдурагимов Г. А.* Указ. раб. – С. 30–32.
6. См.: *Пахомов Е. А.* Пехлевийские надписи Дербента. – Баку, 1929. – С. 21.
7. См.: *Халифаева А. К.* Указ. раб. – С. 15.
8. Кавказский календарь на 1893 год. – С. 183.
9. Кавказский календарь на 1893 год. – С. 181.
10. Там же.
11. Там же.
12. См.: *Каймаразов Г. Ш.* Из истории образования в Дагестане в XIX в. // УЗ ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. XII. Серия историческая. – Махачкала, 1964. – С. 95.
13. Кавказский календарь на 1886 год. – С. 215–216.
14. *Каймаразов Г. Ш.* Культурное строительство в Дагестане (1920–1940 гг.). – Махачкала, 1960. – С. 23.
15. См.: *Хасбулатов Ш. Д.* Народное образование в Дагестане. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1958. – С. 8.
16. ЦГА РД. Ф. 34–Р. Оп. 1. Ед. хр. 59. л. 8.: По: *Каймаразов Г. Ш.* Культурное строительство в Дагестане. – С. 25.
17. Подробно о народном образовании и культурном строительстве в Дагестане см.: *Каймаразов Г. Ш.* Культурное строительство в Дагестане (1920–1940). – Махачкала, 1960; Его

же. Очерки истории культуры народов Дагестане. – М.: Наука, 1971.

18. *Вагабова Ф.* Формирование лезгинской национальной литературы. – Махачкала, Даг. ФАН СССР. 1970. – С. 70.
  19. *Ганиева А.* В поисках легендарного героя. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1986. – С. 14.
  20. См.: РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Д. 19. Ф, 9. Оп. 1.
  21. *Ганиева А.* Указ. раб. – С. 24–25.
  22. См.: Лезги халкъдин манияр. – С. 51.
  23. Там же. – С. 31, 32, 51.
  24. Там же. – С. 35, 49.
  25. Къайриманвилини манияр. – Махачкала: Дагучпедгиз. – С. 1973.
  26. *Ганиева А. В.* В поисках легендарного героя. – С. 85, 89.
  27. Там же. – С. 149 – 150.
  28. Къагъриманвилини манияр. Собраны З. Ризвановым и Б. Селимовым. Пер. с лезгинского наш. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1973. – С. 25–29.
  29. Тексты см.: Кагъриманвилини манияр. – С. 30–62.
  30. Лезгинские народные сказки /Сост. А. Ганиева. – Махачкала, 1980. Лезги халкъдин манияр. Сост. *Гашиаров Г. Г., Ганиева А.*, – Махачкала: Учпедгиз, 1989; Лезги халкъдин махар. Сост. *Ганиева М. Б.* – Махачкала: Дагучпедгиз, 1980 и др.
  31. Содержание см.: Лезги халкъдин махар. Сост. *Гашиаров Г. Г.* – Махачкала: 1989. – С. 6–24.
  32. Там же. – С. 105–157.
  33. См.: Лезгийрин мисалар вам мискIалар. – Махачкала, Дагкнигоиздат. 1961. Лезги халкъдин мисалар вам мискIалар, – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1974 и др.
  34. Подробно об ученых и просветителях лезгин см.: *Гасан-эфенди Алкадари*. Асари–Дагестан. – Махачкала, 1929. – С. 146–160.
  35. См.: *Вагабова Ф.* Традиции и новаторство в творчестве основоположника лезгинской литературы Етим Эмина// УЗ ИИЯЛ. Даг. ФАН СССР. Т. XV. – Махачкала, 1965. – С. 153.
  36. Анализ и классификация произведений Етима Эмина. См.: Указ. раб. – С. 151–177.
  37. Там же. – С. 154.
- * Следует отметить, что здесь и далее переводная поэзия Эмина (особенно в переводе Ю. Даниэля) весьма неудачна.

Стремление переводчика достичь рифмовки приводит к искажению смысла и утрате необычайного обаяния творений поэта.

38. См.: *Етим Эмин*. Шиирар. – Махачкала, 1960.
39. Полный текст см.: Шиирар, – Махачкала, 1960. – С. 73–74. Перевод наш.
40. Полный текст см.: *Вагабова Ф.* Традиции и новаторство в творчестве основоположника лезгинской литературы *Етим Эмина* // УЗ ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. ХУ, – Махачкала, 1965. – С. 176–177.
41. Там же. – С. 177.
42. Там же.
43. См.: *Сулейман Стальский*. Избранное. – Махачкала: Даггосиздат, 1948.
44. Полный текст см.: *Хрюгский Тагир*. Когда наступает весна. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1954. – С. 3–6.
45. Там же. – С. 11–12.
46. Там же. – С. 23–25.
47. См.: *Лезги халкъдин манияр*. /Сост. А. Ганиева. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1990.
48. Эта песня в несколько ином варианте записана А. Ганиевой. См.: *Лезгинские манияр бо отходничество* // УЗ ИИЯЛ Даг. ФАН. СССР. Т. XVIII. – Махачкала, 1968. С. 5.
49. *Ганиева А.* Указ. раб. – С. 5–22.
50. *Лезгинский фольклор*, – Махачкала: Дагиздат, 1941.
51. Это же в несколько ином варианте см.: *Ганиева А.* Указ. раб. – С. 8.
52. *Лезгинский фольклор*. – Махачкала, 1941. – С. 67.
53. Полный текст см.: *Лезги халкъдин манияр*. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1990. – С. 71.
54. По: *Вагабова Ф.* К вопросу об особенностях лезгинской народной песни // УЗ ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. XII. Серия филологическая. – Махачкала, 1964. – С. 169.
55. См.: *Вагабова Ф.* Указ. раб. – С. 169–170.
56. Полный текст см.: *Лезги халкъдин манияр*. Перевод наш. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1990. – С. 73–74.
57. *Зульфугарова М.* Зарождение и развитие драматургии и театрального искусства народов Дагестана // УЗ ИИЯЛ Даг. СССР. Т. XII. Серия филологическая. – Махачкала, 1964. – С. 148–150.

58. *Говоров С., Абдулаев Г.* Лезгинский театр. – Махачкала, 1960. – С. 18.
59. Там же.
60. См.: *Дибиров М. А.* Народные лекари Дагестана. XIX–нач. XX в. // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1984–1985. – Махачкала, 1986. – С. 20.
61. См.: *Ибн-Сина*. Канон врачебной науки. Кн. 1. – Ташкент, 1954. – С. 322–338; *Вогрилик В. Г., Вяземский Э. С.* Очерк китайской медицины, – М., 1961. – С. 14, 88; *Ершов Н. Н.* К вопросу о народной медицине таджиков. Тез. ВКЭНМ. – С. 32–33; *Арид М. Х., Аристова Г. Ф.* Народная медицина у курдов Ирака. Там же. – С. 46, 47. По: *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. – М.: Наука, 1981. – С. 221.
62. *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. – М.: Наука, 1981. – С. 223.
63. *Кавказский календарь на 1893 г. Дагестанская область (1891 г.)* – С. 176.
64. Там же. – С. 176–177.
65. *Кавказский календарь на 1893.* – С. 174.
66. Там же. – С. 176.
67. Там же. – С. 178.
68. Там же. – С. 178.
69. *Гаджиев Г. А.* Структура народного календаря лезгин в XIX – нач. XX в. // *Календарь и календарные обряды народов Дагестана.* – Махачкала, 1987. – С. 29.
70. Там же.
71. Там же. – С. 29–30.
72. См.: *Цыбульский В. В.* Современные календари стран Ближнего и Среднего Востока. – М., 1964. – С. 126, 146, 210. По: *Гаджиев Г. А.* Указ. раб. – С. 31.
73. Там же. – С. 31, 32.
74. См.: *Гаджиев Г. А.* Указ. раб. – С. 31–32.
75. *Шихсаидов А. Р.* Арабские строительные надписи Дагестана // УЗ ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. 13. – Махачкала, 1964. – С. 119.
76. По: *Айтберов Т. М.* Некоторые сведения о летоисчислении и календаре в Дагестане XVII–XVIII вв. // *Календарь и календарные обряды народов Дагестана.* – Махачкала, 1987. – С. 43–44.

77. См.: *Гаджиев Г. А.* Указ. раб. – С. 38–39.

78. См. *Трофимова А. Г.* Обряды и празднества лезгин, связанные с народным календарем // СЭ, №1, – М., Изд. АН СССР. 1961, – С. 143–149; *Гаджиева С. Ш., Трофимова А. Г., Шихсаидов А. Р.* Старинный земледельческий календарь народов Дагестана. – М.: Наука, 1964; *Гаджиев Г. А.* Структура народного календаря лезгин в XIX – нач. XX в. // Календарь и календарные обряды народов Дагестана. – Махачкала, 1987. – С. 37; *Агаширинова С. С.* Материальная культура лезгин. – М.: Наука, 1978. – С. 38–72.

79. *Трофимова А. Г.* Обряды и празднества лезгин, связанные с народным календарем // СЭ, №1. – М.: Изд-во АН СССР. 1961, – С. 143.

80. Там же.

81. См.: *Фрэзер Д. Д.* Золотая ветвь. – М.: Политиздат, 1980. – С. 676 и др.; Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы (конец XIX – нач. XX в.). Весенние праздники, – М.: Наука, 1977. – С. 13, 22; Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Зимние праздники. – М., 1973. – С. 58, 69, 81, 255 и др.

82. По: *Фрэзер Д. Д.* Золотая ветвь. – С. 711–712.

83. *Гроздова И. Н.* Народы Британских островов // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. – М., 1977. – С. 99; Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. – М.: Наука, 1989. – С. 38–39.

84. *Булатова А. Г.* Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX – нач. XX в. – Л.: Наука, 1988. – С. 25.

85. Там же.

86. См.: *Ковалевский М. М.* Закон и обычай на Кавказе. Т. 1. – М., 1896. – С. 202–203; *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. – С. 114; Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Зимние праздники. – М.: Наука, 1973. – С. 313–314; Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Весенние праздники. – М., 1977. – С. 319 и др.

87. См.: Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Зимние праздники. – М., 1973. – С. 28 и др.

88. См.: Поездка г. Беккера по Южному Дагестану // ССКГ. Вып. 9. – Тифлис, 1873; *Трофимова А. Г.* Обряды и обы-

чаи лезгин, связанные с народным календарем // СЭ, №1, 1961. – С. 145; *Гаджиев Г. А.* Праздник цветов в Ахтах // Наука и религия. №8, 1984. – С. 38; *Булатова А. Г.* Традиционные праздники и обряды народов Горного Дагестана в XIX–нач. XX в. – Л.: Наука, 1988. – С. 61–62; *Рагимова Б. Р.* Общинные обряды и праздники лезгин, связанные с народным календарем (Конец XVIII–XIX в.) // Календарь и календарные обряды народов Дагестана. – Махачкала, 1987. – С. 67–68 и др.

89. Об этом же см.: *Золотухин.* Черешневый праздник. Газ. “Северный Кавказ”, 1901, № 86; *Трофимова А. Г.* Обряды и обычаи лезгин, связанные с народным календарем // СЭ, №1, 1961. – С. 145.

90. См.: Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Летне–осенние праздники. – М.: Наука, 1978. – С. 28–31, 87, 133, 158, 205.

91. Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы (конец XIX – нач. XX в.) Весенние праздники. – М.: Изд “Наука”, 1977. – С. 95, 122 и др.

92. См.: *Булатова А. Г.* Праздники летнего календарного цикла у даргинцев // Календарь и календарные обряды народов Дагестана. – Махачкала, 1987. – С. 58–63; *Рагимова Б. Р.* Общинные обряды и праздники Самурских лезгин, связанные с народным календарем (конец XVIII–XIX в.) – С. 67–68; *Азизов С. А.* Некоторые обряды аграрного цикла у народов Южного Дагестана в XIX – нач. XX вв. // Календарь и календарные обряды народов Дагестана. – С. 71–72 и др.

93. Разные варианты заклинаний см.: Лезги халкьдин манияр. – Махачкала: 1990. – С. 8; *Рагимова Б. Р.* Указ. раб. – С. 68; *Азизов С. А.* Указ. раб. – С. 71.

94. Об этом же см.: *Рагимова Б. Р.* Указ. раб. – С. 68.

95. Об этом же см.: *Азизов С. А.* Указ. раб. – С. 72.

96. См. также: Лезги халкьдин манияр. – Махачкала: Даггучпедгиз, 1990. – С. 8.

97. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. – М.: Наука, 1973. – С. 7.

98. *Снесарев Г. П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. – М.: Изд. “Наука”, 1969. – С. 266.

99. *Снесарев Г. П.* Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. – М.: Наука, 1983. – С. 36.

100. См.: Ризванов З., Ризванов Р. История лезгин. – Махачкала, 1990. – С. 35.

101. Домусульманские верования и обряды Азии. – М.: Наука, 1975. – С. 228; Асатрян Г. Обряды детства и воспитание детей в традиционной культуре персов // Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей у народов Передней и Южной Азии, – М.: Наука, 1983. – С. 70–71;

102. См.: Андреев М. С. По этнологии Афганистана. Долина Панд–Шир (Материалы из поездки в Афганистан в 1926 г.). – Ташкент, 1927. – С. 81.

103. См.: Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. – М.: Наука, 1969. – С. 62–63.

104. Литвинский Б. А. Зеркало в верованиях древних ферганцев // СЭ, №3, 1964. – С. 100.

105. См.: Снесарев Г. П. Указ. раб. – С. 32.

106. Авеста. Вендидад. XIX. 3. 7. 9. По.: Снесарев Г. П. Указ. раб. – С. 64.

107. Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь. – М.: Политиздат, 1980. – С. 69.

108. Страбон. География. – М., 1879.

109. См.: Штернберг Л. Я. Первобытная религия. – Л., 1936. – С. 411.

110. См.: Там же. – С. 411, 412, 413 и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отсутствие письменных источников затрудняет изучение древнейшей истории и культуры лезгин. Тем не менее, археологические, этнографические, топографические, лингвистические и другие данные свидетельствуют, что лезгины, как и другие народы Дагестана, являются одними из древнейших и крупных народов Кавказа, сыгравших значительную роль в исторических судьбах региона.

На всех исторических этапах лезгинскому народу приходилось отражать непрерывные нашествия иноземных завоевателей – хазар, татаро–монголов, персов, арабов, турок и др., и отстаивать независимость своей родины.

Опустошительные походы иноземных завоевателей наносили огромный урон экономической и культурной жизни народа. Бесперывные войны отразились и на политической системе края – лезгины разных областей оказывались надолго оторванными друг от друга. К XVI–XVII вв. на территории расселения лезгин возникают отдельные политические образования – Ахтыпаринское, Докузпаринское, Алтыпаринское общества. В XVIII в. на территории лезгин Южного Дагестана наряду с феодальными владениями существовали и союзы сельских обществ – ахтыпаринское, докузпаринское, алтыпаринское, курахское вольные общества. Таким образом, в течение своей многовековой истории лезгины не имели единого государственного образования.

Вхождение Дагестана, в том числе и территории лезгин, в состав России, открывает новую эпоху в истории лезгинского народа. Прекратились непрерывные нашествия других завоевателей, хозяйство приобретает товарный характер. Перекраивается и политическая карта территории расселения лезгин. В 1806 году Кубинское, а в 1812 году и Кюринское ханства входят в состав России. Их примеру следуют Ахтыпаринское, Алтыпаринское, Докузпаринское вольные общества. Лезгины Кубинского ханства входят в состав Бакинской губернии, а лезгины Кюринского ханства и Самурских вольных обществ в Кюринский и Самурский округа Дагестанской области.

Основными занятиями лезгин с древнейших времен были земледелие, скотоводство и кустарные промыслы. На-

правление основных отраслей хозяйства носило зональный характер. Так, если в низменных районах расселения лезгин основным направлением хозяйства было земледелие, то в ряде районов высокогорья главной отраслью хозяйства было скотоводство, в основном овцеводство. Крупный рогатый скот разводили главным образом в плоскостных и предгорных районах.

Довольно высокого уровня лезгины достигли в производстве керамических изделий, в прикладном искусстве, изготовлении ювелирных изделий и пр.

Во всех отраслях хозяйства лезгин сложились определенные традиции и навыки, корни которых уходят в глубокую древность.

Формирование поселений предопределялось совокупностью ландшафтных, природно-географических и хозяйственно-экономических, а также оборонных факторов. По типам поселения лезгин подразделялись на селения (хуър), отселки (казмаяр) и оба (тип отселка).

Жилище лезгин, как и в других народов Дагестана, прошло сложный путь эволюции от примитивной однокамерной постройки до многокамерного хозяйственно-жилого комплекса. Характерные жилища лезгин в исследуемое время – это двухэтажные постройки из горного, речного камня и самана с плоской крышей, нишами для хранения постельных принадлежностей и камином для отопления помещений.

В одежде лезгин, как и в других элементах материальной культуры, отразились и естественно-географические, и исторические, и социально-экономические, и семейно-бытовые условия жизни народа. В ней нашли отражение и национальная самобытность народа, его культурные традиции, художественные вкусы. В то же время в ней много общего с одеждой других народов Дагестана и Кавказа. В одежде лезгин Южного Дагестана, особенно пограничных с Азербайджаном районов, а также лезгин, проживающих на территории Азербайджана, прослеживается немало черт, присущих национальному костюму азербайджанцев. С конца XIX в. одежда лезгин, особенно мужская, обогащается рядом элементов русской городской одежды.

Пища лезгин определялась природно-географическими условиями и направлением хозяйства. Поскольку основны-

ми направлениями хозяйства лезгин были земледелие и скотоводство, пищевой рацион состоял в основном из продуктов этих отраслей, т. е. изделий из муки, мяса, молока и пр.

Основной формой семьи у лезгин в исследуемое время была малая семья с сохранением в пережиточной форме неразделенных семей. В семейных отношениях и семейной обрядности сохранились отголоски материнского права, матрилокального поселения, рудименты домотеистических верований, обрядовых действий. В семейно-брачных отношениях велика была роль ислама.

В общественной жизни ведущая роль принадлежала сельской общине – джамаату. Органом управления был сельский сход во главе с должностными лицами, избираемыми самим народом. Системы общинно-административного управления и судопроизводства были основаны на адате и шариате, в основных своих формах единых для всех народов Дагестана.

Характерными чертами общественного быта лезгин, отражающими уровень социально-экономического развития народа, специфику правовых, этических и моральных норм были такие общеизвестные в Дагестане институты, как обычай взаимопомощи, гостеприимства, кровной мести.

Духовная культура отражала уровень развития общественно-экономических отношений, условия повседневной производственной и общественной жизни народа.

Основной базой народного образования до конца XIX в. служили медресе и мектебы, в которых ученики обучались арабской грамоте. С включением Дагестана в состав России появляются светские школы и учебные заведения.

Основу народной литературы составляло устное народное творчество, отличавшееся богатством и разнообразием художественно-изобразительных средств.

Народная медицина, сложившаяся на основе многовекового лечебного опыта, находилась на достаточно высоком уровне. Она отличалась синкретизмом – сочетанием рациональных (диетология, физиотерапия, психотерапия, хирургия и др.) и иррациональных (магические приемы) элементов.

В результате многовекового опыта в области земледелия, скотоводства, практических знаний в области астрологии и

метеорологии у лезгин сложился оригинальный сельскохозяйственный календарь и связанные с ним праздники и обрядовые действия. Земледельческий календарь и календарные обряды и обычаи лезгин имеют много общего с другими народами. Сходные праздники, обычаи и обряды календарного цикла можно встретить у народов, различных по своему происхождению, местоположению.

Религиозные верования лезгин имеют несколько пластов, возникших в разные исторические эпохи. В них можно проследить реликты ранних форм верований (анимизм, фетишизм, демонология и пр.), однако наибольшей жизнеспособностью и наибольшим разнообразием отличаются верования, связанные с исламом.

Список сокращений

1. АКАК – Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею, Тифлис.
2. ДГУ – Дагестанский государственный университет.
3. ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения.
4. ИГЭД – История, география и этнография Дагестана. XVIII–XIX вв. Архивные материалы под ред. М. О. Косвена и Х. М. Хашаева. Москва. 1958.
5. ИВ – Исторические вести. Москва.
6. КК – Кавказский календарь. Тифлис.
7. КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии. Москва – Ленинград.
8. КОИРГО – Кавказское отделение императорского Русского географического общества. Тифлис.
9. КЭС – Кавказский этнографический сборник. Тбилиси.
10. МАД – Материалы археологии Дагестана. Махачкала.
11. РФ ИИАЭ – Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук.
12. ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис.
13. СЭ – Советская этнография. Москва.
14. СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис.
15. УЗ ИИЯЛ – Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР. Махачкала.
16. ЦГА РД – Центральный Государственный архив Республики Дагестан, Махачкала.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
Краткий исторический очерк.....	32
ГЛАВА I. ХОЗЯЙСТВО	53
§ 1. Земледелие.....	53
§ 2. Животноводство.....	60
§ 3. Подсобные отрасли хозяйства.....	65
§ 4. Кустарное производство.....	68
ГЛАВА II. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА	77
§ 1. Поселения.....	77
§ 2. Жилище.....	85
§ 3. Одежда.....	98
§ 4. Пища.....	111
ГЛАВА III. СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ	122
§ 1. Формы семьи, семейные отношения.....	122
§ 2. Формы брака и свадебная обрядность.....	138
§ 3. Обряды и обычаи, связанные с рождением ребенка.....	164
§ 4. Похоронные обычаи и обряды.....	175
ГЛАВА IV. ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ	189
§ 1. Общественно-политический строй.....	189
§ 2. Обычай взаимопомощи.....	200
§ 3. Гостеприимство и куначество.....	204
§ 4. Кровная месть.....	208
ГЛАВА V. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА	221
§ 1. Народное образование.....	221
§ 2. Фольклор.....	226
§ 3. Наука, литература, театр.....	237
§ 4. Народная медицина.....	252
§ 5. Народный календарь, календарные обычаи и обряды.....	262
§ 6. Религиозные верования.....	279
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	307
Список сокращений.....	311

М.Ш. Ризаханова

**ЛЕЗГИНЫ. XIX – начало XX в.
Историко-этнографическое исследование**

Редактор *Хуршилова М.*
Корректор *Хазимова А.*
Верстка *Курбанова В.*

Подписано в печать 27.09.05 г. Формат А5. П. л. 9,8.
Гарнитура “Minion Pro”. Тираж 500. Заказ №7.

ООО «Издательский дом “Эпоха”»,
г. Махачкала, ул. Ушакова, 3 «в», тел. 67-55-56.

